

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И ВАЛКАНИСТИКИ
НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ОВЩЕСЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ЦЕСЛАВ)**

ЯН КОЛЛАР – ПОЭТ, ПАТРИОТ, ГУМАНИСТ

К 200-летию со дня рождения

Москва

1993

ЯН КОЛЛАР - ПОЭТ, ПАТРИОТ, ГУМАНИСТ

К 200-летию со дня рождения

Настоящий сборник посвящен 200-й годовщине со дня рождения выдающегося культурного деятеля словацкого народа — поэта и просветителя, певца славянской взаимности Яна Коллара (29 июля 1793 — 24 января 1852). Статьи подготовлены по материалам юбилейной научной конференции, состоявшейся 27 мая 1993 года в Москве, в Институте славяноведения и балканистики Российской академии наук в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор филологических наук,
профессор НИКОЛЬСКИЙ С. В.
(ответственный редактор),

доктор филологических наук
СМИРНОВ Л. Н.,

кандидат филологических наук
ШВЕДОВА Н. В.

ISBN 5-201-00768-6

© Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993

ЯН КОЛЛАР – ПОЭТ И КУЛЬТУРНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

В 1993 году Праздник славянской письменности и очередной Международный съезд славистов совпадают с двухсотой годовщиной со дня рождения выдающегося сына словацкого народа, поэта и культурного деятеля Яна Коллара (1793–1852), одного из представителей того крыла европейского просветительско-гуманистического движения, которое особое внимание уделяло национальным отношениям, проблеме равенства и равноправия народов. Эта проблема, естественно, занимала важнейшее место в жизни угнетенных народов Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе славянских. Коллар стал одним из идеологов славянского национального возрождения, охватывавшего, как известно, вторую половину XVIII – значительную часть XIX века и выражавшегося в нарастающем подъеме национально-освободительного движения у южных и западных славян и борьбе за развитие их национальной культуры. Всю свою жизнь Коллар посвятил осмыслению судьбы славянских народов. Его имя сделалось своего рода знаком и символом славянской взаимности. Сам этот термин вошел в обиход после появления его сочинения на эту тему.

Словак по национальности, писавший на чешском языке, Коллар одновременно внес вклад в развитие как чешской, так и словацкой литературы. Он занял свое особое место и в общем духовном пространстве славянской поэзии. Доминанту его поэтического творчества, как и всей его деятельности, составляет идея национального самоутверждения славянских народов и их взаимной помощи. В этом смысле объективно он является продолжателем тех давних устремлений, которые наметились накогда еще в деятельности Яна Кохановского, Юрия Крижанича и некоторых других.

Жизнь Коллара-поэта, публициста, пастора словацкой евангелической общины в Пеште – во многом была человеческим подвигом. Сын сельского старосты, он только против воли отца и ценой разрыва с ним смог получить об-

разование, собственным трудом зарабатывая на жизнь и на плату за учение в гимназии, лицее и университете (он окончил широко известный тогда немецкий университет в Иене). Подвигом противодействия было и его литературное творчество. Представителю небольшого славянского народа, жившего под двойным национальным гнетом – со стороны австрийских и венгерских правящих кругов, не так просто было выразить свое национальное самоощущение и надежды на лучшее будущее славянских народов. Обращаясь к потомкам, Коллар писал:

Не судите о нас по тому, что и как написать мы сумели,
А судите о нас по тому, что и как мы посмели писать¹.

Процесс национальной эманципации угнетенных народов сопровождался стремлением отстоять и поднять свою национальную культуру, подтвердить свой культуротворческий потенциал. Особый вклад в этот процесс у славян внес как раз Коллар. Он ценил связь славянской культуры с общеевропейскими традициями, да и сам он сформировался на скрещении путей разных культур, не только славянской, но и греческой, латинской, немецкой, венгерской. Античная и ренессансная традиция были так глубоко освоены им, что он свободно писал стихи на латинском языке и даже, будучи уже прославленным поэтом, сожалел, что не сохранились его юношеские латинские элегии – настолько он находил их совершенными. И вместе с тем он последовательно отстаивал самобытность славянской культуры, рассматривая ее прежде всего как порождение собственного исторического и духовного бытия. Несколько заостряя мысль, он писал: "Целью нашего образования является не эклектическое наслаждение экзотическими продуктами, не составление коллекции всевозможных завезенных ценностей, а помочь естественному развитию нашей самобытности... Паразитарная ученость и паразитарная культура, пытающиеся только соками чужой жизни и не создающие ничего духовного своей внутренней силой, означают смерть для народа и науки... С чужбины вывезенные и взятые напрокат культура, прогресс и реформы, которые не зиждятся на историческом фундаменте нашего народа, ... отрывают его от собственного прошлого, укореняются лишь

на поверхности современной жизни и не могут заложить великолепную и прочную будущность”².

Как художник Коллар стал первым у чехов и словаков крупным поэтом нового времени. Всего через каких-нибудь два десятилетия после того, как самый авторитетный тогда чешский языковед Йозеф Добровский высказал сомнение, не стал ли чешский язык в результате иноземного гнета уже мертвым подобно латинскому и старославянскому языкам, Коллар на практике продемонстрировал незаурядные художественные возможности этого языка, создав поэму, состоящую из нескольких сот строф, выдержаных в изысканной форме сонета. Вместе с Мицкевичем и Прешерном он стал крупнейшим мастером сонета в славянских литературах XIX века.

Более того, Коллар имел дерзость заявить, что по своим поэтическим возможностям славянские языки не только не уступают западноевропейским, но и обладают даже в некоторых отношениях преимуществами перед ними: "Славянская речь превышает многие европейские языки как богатством, так и разнообразием звучий, ибо не только каждый корень в них и каждое слово само по себе, но и каждое склонение и спряжение, каждое число, падеж и время представляют новые и новые рифмы одного и того же слова"³. Оговоримся, что Коллар порой увлекался в своих языковедческих суждениях и особенно в своих этимологических построениях, которые теряли порой всякую связь с наукой. Однако в приведенном высказывании нет особых преувеличений. Это подтверждается и сходными наблюдениями ученых XX века. Так, Р. О. Якобсон, выступая в 1973 году на VII Международном съезде славистов в Варшаве, подчеркивал, что на английском языке принципиально невозможны стихотворения типа "Заклятия смехом" В. Хлебникова, полностью построенного на словах, производных от одного корня ("О, рассмейтесь, смехачи! О, засмейтесь, смехачи!" и т. д.). Такое стихотворение могло появиться только благодаря особенностям словообразования в славянских языках, обилию и богатству префиксов и суффиксов. Стихотворение Хлебникова, собственно, и демонстрирует это богатство.

При обращении к поэме Коллара неизменно вспомина-

ются традиции Петрарки. Как и знаменитые любовные сонеты Петрарки, она была посвящена возлюбленной поэта и передавала (опять-таки впервые в чешской и словацкой литературе) целую сложную гамму чувств любви от радостных и окрыляющих до грустных и трагических. Тем самым утверждался богатый гуманистический мир человеческой личности и закладывались основы подлинной лирики с полнокровным самовыражением лирического субъекта⁴. Но это только одна сторона. С чувством любви к женщине в поэме словацкого поэта сравнялась по силе и интенсивности любовь к родине и славянству. Сама героиня поэмы по мере развития поэтической мысли становится олицетворением славянства, дочерью богини Славы, мифической покровительницы славян, созданной воображением поэта (название поэмы может быть переведено на русский язык и как "Дочь Славии"). Адам Мицкевич писал: "Возлюбленная Коллара, приобретая все более идеальные черты, постепенно превращается в образ, созданный воображением поэта. Коллар влюблена в национальную идею славянства – вот его возлюбленная, вот Лаура, которую он повсюду изыскивает, плакивает... Иностраницу трудно понять, как это можно воспевать народ в образе человека; тем не менее эта форма распространена у поляков и чехов. Польские поэты нередко изображают свой народ в образе мужчины, в чешской поэзии он часто передается в образе девы"⁵. Срезневский назвал произведение Коллара "чудной одой-поэмой". Это действительно лиро-эпическая ода славянству, апофеоз его, прославление деяний предков и вместе с тем плач по судьбам угнетенных славян, скорбь о вымерших и вымирающих под наростом германизации славянских племенах:

Вижу родную страну – и слезы из глаз моих льются.
Гроб для народа она, гроб, а в былом -- колыбель!⁶
(Пер. С. Шервинского)

Проникнутая протестом против инонационального гнета, поэма Коллара, естественно, отражала конфликтность отношений между подневольными славянскими народами империи Габсбургов и господствующими нациями. Гуманистический аспект подхода поэта к националь-

ной проблеме выразился прежде всего в том, что на понятие нации и патриотизма он перенес высокие морально-этические требования, в чем несомненно сказались и его христианские убеждения. И адресовал он эти требования и нравственные критерии не только другим, но и прежде всего самим славянам:

Нацию почитай единственно как сосуд человечности.
Пусть слово "славянин" звучит как слово "человек".

Или:

Тот лишь достоин свободы, кто ценит свободу другого.

Тот, кто рабов заковал, сам по душе своей раб⁸.

(Пер. С. Шервинского)

Он отвергал античный, по его определению, тип патриотизма, когда древние народы ценили, как он считал, только себя, отрицая права других народов. Оппозиция эгоистического и гуманного патриотизма – одна из главных в системе представлений Коллара. "Берегитесь тупого, нетерпимого, кичливого патриотизма, ... потому что он часто бывает предлогом для самых черных поступков... служит ложным оправданием оскорбления человеческих прав... Тем самым мы отнюдь не хотим отвергнуть любовь к родине и желаем только, чтобы она перестала носить античный характер и приняла характер гуманный. Ни один из древних народов и особенно греки, римляне и евреи не избежали этого греха одностороннего патриотизма, который признавал и уважал только себя, свою страну и своих соотечественников, всех же остальных презирал и притеснял, а идею чистой человечности не допускал вообще. Все остальные народы были для греков "варварами", т. е. полу-дикарями, полулюдьми, были существами, созданными, рожденными для рабства, без притязаний на право, достоинство и свободу. Для римлян раб никогда не был личностью, а просто вещью, как это говорится в их законах... Евреи называли других народов "гоями", что значит язычники, нечистые, рабы, враги"⁹. И в то же время, тут же Коллар заявлял: "Кто отказывается от своей нации, не уважает и не любит свой язык, пренебрегает его духом и характером, тот не способен понять настоящей любви к родине"¹⁰.

Словакский поэт не проходил и мимо противоречий и

конфликтов между славянскими народами. Он тяжело переживал трагедию поляков. В поэме "Дочь Славы" не случайно возникает образ Польши — "козленка", растерзанного тремя "монаршими орлами". Но он жил надеждой, что победят идеи человечности и братства.

Основной пафос поэмы "Дочь Славы" заключается в призывах к сближению и единению славянских народов, к преодолению ими раздоров во имя расцвета их национальной жизни и культуры. В духе романтических увлечений Коллар питал иллюзию, что славяне вообще составляют один народ, разделенный лишь на различные племена и наречия. Подобное представление находилось в явном противоречии с реальной исторической действительностью и вскоре стало оспариваться как в Чехии, так и в Словакии (Карел Гавличек Боровский, штурновцы). Однако сама идея общности славян и призывы к дружбе и согласию были подсказаны благородным воодушевлением.

Вера в будущее славян не была у Коллара просто спонтанным романтическим порывом. Она была тесно связана с идеей развития, прогресса, которую принесла с собой эпоха Просвещения, философия Гегеля и Гердера (Коллар особенно ценил последнего). И хотя представление о неуклонном движении бытия по восходящей линии далеко не всегда подтверждается в реальной действительности и часто служит источником жестоких разочарований, в данном случае это был весьма важный стимул. Однако надо со всей определенностью подчеркнуть, что эпоха национального возрождения — и, может быть, в этом и кроется один из секретов ее плодотворности — была временем не только устремленности в будущее, но и большого синтеза ценностей прошлого. Шел интенсивный синтез национального языка и письменности, исторических традиций, духовной эстнической культуры. Осмысление исторического прошлого славян, деяний предков в поэме Коллара — тоже своеобразное проявление этого синтеза. Но Коллар и иначе участвовал в нем.

Конец XVIII века — начало XIX века были временем открытия целого неведомого ранее материка народной художественной культуры славян. Перед восхищенными взорами образованных кругов Европы предстали знамени-

тые русские былины, богатейший сербский эпос (вспомним оценки и творческие отклики Герцера, Гете, Мериме, Пушкина). Свой замечательный вклад в собирание славянской народной поэзии внес и Коллар. В собственном его творчестве фольклор почти не нашел отражения. Но он высоко ценил его. В народных песнях он видел "картины, в коих каждый народ вернее всего живописует и представляет свой характер, они история его внутреннего мира и его жизни"¹¹. Сам народ рисовался Коллару в виде некоего коллективного поэта. Обращаясь к профессиональным поэтам других народов, он однажды не без гордости заявил в своем стихотворном афоризме: "Вы петь должны народу своему, а нам поет народ"¹².

Коллар глубоко понимал значение народной поэзии как источника становления национально-самобытной литературы и поэтической культуры, особенно в условиях, когда собственная литературная традиция была ослаблена и почти прервана веками иноземного гнета. Он называл народные песни "ключами от святыни национальности"¹³. На протяжении всей своей жизни Коллар собирал словацкие народные песни и привлекал к этому занятию других. Эта деятельность увенчалась изданием фундаментального двухтомного собрания словацких песен, содержащего две с половиной тысячи текстов. В этом отношении имя Коллара стоит в одном ряду с именами таких собирателей славянского фольклора, как Чулков, Прач, братья Киреевские в России, М. А. Максимович на Украине, Ф. Л. Челаковский и К. Я. Эрбен в Чехии, В. Караджич в Сербии, З. Доленго Ходаковский и О. Кольберг в Польше, Станко Враз в Словении, братья Миладиновы в Болгарии и т. д.

Собрание словацких народных песен Коллара имело неоценимое значение для развития всей последующей словацкой литературы и особенно поэзии, ее жанрово-стилевых форм, стихосложения и, несомненно, языка. Таким образом, скептически относясь к созданию самостоятельного словацкого литературного языка, – это было одно из самых существенных заблуждений Коллара – он в то же время определенными сторонами своей деятельности немало способствовал его становлению и развитию, как и развитию словацкой литературы в целом. Поколение шту-

ровцев не только полемизировало с ним, но во многом и развивало его, будучи связано с ним узами преемственности.

Коллар не ограничивался поэтическим воплощением своих мыслей, чувств и надежд. В 30-е годы XIX века он выступил с практической программой культурного сотрудничества славянских народов, опубликовав сочинение, которое называлось "О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянского народа" и вскоре появилось также на немецком, сербско-хорватском и русском языках. Речь шла именно о культурном, духовном, нравственном, не политическом сплочении. Коллар подчеркивал, что взаимность "не выражается ни в политическом объединении всех славян, ни в демагогических посягательствах или революционных мятежах против местных властей и правлений, что порождает только хаос и несчастья"¹⁴. Тем не менее, как указывают и словацкие исследователи, влияние концепции Коллара имело и свой политический аспект, она "стала составной частью словацкого, чешского и иллирийского сопротивления гнету"¹⁵.

Следует также сказать, что иллюзорно-романтическое представление о славянах как едином народе, состоявшем лишь из различных племен, не помешало Коллару признать за каждым таким "племенем" и "наречием" право на собственную индивидуальность. И хотя им была предпринята попытка выделить четыре основных среди них, он тем не менее провозглашал: "Каждое наречие должно черпать из другого новую жизненную силу для собственного омоложения, обогащения и образования, но при этом не посягать на других и не допускать посягательства по отношению к себе, так что все племена и наречия неизменно остаются на своем собственном незыблемом месте"¹⁶.

Программа Коллара предполагала взаимное изучение славянами по крайней мере нескольких языков, учреждение соответствующих кафедр в средней и высшей школе, издание общеславянских журналов, налаживание взаимной книжной торговли и книгообмена, создание профицированных библиотек и т. д. Подобные задачи, кстати говоря, не утратили своего значения и в наше время, особенно если учесть то разрушение культурных связей и обмена

культурными ценностями между славянскими народами, которое наблюдалось после 1917 года: ликвидация кафедр славянской филологии в нашей стране и репрессии против ученых-славистов, резкое сокращение обмена научной информацией и книгообмена (в библиотеках нашей страны зияет до сих пор не устранивший огромный пробел в фондах периодики и книг из славянских стран за 20–40-е годы, да и зарубежной литературы по славяноведению вообще за те же годы). С начала 20-х годов вообще культивировалось недоверчиво-компрометирующее отношение к самим упоминаниям о славянской общности, родстве славян, славянскому вопросу и т. д. Положение стало меняться только во время войны. Большие трудности с научным обменом возникли и в последнее время, что опять-таки заставляет вспомнить и программу Коллара.

Многие из практических мер, предложенных Колларом, осуществлялись затем, частично еще при его жизни, – осуществлялись если не под прямым его влиянием и в иных формах, чем он предполагал, то во всяком случае не без воздействия той духовной атмосферы, в формировании которой такую важную роль сыграла и его поэзия и его просветительские, публицистические выступления. То и другое получило широкий отзвук в славянских странах – у южных славян, в частности, у деятелей иллирийского движения, центром которого стала Хорватия, в России, на Украине. Т. Г. Шевченко хорошо знал идеи Коллара и его соотечественника Шафарика, имена которых он упоминает и в одной из своих поэм. С Колларом лично были знакомы многие слависты, основатели славистики и кафедр славяноведения у восточных славян – О. М. Бодянский, И. И. Срезневский, В. И. Григорьевич, М. Н. Погодин и др.

Правда, почитатели Коллара порой шли от него в разных, иногда противоположных направлениях, и прогрессивных и своекорыстных. Но лучшие его последователи, отказавшись от утопических иллюзий о славянах как о едином народе, развивали идею славянской взаимности в концепцию общности и сотрудничества полностью самостоятельных и равноправных наций. Время скорректировало и некоторые другие представления Коллара. Однако в сути, в сердцевине своей его мысли и чувства, его художе-

ственные образы стали составной частью живого духовного наследия славянских народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Kollár J. Básně.-Praha, 1952. S. 361. Стихотворные переводы без указания переводчика, как и подстрочки, принадлежат автору статьи.
2. Kollár J. O literárnej vzájomnosti...-Bratislava, 1954. S. 138. Издание содержит подробные комментарии и обстоятельную аналитическую статью К. Розенбаума.
3. Kollár J. Básně. S. 387.
4. Срв.: Šmatlák S. Poézia Jána Kollára // Zborník materiálov z vedeckej konferencie o Jánovi Kollárovi. - Martin, 1976. S. 21.
5. Мицкевич А. Собр. соч., т. 4. - М., 1954, С. 394-395. Срв. интересное наблюдение Л. А. Софроновой о творчестве самого Мицкевича: "Слияние темы любви к женщине с темой любви к родине происходило не только в представлении исследователей, но и у самих писателей: "Ее (Зосю Малевскую. - Л. С.) считайте родиной; любя которую, мы не ревнем и только становимся ближе друг к другу" (Софронова Л. А. Польская романтическая поэзия. - М., 1992. С. 128. Внутри цитата из Мицкевича).
6. Антология чешской поэзии. Т. 1. - М., 1959. С. 121.
7. Kollár J. Básně. S. 351.
8. Антология чешской поэзии. С. 122.
9. Kollár J. O literárnej vzájomnosti... S. 128-129. Русский перевод см. в книге: Антология чешской и словацкой философии. - М., 1988. С. 235-236.
10. Там же.
11. Kollár J. Prózy.-Praha, 1956. S. 207.
12. Koliár J. Básně. S. 352.
13. Koliár J. Prózy. S. 217.
14. Koliár J. O literárnej vzájomnosti... S. 111.
15. Rosenbaum K. Funkcia medziliterárnosti v slovenskej literatúre národného obrodenia // Ďurišin a kolektív. Osobitné medziliterárne spoločenstvá. 5. Slovanské literatúry. - Bratislava, 1993. S. 111.
16. Koliár J. O literárnej vzájomnosti... S. 111.

ЯН КОЛЛАР И КАРЕЛ ГАВЛИЧЕК-БОРОВСКИЙ ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ВОЗРОЖДЕНИЧЕСКОГО ГУМАНИЗМА

Ян Коллар, который, по определению известного чешского ученого Ф. Водички, "был первым великим поэтом чешского и словацкого национального возрождения"¹, своей поэзией и теоретическими трудами способствовал тому, что в литературах этих двух народов уже в первой половине XIX века в центр выдвинулись идеалы человеколюбия, равенства, духовных ценностей. Можно по-разному оценивать эстетические достоинства отдельных творений Коллара, но нет сомнений в его, употребляя термин Л. Гумилева, "пассионарном" воздействии на самый облик литературы национального возрождения у чехов и словаков.

Это воздействие оказывалось на творчестве даже тех писателей, которые не были с Колларом согласны, спорили с ним. Пример тому – Карел Гавличек-Боровский, младший современник Коллара, его оппонент, но и союзник, по-своему продолживший его традиции.

Гавличек родился в год выхода в свет первого поэтического сборника Коллара "Стихотворения" (1821) и пережил автора "Дочери Славы" на четыре года. Они были очень разными людьми по происхождению, характерам, жизненному пути, не говоря уже о различии их поэтического творчества, но их обоих глубоко волновала судьба отечества, вопрос о том, как вывести его из подневольного состояния на европейский уровень, возродить национальную культуру, добиться для своих соотечественников достойного существования. Ответы, которые Коллар и Гавличек предлагали на важнейшие вопросы времени, позволяют проследить эволюцию гуманистических взглядов эпохи национального возрождения, теснейшим образом связанных с идеалами патриотизма.

Культурно-философская концепция славянской взаимности, глашатаем которой Коллар вошел в историю чешской и словацкой литератур, формировалась в процессе его знакомства в университетские годы с немецкой, а позже –

с венгерской действительностью. По свидетельству Ф. Палацкого и собственным признаниям поэта в его воспоминаниях, еще во время учебы в лицее Прешбурга он оставался достаточно павнодушным к словацкому патриотическому движению. Можно сказать, что приверженность славянской идеи, которая стала стержнем мировоззренческой и литературной позиции Коллара, явилась результатом его осознанного, выстраданного выбора: молодому теологу представлялась возможность стать немецким священником в немецком селении близ Иены, но он предпочел возвращение на родину, удел проповедника для словацкого меньшинства в Пеште и чешско-словацкого поэта.

Концепция Коллара сложилась на перекрестке различных влияний. На первом месте исследователи обычно называют гуманистические идеи Гердера, его прогнозы о гуманистической миссии славян, а также Лессинга и других немецких мыслителей и писателей. Правда, здесь можно было бы вспомнить высказывание Т. Г. Масарика из его "Чешского вопроса" о том, что "Просветительство XVIII века, просветительство немецкое, английское и французское было по сути продолжением основных идей чешской реформации"². Высказывание это можно принять в том смысле, что чешские и словацкие духовные искания издавна шли в русле европейской культуры, а подчас играли в ней инициативную роль. По Масарiku, влияние немецкой культуры на национальное возрождение чехов можно рассматривать как "возвращение долга". С другой стороны, труды немецких философов и просветителей становились для славян опорой в их борьбе с германизацией, с немецким засильем. Такая вот славяно-германская диалектика.

С современной ему чешской и словацкой филологической наукой и литературой Коллар был знаком еще в лицейские годы, тем более серьезно он стал ими интересоваться в университете. Он читает Добровского, Юнгмана, Марека, сближается с молодым, но уже очень деятельным П. И. Шафариком. Собирание словацких народных песен открыло для Коллара новый источник познания и вдохновления. Как его литературные предшественники и большинство его преславянски настроенных современников, Коллар был горячим русофилом, хотя ему не довелось

побывать в России, как впрочем и в других, кроме, разумеется, Словакии и Чехии, славянских странах. Словакский исследователь Коллара А. Мраз в монографии о поэте в этой связи обращал внимание на то, что "в своих воззрениях на славянскую жизнь Коллар опирался на информацию из вторых рук, поэтому его знания не могли не быть односторонними и поверхностными"³.

Коллар шел от идеализированного представления о славянах. В проповеди "Добрые качества народа славянского", опубликованной в 1822 г., он, опираясь на суждения о славянах Гердера, перечислял такие, по его мнению, специально свойственные славянам черты, как набожность, трудолюбие, невинная веселость, терпимость и т. п. Остро переживая факт малочисленности чехов и словаков по сравнению с большим немецким народом, меньшинность словаков в Венгрии, Коллар искал противовес этому в единении всех славян, включая Россию. Считая славян единым народом, говорящим на разных наречиях, он мог писать не только о нравственном и духовном, но и о количественном величии славянства, предсказывать ему большое будущее.

Очень болезненно воспринимал Коллар межславянские распри, в частности, русско-польский конфликт. Страстной мечтой о единстве, а не филологическими доводами объяснялось и отрицательное отношение Коллара к программе самостоятельного словацкого литературного языка, разработку которого предпринял Л. Штур и его соратники. Будучи словаком по рождению, восхищаясь словацкими народными песнями, ставя благозвучность и красоту словацкой речи выше чешской, Коллар тем не менее категорически отверг штуровскую реформу, предпринимал всяческие усилия, дабы убедить словашких писателей отказаться от творчества на родном языке.

Нет нужды доказывать ненаучность представлений Коллара о славянах как о едином народе, признания им только четырех "главных" славянских "наречий" (чехословакского, т. е. чешского, польского, русского и сербского). Тем не менее патриотическая концепция Коллара, особенно в том ее виде, как она отразилась в "Стихах" 1821 г. и в "Дочери Славы" издания 1824 г., оказала большое и благо-

творческое воздействие на чешскую и словацкую духовную жизнь и литературу. Хотя Коллар и выступал против штурцовцев, он продолжал оставаться авторитетом и для молодого поколения не только в Чехии, но и в Словакии. "Идеи его поэзии, — пишет словацкий ученый К. Розенбаум в монографии "Связь словацкой и чешской литературы XIX и XX веков", — стали своего рода моральным кодексом, воздействие которого в словацкой среде было даже более сильным, чем в чешской"⁴.

Абстрактность и утопизм теоретических воззрений Коллара, наиболее отчетливо проявившиеся в последних частях ("Лета" и "Ахерон") "полного издания" "Дочери Славы" (1832), а также в обеих версиях (чешской — 1836 г. и немецкой — 1837 г. и 1844 г.) труда "О литературной взаимности между ветвями и наречиями славянскими", соседствовали с убежденностью поэта в высоком предназначении человека. Идеализируя "добрые качества" славян, он не пытался однако представить их высшей нацией. Хотя мы и встречаем у Коллара патетические восклицания типа: "Ад — врагам, славянам верным — небо!", но славянин для него по-прежнему своего славного имени только в том случае, если он исполнен дружелюбия ко всем другим народам. Я хотела бы здесь привести оценку "со стороны", характеристику взглядов Коллара, которую дает известный польский богемист Ю. Магнушевский в своей "Истории чешской литературы": "Патриотизм Коллара выразился в концепции панславизма — объединенного Славянства, в котором ведущая роль отводилась России. Эта концепция знаменательна для той фазы чешского возрождения, когда велик был гнет чужого элемента, а национальное самосознание только выкристаллизовалось. Коллар насытил эту концепцию гуманизмом, верой в духовный и нравственный прогресс человечества, культом традиций и родного языка"⁵.

Крылатыми стали изложенные поэтическими средствами гуманистические тезисы автора "Дочери Славы", такие как:

Помни, каждый народ — лишь сосуд человечности,
Надо, чтоб на землю "Славянин" отклик давал человек!

Перевод С. Шервинского

или:

Тот лишь достоин свободы, кто ценит свободу другого.

Тот, кто рабов заковал, сам по душе своей раб!

Перевод С. Шервинского

Ученый-славист, проповедник, собиратель фольклора, Коллар подчеркнуто держался вне политики. Он полагал, что государственное, географическое, политическое разъединение славян не должно быть препятствием их сплоченности на почве культуры и человечности, пытался разработать подробный план претворения в жизнь "литературной взаимности", призывал славян "разных ветвей" взаимно изучать языки, литературу, создавать славянские библиотеки и т. п. Эта программа, предлагавшаяся для всего образованного общества, стала осуществляться в деятельности филологов-славистов – чехословацких, югославянских, русских, результаты чего мы ощущаем и в наше время. В более широком масштабе эти призывы, конечно же, не могли получить воплощения, но они сыграли свою роль, способствуя усилению взаимного интереса славянских литературных кругов, росту общеславянской солидарности в деле культурного возрождения угнетенных славянских народов.

Европейская литература того времени, когда в нее пришел и начал слагать свои песни о славянстве Ян Коллар, жила под впечатлением лозунгов Великой французской революции, на которые тем или иным способом не мог не реагировать любой не чуждый общественным страстям писатель. Брожение шло и в чешской и словацкой культурной среде, искавшей соотношения идеалов свободы, равенства, братства и своих отечественных национально-возрожденческих устремлений. В "Дочери Славы" Коллар впервые с такой впечатляющей силой соединил славянский патриотизм и уважение к человеческому достоинству, создал свой вариант пусть утопический, но яркой, покоряющей "славянской мечты": мечты о братстве и свободе всех славян на благо им самим и другим европейским народам. Известная отвлеченност и проповедническая наиздательность, свойственные поэме Ко. лара, в лучших ее частях уравновешивались неподдельным чувством, афори-

стической формой. Может быть, не так уж много даже из образованных современников поэта знали полностью более шестисот песен "полного" варианта "Дочери Славы", но ее "крылатые" строфы были на слуху у всех, ее пафос формировал настроения передовых людей Чехии и Словакии.

Начало жизненного пути Карела Гавличка позволяло видеть в нем верного последователя Яна Коллара. О своих студенческих годах он вспоминал: "... сонеты из "Дочери Славы" мы декламировали про себя и во весь голос, писали (но не печатали) подобные же сонеты, хватались за алфавиты и грамматики всех славянских наречий, считали для себя великой честью петь две польских, одну русскую и две иллирские песни"⁶. Мечтая соединить служение народу и литературные занятия, возможность чего, как ему казалось, давала должность священника, Гавличек после окончания философского факультета Карлова университета стал слушателем пражского архиепископского семинара. Он усиленно интересовался славянскими проблемами, изучал польский язык, читал Мицкевича, был ревностным русофилом. Но очень скоро обнаружил себя его пытливый скептический ум и непокорный нрав. Он стал критически относиться к церкви и церковным догматам, разочаровался в карьере священнослужителя и не вышел из семинара только потому, что его еще раньше оттуда исключили.

Воззрения Гавличка на славянство, хотя он и опирался на Коллара, формировались в процессе сопоставления не только с чешской, но и прежде всего с русской действительностью. В 1843 г. после длительной остановки по пути во Львове, он прибыл в Москву, где стал воспитателем в семье Шевырева. Почти целый год Гавличек наблюдал вблизи русскую жизнь, познакомился с московской культурной и научной средой, главным образом славянофильской. Как он писал впоследствии со свойственной ему иронией: "Русские морозы и прочие русские прелести погасили во мне последнюю искру всеславянской любви..."⁷ Из России Гавличек вывез резко отрицательное отношение к царскому режиму и официальному православию, критический взгляд на славянофильство и – горячую любовь к творчеству Гоголя, произведения которого он начал переводить на чешский язык еще в Москве.

Гавличек открыто выступил против теории славянства как единого народа. В ставшей знаменитой статье "Славяниин и чех", опубликованной в 1846 г. в редактируемой им газете "Пражские новини", он писал: "Славяне, т. е. русские, поляки, чехи, иллиры и др., не являются единственным народом"⁸. Гавличек оспорил концепцию Коллара в ее основных положениях. Признавая добрые намерения и вдохновляющее воздействие идея автора "Дочери Славы", он вместе с тем доказывал их иллюзорность и неосуществимость: "Благородная мысль Коллара в "Дочери Славы" зажгла в нас стремление к некоей неопределенной дружбе и братству со всеми славянскими народами: такой сильный, живой и новый порыв был нужен, чтобы пробудились наши души, ослабленные долгой бездеятельностью... Но, с другой стороны, именно эти очень неопределенные дружба и братство, колеблющиеся между простой литературной взаимностью (которую, собственно, мы должны были бы и можем иметь со всеми народами, даже если это наши заклятые враги) и иными высказанными и невысказанными панславистскими требованиями, в конце концов так затуманили головы, особенно людям, не слишком искушенным в географии, истории и этнографии славян, что они не могут разобраться, что же теперь с этим славянством делать. А результаты такой путаницы мыслей и неопределенности терминов всегда бывают нелепыми и весьма вредными"⁹.

В отличие от Коллара, вдохновенно рассуждавшего о высоком идеале, Гавличек излагал свои воззрения остро и иронично. "Легко пить за здоровье всех славян и петь песни о великой Славии, — восклицает он, — но трудно учить грамматику, историю и этнографию!"¹⁰. Он стремится учитывать реальное положение вещей в славянском мире, осуждая обе стороны, пишет о сложных русско-польских отношениях, опровергающих тезис о братской славянской дружбе, говорит об угнетении украинцев поляками, с сочувствием, но и критически высказывается о движении южных славян и, вдруг соглашаясь с Колларом, осуждает штурковцев за языковую реформу. Безусловно отбрасывая ненаучные мечтания литераторов старшего поколения о едином языке для всех славян, Гавличек утверждает: "В

том должен быть первый принцип нашего национального чувства, что мы никогда не захотим отречься от своего языка, не захотим поменять его ни на какой другой – хоть бы и самый родственный!”¹¹ Но он с поразительной слепотой отказывается распространить этот принцип на словаков. Впоследствии Гавличек скорректирует свои суждения по общеславянским проблемам. В статье 1850 г. “Славянская политика” он уже пишет, что для славянской взаимности не требуется единобразия ни в религиозном, ни в политическом, ни в литературном отношении, что каждое славянское наречие имеет свою ценность и красоту и заявляет, что, если большинство словаков желает иметь особую, отдельную от чешской литературу, то он готов с этим согласиться, хотя сам думает иначе. Но для того, чтобы Гавличек уточнил свою позицию, должны были произойти события 1848 г., разразиться и потерпеть поражение революция, уступив место жестокой реакции.

Гавличек, в отличие от Коллара, постоянно находился в самой гуще чешской общественной жизни. В предреволюционные и революционные годы он редактировал “Пражские новины”, затем еще более оппозиционные австрийскому правительству “Народни новины”. Гавличек был блестящим журналистом, одним из наиболее авторитетных идеологов чешского освободительного движения. У него была своя политическая программа, которая сводилась к федерализации австрийской империи, введению демократических порядков и свобод, к национальной независимости славянских и неславянских народов в рамках этой многонациональной державы. Гавличек представлял умеренное либеральное крыло антигабсбургского движения в чешском Национальном комитете, на Славянском съезде 1848 г., в имперском сейме, депутатом которого он стал. Не принимая крайних форм борьбы, он осуждал тех, кто брался за оружие. Однако после поражения революции и на его голову обрушились репрессии: Гавличек арестовывался, представлял перед судом, “Народни новины” были закрыты, еженедельник “Слован”, который он начал издавать в Кутной Горе, подвергался преследованиям и запретам. Автор “Дочери Славы”, чьи вдохновенные призывы дали первичный импульс развитию патриотического чувства Гав-

личка, с годами завоевал почет и у австрийских властей. В 1849 г. ему была предложена должность профессора славянской археологии Венского университета и он переехал в имперскую столицу. А Карел Гавличек в декабре 1851 г. без суда и следствия был отправлен в ссылку в альпийский Бриксен – писать свои блистательные сатирические поэмы "Крещение святого Владимира" и "Тирольские элегии" и умирать от туберкулеза...

Для современников Гавличек был оппонентом Коллара, тем более, что он прямо, адресно выступал против глашатая литературной взаимности славян и в статье "Славянин и чех", и в остроумных полемиках по поводу мнимых славянских археологических находок на страницах "Слова-на". Нетрудно однако заметить, что Гавличек во многом и продолжал Коллара. Он отбрасывал теорию славянства как единого народа, но разделял постулат о четырех "главных" славянских наречиях, даже заявив о готовности принять самостоятельный словацкий литературный язык, продолжал считать эту программу ошибочной, справедливо утверждая, что литературная взаимность должна быть абсолютно со всеми народами, тем не менее признавал, что близость славянских языков создает особо благоприятные возможности для взаимного познания славянских литератур и т. д. Но главное заключается в общности глубинных исходных посылок концепций этих двух поэтов при всех их расхождениях. Как за утопической всеславянской мечтой Коллара, так и за конкретной политической программой демократического австрийского федерализма Гавличка стояла приверженность идеалам свободы, равенства и братства. Речь не идет о прямом следовании лозунгам Великой французской революции, да и не она их первой выдвинула, просто в этом единстве на том историческом этапе воплотились растущее устремление человечества к свободе личности. В национально угнетенной стране это устремление не могло теснейшим образом не переплестись с национально-освободительным порывом, который, в силу целого ряда обстоятельств, зачастую выступал в виде различных форм общеславянского патриотизма. Поэтому, имея в виду гуманистические позиции Коллара и Гавличка, мы должны были столь подробно рассмотреть их взгля-

ды на славянство: абстрактно-идеализированные у Коллара, гораздо более реалистические, основанные на конкретном изучении предмета – у Гавличка. Но как для Коллара "славянин", которого он славит, это человечный человек, так и для Гавличка национальное освобождение славян неотделимо от их духовного раскрепощения и гражданских свобод, а свобода – от национального равноправия.

Книжно-проповедническая концепция Коллара, сколь бы сам он не отстранялся и не откращивался от политики, в конкретной ситуации своего времени имела определенное политическое звучание. На это обращают внимание многие серьезные исследователи. Вот что об этом пишет: А. Мраз: "Учение Коллара о славянской взаимности, хотя оно подчеркивает лишь литературные, культурные, языковые и гуманитарные моменты, было четко выраженной политической концепцией, что хорошо понимали в славянском лагере, но еще более в лагере неславянском, который видел в Колларе представителя не только политической самообороны славян, но и славянской политической агрессии, связанной, по мнению этого лагеря, прежде всего с империалистической политикой царской России. Особенно в Венгрии, но и за ее пределами, Коллар как идеолог славянской взаимности воспринимался в связи с политикой"¹². А вот суждение Ф. Водички: "Не может быть спора о том, что стихи Коллара реально помогали формировать наше национальное движение"¹³. И Мраз, и Водичка, в духе идеологических приоритетов послефевральской Чехословакии с ее культом революции, отмечают непоследовательность, противоречивость, недостаточную решительность позиции Коллара. Водичка пишет: "Поэзия Коллара, справедливо преодолевая региональный патриотизм языковой и культурной общностью, создавали видение славянского национального сообщества, которое своей неопределенностью и всеобъемнностью возбуждало фантазию, но вряд ли могло стать реальной целью конкретной политической борьбы. Так же и методы малых дел для родины, не соответствующие величию поставленных целей, хотя и были полезными и успешными на начальном этапе национального возрождения, вряд ли были в состоянии подготовлять революционное самосознание и служили либераль-

ной буржуазии для оправдания ее оппортунизма и компромиссов в национальной политической борьбе”¹⁴. Если отвлечься от обусловленного тогдашними идеологическими канонами оценочного момента, то нельзя не признать, что в целом Водичка, глубокий исследователь эпохи национального возрождения, дал весьма точную характеристику общественно-политического содержания концепции Коллара.

В обстановке назревавшей в Европе вообще, в Австрийской империи и конкретно в Чехии революции, колларовская утопия литературного славянского братства, первоначально вызывавшая прилив энтузиазма у соотечественников, очень скоро утратила свою актуальность. В частности, она была оспорена в выступлениях К. Гавличка-Боровского 1846 г. И тем не менее следует в полной мере оценить колларовскую идею единения через культуру – вопреки самым неблагоприятным внешним обстоятельствам. В отличие от Коллара, Гавличек стремился во всей полноте учесть эти обстоятельства, разобраться в них, борясь с реальным гнетом австрийских властей, добивался установления более справедливых законов. Но при этом он последовательно разделял гуманистические позиции Коллара: не принимал силовых методов борьбы, отстаивал идею демократической конституции, исключительно высоко ставил значение образования и распространения культуры, в том числе и путем взаимообмена между различными славянскими, а также и неславянскими народами.

Т. Г. Масарик, анализируя в уже упомянутом труде “Чешский вопрос” воззрения и творчество идеологов и писателей чешского национального возрождения, утверждал: “Не насилием, а только мирным путем, не мечом, но плутогом, не кровью, но трудом, не смертью, но жизнью и ради жизни – вот ответ чешского гения, вот смысл нашей истории и завещание великих предков”¹⁵.

Сопоставление концепций Я. Коллара и К. Гавличка-Боровского позволяет увидеть, какой поистине гигантский шаг сделала чешская общественно-философская и эстетическая мысль на кратком временном отрезке эпохи революционных событий 1848 г. От иллюзии единого славянского народа к признанию самобытности каждой отдельной

славянской нации, от размышлений о достоинствах национального коллектива к утверждению прав и свобод личности, от вдохновенно утопических видений предромантизма – к трезвому реализму. Движение вперед совершалось, естественно, путем отталкивания от прежнего, путем пересмотра позиций и острых полемик. Но за очевидным разрывом просматривается не менее очевидная преемственность в стрежневом для культуры вопросе – в развитии ее гуманистической сути. Здесь Коллар, несомненно, был предшественником и учителем Гавличка, Гавличек – не столько оппонентом, сколько продолжателем идей автора "Дочери Славы".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Dějiny české literatury II. Praha, 1960. S. 255.
2. Masaryk T. G. Česká otázka. Naše nynější krize, Praha, 1948. S. 10.
3. Mráz A. Ján Kollár. Bratislava, 1952. S. 18.
4. Rosenbaum K. Vztahy slovenskej a českej literatúry 19. a 20. storočia. Bratislava, 1989. S. 44.
5. Magnuszewski J. Historia literatury czeskiej. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1973. S. 120.
6. Havlíček-Borovský K. Dílo II. Praha, 1986. S. 56–57.
7. Ibid. S. 57.
8. Ibid. S. 57.
9. Ibid. S. 58–59.
10. Ibid. S. 63.
11. Ibid. S. 64.
12. Mráz A. Op. cit. S. 74–75.
13. Dějiny české literatury II. S. 271.
14. Ibid. S. 271–272.
15. Masaryk T. G. Op. cit. S. 145.

ЯН КОЛЛАР
И ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО
СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА

В разносторонней литературной, проповеднической, культурно-просветительской и научной деятельности Яна Коллара, одного из лидеров словацкого и чешского национально-возрожденческого движения первой половины XIX в., певца славянской взаимности, сыгравшего огромную роль в становлении словацкой национальной культуры, заметное место занимали вопросы языковой теории и практики, особенно вопрос о литературном языке словаков. Следует подчеркнуть, что решение этого вопроса относилось к числу первоочередных задач словацкого национального движения конца XVIII в. – середины XIX в. Это определялось специфическими условиями развития словацкого общества и формирования словацкой нации. Коллар хорошо понимал, какое большое значение имеет литературный язык, базирующийся на основе родной речи, в деле духовного пробуждения народа, просвещения и образования, в развитии национальной литературы. Он внимательно следил за всеми событиями в культурной и политической жизни Словакии, которые так или иначе касались литературного языка словаков, горячо реагировал на них, активно участвуя в дискуссиях по этому вопросу.

Прежде чем перейти к изложению взглядов Коллара на проблему литературного языка словаков необходимо кратко осветить языковую ситуацию, сложившуюся в Словакии к середине XIX в.

Как известно, до конца XVIII в. словаки не имели узаконенной литературной формы своего родного языка и пользовались в письменности другими славянскими и неславянскими языками (латынь, немецкий, чешский, венгерский, а в Вост. Словакии спорадически и польский). В повседневной жизни простого народа, естественно, применялась местная диалектная речь. В истории письменности словаков важную роль сыграл чешский литературный

язык, который проник на словацкую территорию в конце XIV в. и вскоре стал выполнять здесь функцию литературно-письменного языка словаков. С XVI в. в связи с реформацией он становится также литургическим языком словацких протестантов. В конкуренции с латынью – официальным языком Венгерского королевства, в состав которого входила и словацкая территория, – чешский литературный язык постепенно охватывал различные сферы общественно-культурной коммуникации (административно-деловая письменность, церковная, научная и художественная литература и др.). Конечно, местная диалектная среда, живая народно-разговорная речь словаков оказывала определенное воздействие на используемый ими чешский литературный язык. В него проникали характерные словацкие языковые элементы (словакизмы), что постепенно приводило к возникновению специфического облика письменных памятников, характеризующихся большей или меньшей степенью словакизации. Примечательной чертой развития языковой ситуации в средневековой Словакии было возникновение так называемых "культурных интердиалектов" ("культурных языков") – своеобразных наддиалектных формаций, которые и по структурным признакам, и по функциональному назначению не были тождественны ни местным словацким говорам, ни чешскому литературному языку и занимали между ними переходную ступень¹. Эти культурные интердиалекты оказали заметное влияние на формирование литературного словацкого языка.

По мере зарождения и развития национального самосознания словаков в их среде предпринимались попытки введения словацкого языка в литературу. Переломной вехой на этом пути стала осуществленная в конце XVIII в. языковая реформа католического священника и просветителя Антона Бернолака, благодаря которой словацкий язык впервые получил кодифицированную литературную форму. Этот литературный язык ("бернолаковщина") знаменовал собой продуманный целенаправленный опыт перехода в письменности с чешского языка на родную речь словаков². Бернолаковщина получила признание лишь в среде словацких католиков и просуществовала в практи-

ческом пользовании около шестидесяти лет. Словацкие протестанты тем временем продолжали пользоваться чешским литературным языком, прежде всего в той его разновидности, которая называется "библичиной", то есть "бibleйским языком", зафиксированным в "Кралицкой библии" (XVI в.). Таким образом, бернолаковщина не достигла статуса общенационального словацкого литературного языка. Вместе с тем с ее появлением в культурной жизни Словакии сложилось своеобразное литературно-письменное двуязычие. Оно явилось следствием и отражением сложных и противоречивых тенденций, характерных для начального этапа национально-возрожденческого движения в Словакии. Силы патриотической словацкой интеллигенции, стоявшей во главе этого движения, были разобщены по конфессиональному признаку и по национально-идеологическим позициям на два основных течения: протестантское и католическое. Протестанты, более тесно связанные с чешским языком, отстаивали концепцию национально-культурного и языкового единства чехов и словаков. В среде католической интеллигенции преобладало стремление к национальной и языковой самостоятельности. После реформы Бернолака эти течения разделились и по языковому признаку.

В середине XIX в. на кульминационном этапе развития словацкого национально-возрожденческого движения литературно-языковая ситуация еще больше осложнилась: благодаря кодификаторской деятельности Людовита Штура и его сторонников из лагеря словацких протестантов в общественно-культурную жизнь Словакии вошел новый вариант литературного словацкого языка ("штуровщина")³. На первых порах и этот литературный язык не получил общего признания в словацком обществе. Его горячо поддержала значительная часть словацких протестантов (особенно молодежь), однако другая часть протестантов осталась верной чешскому литературному языку, в том числе такие видные и авторитетные деятели, как П. Й. Шафарик и Я. Коллар. Католики продолжали пользоваться бернолаковщиной. Как писал один из ближайших сподвижников Штура – М. М. Годжа, те, кто стоит за просвещение и образование словаков, оказались разделенными" на три партии":

"Одни хотят и дальше оставаться с чешским языком... и имеют в этом отношении свои доводы...; другие решили использовать язык, который предложил в качестве литературного Бернолак, и тоже имеют свои доводы...; третьи чем дальше, тем больше принимают словацкий язык, который Штур представляет в своей "Газете" и сочинениях"⁴.

В этой ситуации каждая "партия" отстаивала свою позицию. В дискуссиях и спорах о литературном языке словаков проявлялось не только разное понимание важности и роли тех или иных признаков и элементов языка, характерных черт его строя, существа его норм и т. п., но и расхождение в идеологических, религиозных и национально-культурных позициях различных социальных слоев и групп словацкого общества. В них отражались также сложные отношения словацкого национального движения с национальными движениями чехов и венгров⁵. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов социально-психологические и субъективно-личностные факторы, ведь в спорах и научных дискуссиях участвовали люди разных поколений, характеров, пристрастий и т. п. Все это ярко проявилось и в той острой драматической коллизии, в которую вступил Коллар со Штуром и его последователями.

В своих лингвистических трудах "Словацкое наречие или необходимость писать на этом наречии"⁶ и "Наука словацкого языка"⁷ Штур доказывал необходимость нового литературного словацкого языка как показателя национальной самобытности словаков, как решающего фактора преодоления раскола общества и национальной консолидации словаков, как наиболее эффективного средства просвещения родного народа и сближения с ним патриотической словацкой интеллигенции, а также предложил научно обоснованную систему кодификации норм этого литературного языка. В 1845 г. Штуру удалось начать издание первой газеты на словацком языке ("Slovenskje národňje noviny "с литературным приложением "Otoł Tatránski").

Штурковское нововведение встретило резко отрицательную реакцию со стороны Коллара. По его инициативе в Праге в 1846 г. была опубликована книга "Голоса о необходимости единства литературного языка чехов, моравян и

словаков"⁸, представляющая собой подборку высказываний и статей чешских и словацких авторов: Ф. Палацкого, Й. Юнгмана, А. Шембера, Я. Коллара, П. Й. Шафарика, Й. Зaborского и др., в том числе и умерших авторов (в частности Я. А. Коменского, Й. Добровского, Б. Таблица). Материалы сборника, подготовленного Колларом, были прямо и или косвенно направлены против языковой реформы Штура. Так, например, Ф. Палацкий считал ее "роковым и горестным заблуждением"⁹. П. Й. Шафарик, приведя целый ряд историко-культурных и филологических аргументов в пользу сохранения литературного и языкового единства чехов и словаков, выражал опасение, что штуровское начинание поставит под удар их вековые культурные и литературные связи. Наиболее острой критике штуровская реформа подверглась в статье Коллара "О чехословакском единстве в языке и литературе". Он представил обзор своих ранее опубликованных утверждений о предмете спора, добавив к ним некоторые новые доводы в доказательство того, что у словаков есть только один путь – продолжать пользоваться в письменности чешским литературным языком. Другой путь, связанный с созданием отдельного словацкого литературного языка, Коллар категорически отвергал. Еще во введении к первому тому "Светских песен словацкого народа в Венгрии" (1823)¹⁰ на вопрос: должны ли словаки писать книги на своем собственном наречии, Коллар отвечал отрицательно. В собственно лингвистическом плане непреодолимое препятствие он видел в диалектной раздробленности словацкого языка (и ведь при этом, замечал он, представитель каждого диалекта считает, что "он лучше всех говорит и пишет по-словакски"¹¹). Далее Коллар утверждал, что, если бы на каком-то диалекте и удалось бы создать письменный язык, он быстро бы завял, так как это была бы "лишь жалкая недоразвившаяся былинка под большими деревьями соседних славян"¹². Вполне понятно, что он отрицательно относился к реформе Бернолака и бернолаковскому литературному языку. В письме Ф. Палацкому от 29 мая 1830 г., отмечая активизацию литературной деятельности молодого поколения бернолаковцев, он сокрушенно писал, что рвется "цепь чехословакской литературы"¹³, а в письме от 13 де-

кабря 1832 г., сообщая Палацкому о готовящейся публикации перевода Библии на словацкий язык, Коллар весьма пренебрежительно отзывался о лингвистических трудах Бернолака¹⁴. Возможно, что в этом случае сказались и межконфессиональные противоречия. Однако и языковую реформу Штура Коллар воспринял столь же негативно и может быть даже более эмоционально, поскольку она исходила от молодого поколения словацких протестантов. Примечательно, что в сборнике "Голоса..." также можно обнаружить отзвуки межконфессионального антагонизма, например, когда говорится, что Штур – "новый протестантский Бернолак"¹⁵.

В выступлении штуротовцев Коллар увидел подрыв своей концепции славянской взаимности. Отстаивая необходимость укрепления единства славянского народа как целого, он писал: "Я ужасно ненавижу все, что нас разделяет, раздробляет и ослабляет"¹⁶. Коллар считал, что штуротовское нововведение как раз к этому и ведет, разрывая единство чехословацкого племени. Не учитывая глубоких изменений в словацком национально-возрожденческом движении 40-х годов (расширение его социальной базы, заметный рост национального самосознания словацкой интеллигентии, активизация борьбы словаков за свои социальные и национальные права, нарастание угрозы мадьяризации), он, как и в 20–30 гг., настойчиво выступал за сохранение и упрочение в Словакии позиций чешского литературного языка, считая его "золотой цепью", связывающей чехов и словаков. В защиту такой своей позиции, которую активно поддерживали многие представители чешской возрожденческой интеллигентии, он и организовал издание "Голосов".

Статья Коллара была написана в острополемическом стиле, в запальчивости он допустил, однако, и ряд грубых выпадов в адрес Штура и его соратников, а также презрительно отзывался о новом литературном языке, называя штуротовщину языком пастухов и кучеров, кухонной речью и т. п.

До Штура вероятно доходили вести о подготавливаемом в печати выступлении против нового литературного словацкого языка. В личном письме Коллару от 7 февраля

1846 г. он предостерегал его от этого шага. Штур сообщал ему, что многие читатели "Словацкой национальной газеты" требуют, чтобы в ней были напечатаны резкие выступления против Коллара за его нападки на словацкий язык и газету. "Мы, еще исполненные к Вам давним уважением, — писал Штур, — пока воздерживаемся от этого...", "не желая выступать против человека, которому мы многим обязаны"¹⁷. Вместе с тем Штур обращался к Коллару с просьбой отказаться от задуманного выступления, замечая, что в противном случае придется опубликовать направленные против него жалобы и высказывания. И далее Штур продолжал: "Просим Вас не вынуждать нас к этому, столь неприятному для нас шагу"¹⁸. Коллар, однако, не внял сделанным предостережениям. Более того, в статье, опубликованной в сборнике "Голоса..." он поместил ответ на это письмо. Возможно, резкий тон ответа был вызван отчасти и тем, что Коллар почувствовал себя задетым, усмотрев в словах Штура угрозу. Так или иначе, но именно Коллар явился застрельщиком острой дискуссии, развернувшейся в словацкой и чешской печати середины XIX в. по вопросу о новом литературном словацком языке, кодифицированном Штуром. Более того, он был, пожалуй, одним из самых страстных и резких критиков этого языка¹⁹.

Штуровцы, конечно, предполагали, что их нововведение не сразу и не во всех слоях словацкого общества найдет понимание, что оно будет оцениваться по-разному, что в адрес нового литературного словацкого языка будут раздаваться с разных сторон и критические голоса. Но вряд ли они могли ожидать столь резко негативного отношения со стороны Коллара, который пользовался в среде молодого поколения словацких протестантов — инициаторов языковой реформы — огромным уважением и авторитетом (об этом свидетельствует, в частности и то, что они называли его "великим нашим духом", "самой славней личностью нации и т. п.). Штур подчеркивал, что Коллар "всю свою жизнь трудился над духовным развитием словаков" и продолжал: "... мы точно знаем, если он и не пойдет по нашему пути, то не будет и не может быть против нас"²⁰. В этом смысле выступление Коллара явилось для штуровцев тяжелым и чувствительным ударом, особенно в эмоцио-

нальном плане. Не случайно Й. М. Гурбан писал, что Штур был удивлен "тем криком, который поднял против словацкого языка Я. Коллар" ²¹.

Позиция Коллара в данном вопросе оценивается современными словацкими историками как "большая историческая ошибка" ²². Все это так. Тем не менее в аспекте истории формирования литературного словацкого с именем Коллара связаны и определенные положительные моменты.

Исторический и психологический парадокс заключается в том, что творчество и патриотическая деятельность Коллара (напомним, что он неоднократно выступал в печати против политики мадьяризации словаков, в защиту их национальных прав, принимал активное участие в разного рода общественно-политических акциях патриотической направленности), его поэтические, философские и идеологические взгляды, его высказывания о богатстве и красоте народной речи словаков давали Штуру и его сторонникам идейные стимулы и непосредственные импульсы в их усилиях по подготовке и проведению языковой реформы, служили для нее своеобразными предпосылками.

Коллар оказал несомненное влияние прежде всего на процесс становления и укрепления славянского ("всеславянского") и собственного национального самосознания словаков (например, Й. М. Гурбан впоследствии вспоминал, что Штур с воодушевлением читал и объяснял братиславской молодежи сонеты из "Дочери Славы" ²³), на формирование словацкой национальной идеологии. В этом отношении большую роль сыграл выдвинутый Колларом этно-языковой критерий определения нации (народа). В опубликованной в 1822 г. проповеди "О добрых свойствах славянской нации", опираясь на гердеровское положение о языке как основном признаке нации, он писал, что нация – это "общность таких людей, которые объединены узами единого языка, одинаковых нравов и обычаяев" ²⁴. Такое понимание нации в отличие от прежнего государственно-институционального или сословно-классового (ср. бытовавшее в феодальной Венгрии понятие "нацио хунгарика") выдвинуло на первый план язык как яркий признак национального своеобразия. Кроме того, оно в большей степени соответ-

вествовало специфике становления словацкой нации. Именно подобное толкование термина нация нашло отражение в обосновании Штуром предпринимаемой языковой реформы. Он писал: "Только язык делает нацию нацией, без него она была бы ничем; нация признается нацией лишь при условии, если она имеет собственный язык"²⁵. Очень импонировало штурковцам и подчеркивание Колларом такой народной черты, как любовь к родному языку. Ведь, рассуждая о добрых свойствах славянской нации (славянского народа), Коллар выделял и "прекрасное и похвальное" свойство – любовь к своему языку, которая проявляется в том, чтобы "свой хороший, бегом данный язык стараться всегда сохранять и улучшать"²⁶. Этому и стремились следовать штурковцы, создавая новый литературный словацкий язык.

В философско-мировоззренческом плане штурковцы находились под сильным влиянием учения Коллара о славянской литературной взаимности. Творчески переосмысливая это учение и логически развивая некоторые его положения²⁷, они отказались от колларовского понимания славянского народа как целого, состоящего из четырех основных "племен" (русского, польского, чехословацкого и иллирийского), и от идеи "чехословацкого племени". В рамках единого славянского народа Штур выделял уже не четыре, а одиннадцать "племен" (великорусы, малорусы, болгары, сербы, хорваты, словенцы, поляки, чехи, словаки, верхние лужичане, нижние лужичане), считая, что все они имеют право на самостоятельное культурное развитие, а это предполагает развитие их языков и литератур. Исходя из этого Штур сформулировал свой главный аргумент – тезис о национальной самобытности словаков и самостоятельности их языка. В его концепции словаки выступают как равноправный член общей семи славянских народов. Таким образом, не отвергая учение о славянской взаимности в принципе, Штур модернизирует его, приводя в большее соответствие с реальностями окружающей действительности. Он переносит акцент с абстрактного целого на действительно существующие, пробуждающиеся к самостоятельной духовной жизни компоненты, составляющие это целое. Органическое сочетание единства и многообразия

было характерно для штурковского понимания славянской взаимности. Из этого вытекало, что развитие и расцвет отдельных славянских "племен" не означает распада целого, так как способствует его укреплению и процветанию.

Штурцовцев несомненно вдохновляла и поддерживала в их начинании высокая оценка Колларом качества словацкого народно-разговорного языка, живой диалектной речи словаков, которую он неоднократно высказывал в опубликованных работах. В связи с этим следует подчеркнуть, что при рассмотрении взглядов Коллара на словацкий язык нужно четко разграничивать его отношение к самостоятельному словацкому литературному языку и к диалектной словацкой речи. К первому у него всегда было отрицательное отношение независимо от того, в какой конкретной форме этот язык воплощался – в бернолаковщине или штурровщине. Напомним, что Коллар, как и многие другие образованные словаки протестантского вероисповедания, воспринимал чешский литературный язык, который он выучил в детстве и которым пользовался в письменности практически всю жизнь, и как культивированную, обработанную форму своего родного словацкого языка. Кроме того, по его представлению литературный язык (речь ученых, образованных людей) – более высокая национально-культурная ценность, чем народная диалектная речь, и между ними должна быть определенная дистанция. Именно на диалектном уровне он признавал и отмечал некоторые различия между словацким и чешским языками. При этом он, правда, считал, что словацкие говоры являются "поднаречием" чешского наречия²⁸. Коллар никак не хотел допустить, чтобы и на литературном уровне произошло разделения словацкого и чешского языков.

К живой словацкой диалектной речи простого народа как раз и относятся его похвальные, порой эмоционально-восторженные высказывания. Так, в статье "Мысли о благозвучности языков..." (1822)²⁹, раскрывая свои романтическо-эстетические лингвистические взгляды³⁰, Коллар говорит о большей степени благозвучности словацкого языка по сравнению с чешским. Проявление этого он усматривает, в частности в том, что в словацком языке лучше сохранились и широко употребляются полнозвучные гласные а,

о, и.ср., например: слвц. *hračka* – чеш. *hračka*, слвц. *najlepší* – чеш. *nejlepší*, слвц. *popol* – чеш. *ropoř*, слвц. *l'ud* – чеш. *lid* и т. п. Далее он указывал на то, что словацкий язык отдает предпочтение кратким словам, например: слвц. *vrah* – чеш. *vražedník*, слвц. *význam* – чеш. *vuznamenání*, слвц. *snaħa* – чеш. *snažení* и др. Кроме того, по его мнению, чешский язык в отличие от словацкого перенасыщен германизмами. Во введении к сборнику "Светских песен словацкого народа в Венгрии" (1823) Коллар отмечал, что "словак в своем языке имеет так много красивого и великолепного", что словацкий язык во многом превосходит чешский³¹. И в других своих сочинениях Коллар также подчеркивал достоинства словацкого языка.

В связи с этим можно указать на определенную внутреннюю противоречивость некоторых высказываний Коллара по поводу штуровской языковой реформы. Ведь когда он презрительно и грубо называл штуровщину "хуторским", "плебейским" языком или речью "дротарей", "голодранцев" и т. п. (ср. такие наименования, как *koranicářčina*, *plebejčina*, *drotářčina*, *lužovina* и т. п.), то принижал тем самым не только кодифицированный Штуром литературный язык, но и живую диалектную речь простых словаков, достоинства которой он прежде так высоко оценивал.

Важным импульсом и привлекательным примером служили для штуровцев настойчивые стремления Коллара словакизировать чешский литературный язык (библиячу), его попытки теоретически обосновать и реализовать на практике концепцию "чешско-словацкого" литературного языка, разработанную им вместе с П. Й. Шафариком, а также его опыты издания словацких народных песен в диалектной записи.

Исследователи языка произведений Коллара³² отмечают, что уже в его раннем поэтическом творчестве в чешских текстах обнаруживаются отдельные элементы словацкой диалектной речи, главным образом лексические, например в сборнике "Стихотворения" (1821). Однако наиболее заметной тенденция к сближению традиционного чешского литературного языка (библиячины) с народно-разговорным языком словаков проявляется в творчестве Коллара в 1824–1839 гг. В этот период для него характерна слова-

кизация не только в сфере словарного состава и фразеологии, но и в области грамматического строя: в фонетике и морфологии³³. Как отмечает Я. Двончова, в языке Коллара можно выделить два типа словакизмов: "невольные" и "умышленные"³⁴. Первые проникают в чешский текст случайно, они объясняются билингвизмом автора. Вторые сознательно и целенаправленно вносятся в текст и отражают стремление Коллара путем реформирования библичины найти выход из сложной и противоречивой ситуации литературно-письменного двуязычия в Словакии.

В "Хрестоматии" (1825)³⁵ Коллар приводит достаточно словакизированные тексты, а в приложении дает "Главнейшие правила чешско- словацкой орфографии". Примечательно, что согласно третьему правилу надлежит сохранять различия между краткими и долгими гласными, между мягкими и твердыми согласными и писать только так, как "произносят уста доб^ого словаца"³⁶.

Широко представлены словакизмы, как отмечается исследователями языка Коллара, в поэме "Дочь Славы" (1832)³⁷ и трактате о славянской литературной взаимности (1836)³⁸. В текстах этих произведений Коллар пытался осуществить на практике свиси идеи, высказанные в статье "Мысли о благозвучности языков..." (это, в частности, проявляется в упрощении труднопроизносимых групп согласных, например: *cnots* вм. *cťnots*, в употреблении г вм. ţ, й на месте ou(au), приставки паj- вм. pej- и т. п.), предпринимал усилия по превращению библичины в "благозвучный" чешско- словацкий литературный язык.

Как нам представляется, истоки идеи создания своеобразного варианта литературного языка чехов и словаков можно усмотреть уже во введении к "Светским песням..." (1823), где Коллар писал: "Пусть словак даст кое-что чехам, а чех даст кое-что словакам, если у обоих должна быть одна литература, а именно: чешско- словацкая"³⁹.

Концепция "чешско- словацкого" литературного языка была разработана П. Й. Шафариком и Я. Колларом в 20-30-х гг. XIX в. Она возникла в контексте попыток, направленных на преодоление существующего в словацком обществе литературно- письменного двуязычия. Коллар и Шафарик были стойкими приверженцами традиционного

чешского литературного языка (билингвистики). Они, однако, понимали, что по мере роста национального самосознания словаков и развития словацкого национального движения билингвистика уже не может в полной мере соответствовать целям пробуждения духовной жизни словаков, не может быть полноценным и эффективным средством развития словацкой национальной культуры. Поэтому, не отказываясь от чешского литературного языка, они считали возможным и целесообразным несколько модифицировать его, чтобы он стал ближе и понятнее простым словакам. Стремясь сохранить литературно-языковое единство чехов и словаков, а также способствовать сближению и объединению двух течений национально-возрожденческого движения словаков, Коллар и Шафарик решили пойти средним путем между "чистым" чешским литературным языком и бернолаковщиной и выдвинули концепцию компромиссного варианта литературного языка, который, как им казалось, мог бы удовлетворить и чехов, и словаков. Они полагали, что такой "чешско-словацкий" литературный язык (или литературный стиль) мог быть создан на основе чешской грамматики посредством привнесения в нормы билингвистики типичных элементов словацкой лексики и фразеологии, и также некоторых синтаксических, морфологических и фонетических особенностей словацких диалектов. Пропагандируемая Колларом и Шафариком форма литературного языка нашла свое воплощение в их трудах и переписке. Однако, в конце концов, они были вынуждены от нее отказаться и снова перейти на традиционный чешский литературный язык. Их "половинчатый чешский язык", как его называл Штур⁴⁰, не встретил поддержки ни в Словакии, ни в Чехии, что в условиях динамически развивающегося словацкого и чешского национального движения, когда особенно важное значение приобретали признаки национальной самобытности народа, было вполне закономерным. Вместе с тем бесперспективность поиска "среднего пути" укрепила штурковцев (а многие из них, в том числе и сам Штур, первоначально тоже питали надежды на подобный путь преодоления языковой разобщенности словаков) в необходимости создания своего литературного языка на основе словацкой народной речи.

Поэтому штуровцы с большим интересом и одобрением относились к опытам использования словацкой диалектной речи в литературных произведениях и в изданиях фольклорных текстов. В этом плане они высоко оценивали усилия Коллара по сбору и публикации словацкого фольклора, особенно народных песен. Коллар и Шафарик, как свидетельствует их переписка, уделяли значительное внимание проблеме записи и издания словацких народных песен. Шафарик считал, что их надо записывать в таком виде, как народ поет, то есть сохранять в записи живой словацкий народный язык, правда, с соблюдением правил чешской орфографии. Коллар в принципе придерживался такой же позиции. Он принимал активное участие в издании "Светских песен..." а затем сам подготовил к печати и издал знаменитый сборник "Национальные песни" (1834, 1835)⁴¹, в котором было помещено около двух с половиной тысячи песен из разных уголков Словакии, полученных Колларом от 95 собирателей. Это издание было с восторгом встречено штуровцами, которые видели в нем яркое свидетельство богатства и возможностей национальной культуры словаков, сокровищницу народной словесности. Покорила их и красота живой народной речи: большинство песен сборника было записано на среднесловацком диалекте (интердиалекте). Это дало им дополнительные импульсы к реализации своих замыслов создания литературного языка на среднесловацкой диалектной основе. По признанию Й. М. Гурбана "Национальные песни" явились мостом, по которому он и его друзья перешли на словацкий язык⁴².

В заключение можно сказать, что несмотря на отрицательное отношение Коллара к самой идее создания литературного словацкого языка, отдельного от чешского, и резкую критику им штуровской языковой реформы, его литературная и культурно-патриотическая деятельность объективно, независимо от его воли и намерений способствовала тому, что эта идея обрела на кульминационном этапе формирования словацкой нации "второе дыхание", и помогала штуровцам по-новому решить вопрос о месте словаков в семье славянских народов и словацкого языка в кругу славянских языков и на этой основе прийти к логи-

ческому выводу о необходимости создания самостоятельного литературного словацкого языка. В этом смысле Коллара можно считать одним из предшественников Штура. Об этом свидетельствуют и мнения самих штуротовцев, современников и оппонентов Коллара, которые (М. М. Годжа, А. Сладкович и др.) называли его "зачинателем" или "отцом" словацкого языка. Сам Штур, обращаясь к видным деятелям словацкой культуры, в том числе и к Коллару, писал: "Мы считаем Вас переходом... к нашему чистому словацкому языку. Вы сами нам указывали на словацкий язык, когда с поля чешского наречия перебегали на свое"⁴³. В свое время Я. Влчек писал о том, что Коллар и Шафарик невольно расчищали дорогу словацкому языку "из уст народа в письменность", и называл их "отцами современного словацкого литературного языка"⁴⁴. Последнее, как и у штуротовцев, является скорее образным преувеличением. Но несомненно одно: в сложном, порой внутренне противоречивом процессе формирования литературного словацкого языка важную стимулирующую роль сыграл и Ян Коллар.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Смирнов Л. Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780–1848) // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 91–93.
2. См.: Смирнов Л. Н. Указ. соч. С. 96–113.
3. Подробнее об этом см.: Смирнов Л. Н. Указ. соч. С. 131–157. Он же. О штуртовской концепции литературного словацкого языка // *Studia Slavica*. К 80-летию Самуила Борисовича Бернштейна. М., 1991. С. 221–228; Вклад Людовита Штура в формирование литературного словацкого языка // Людовит Штур и его время. М., 1992. С. 42–59.
4. Hodža M. M. Dobruo slovo Slovákom, súčim na slovo. V *Levoči*, 1847. S. 83.
5. См., в частности: Кондрашов Н. А. Борьба за победу словацкого литературного языка // Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. Т. 228. Русский язык, вып. 15. М., 1969. С. 318–328. Смирнов Л. Н. Отражение в литературно-языковой сфере борьбы за консолидацию словацкой нации (середина XIX в.) // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 197–211.
6. Štúr L. Nárečja slovenskou alebo potreba písania v tomto nárečí. V *Prešporku*. 1846.
7. Štúr L. Nauka reči slovenskej. V *Prešporku*. 1846.

8. Hlasové o potřebě jednoty spisowného jazyka pro Čechy, Morawany a Slováky. W Praze, 1846.
9. Hlasové o potřebě jednoty spisowného lazvka... S. 32.
10. Pisanie svätské Lidu slowenského w Uhřjch. Sebrané a wydané od Pawla Jozefa Šaffaljka, Jana Blahoslawa (Benediktlho) a giných. Swazek prvnj. Pesst, 1823.
11. Kollár J., Šafárik P. J. Piesne svetské ľudu slovenského v Uhorsku. Diel prvý a druhý. Bratislava, 1988. S. 14.
12. Op. cit. S. 22–23.
13. Listy Jána Kollára. Martin, 1991. S. 100.
14. Он писал: ... что может быть более ничтожным на свете, чем грамматика и словарь Бернолака "(Listy... S. 124).
15. Hlasové... S. 204.
16. Hlasové... S. 151.
17. Listy Ľudovíta Štúra. II. Bratislava, 1956. S. 113.
18. Tam же.
19. Э. Паулини писал: "Ни до того, ни после никто не собирал столько оскорбительных слов и ругани в адрес словацкого языка, как тогда Ян Коллар" (Paullny E. dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava, 1983. S. 193).
20. Štúr Ľ. Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí. Turč. Sv. Martin, 1943. S. 10.
21. Hurban J. M. Ľudovít Štúr. Rozpomienky. Bratislava, 1959. S. 85.
22. Tibenský J. Úloha Jána Kollára v slovenskom národnom obrodení a hnutí // Biografické štúdie. VI. Martin, 1976. S. 45.
23. Hurban J. M. Op. cit. S. 62.
24. Kollár J. Dobré Vlastnosti Národu Slowanského. Pesst, 1822. Цит. по кни: Kollár J. Pamäti z mladších rokov života. Bratislava, 1972. S. 219.
25. Štúr Ľ. Žaloby a ponosy Slovákov (Die Beschwerden und Klagen der Slaven in Ungarn...). Z nemeckého vydania preložil K. Golán. Turč. Sv. Martin. 1946. S. 14.
26. Kollár J. Pamäti z mladších rokov života. S. 225.
27. Л. Штур писал: "... мы хотим развивать дальше то, что он сам [Я. Коллар] первый высказал; там, где он идею славянской взаимности узко и только внешне... мыслью обнял, расширить, дополнить и оживить ее" (Štúr Ľ. Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí. S. 24).
28. Kollár J., Šafárik P. J. Piesne svetské... S. 12.
29. Kollár J. Myšlenky o libozvučnosti ľeči wôbec, obzvláště československé // Krok. Djl prvnj. W Praze, 1822. S. 32–37.
30. Наиболее подробно взгляды Коллара на язык изложены в книге: Tóbiš Š. Šafárikov a Kollárov jazyk. Bratislava, 1966.
31. Kollár J., Šafárik P. J. Piesne svetské... S. 30.
32. Из работ последних лет отметим прежде всего: Dvončová J. Kollár a čeština // Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Roč. XVI. Philologica. Bratislava, 1964. S. 183–187. Tóbiš Š. Op. cit.
33. См.: Tóbiš Š. Op. cit. S. 102.
34. См.: Dvončová J. Op. cit. S. 184.
35. Čítanka anebo Kniha k Čítání pro mládež we sskolách slowanských w městech a w dědinách. Budín, 1825.
36. Цит. по: Tóbiš Š. Op. cit. S. 31.

37. Sláwy Dcera. Lyricko-epická báseň w pěti zpěvých od Jana Kollára. Úplné wydáníj. Pešt, 1832.
38. Kollár J. O liternégo Wzágemnosti mezi kmeny a nárečjmi slawskými // Hronka I. sv. II. 1836. S. 39–53.
39. Kollár J., Šafárik P. J. Piesne svetské... S. 29–30.
40. Štúr L. Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí. S. 71.
41. Národné Zpiewanky čili Pjsně Swetské Slowáků w Uhrách. Díl perwý. Budjn, 1834. Díl druhý. Budjn, 1836.
42. Cp.: Pražák A. Dějiny spisovné slovenštiny po dobu štúrovu. Praha, 1922. S. 293.
43. Štúr L. Op. cit. S. 72.
44. Viček J. Dejiny literatúry slovenskej. Bratislava, 1953. S. 79, 81.

ЛЕКСИКА ЯНА КОЛЛАРА В "ЧЕШСКО-НЕМЕЦКОМ СЛОВАРЕ" Й. ЮНГМАНА

Историческая эпоха и точки пространства, в рамках которых довелось жить столь одаренным творческим личностям как Ян Коллар и Йозеф Юнгман, сумевшим не только постичь миссию своей судьбы, понять ее как долг перед родной землей, но и имевшим мужество, волю и талант реализовать эту миссию, характеризовались тем, что идея возрождения литературных языков чешского и словацкого народов осознавалась как насущная задача современности. В конце XVIII – начале XIX веков эта проблема была уже осмыслена, предпосылки и фундамент ее решения были заложены в трудах деятелей первого поколения "будителей" – Й. Добровского, Ф. Пельцла, Ф. Томсы, Й. Палковича, А. Бернолака и мн. др. Однако основная тяжесть ее решения – углубление языковой реформы, доведение ее до реальной речевой практики носителей чешского и словацкого языков – легла на плечи следующего поколения, в котором Я. Коллар и Й. Юнгман являлись одними из ключевых фигур. Многогранная деятельность этих богато одаренных творческих натур хорошо известна исследователям чешского и словацкого национального возрождения, имеется обширная литература, посвященная данному вопросу. Не будем повторять уже известное. Заметим только, что имея общую цель и задачи движения (не говоря уже о личной дружбе и большом уважении, связывающих этих двух людей) – возрождение чешского литературного языка, создание, в частности, лексической базы для расширения коммуникативных сфер его применения, стилистической дифференциации литературного языка, популяризации и распространения знания чешского языка – методы и способы решения этих задач были индивидуальными. Они отражали специфику условий, в которых жили Коллар и Юнгман; различия в их происхождении, воспитании и образовании; несовпадение теоретических взглядов на совершенствование фонетической и морфоло-

гической структуры чешского литературного языка¹ и, конечно, творческих доминант их дарований, благодаря чему мы сегодня говорим о Яне Колларе, прежде всего, как о замечательном чешском и словацком поэте², а о Йозефе Юнгмане, как о выдающемся ученом-лингвисте. И тем не менее у нас есть материальное свидетельство их общих устремлений и сотрудничества, воплотившееся в "Чешско-немецком словаре" Й. Юнгмана³. Известно, что в создании словаря литературного языка нации всегда принимают участие два субъекта – индивидуальный и собирательный. С одной стороны это автор, составитель словаря, производящий отбор лексики в соответствии с принципами собственной теоретической концепции лексического обогащения языка, с другой стороны – народ, являющийся творцом слов, а также: составители словарей предшествующих данному (в "Словаре" Юнгмана представлены материалы словарей В. Росы, Й. Добровского, Ф. Томсы, Й. Палковича, А. Бернолака, С. Линды и др.), авторы многочисленных литературных памятников чешского языка, авторы современных научных, художественных и публицистических текстов. Произведения Коллара также содержатся в списке используемых источников, приведенных Юнгманом в I томе "Словаря". Это, согласно сокращениям Юнгмана, "znělky 3tj wydání" – поэма "Дочь Славы" (в тексте "Словаря" часто фигурирует параллельное, по-видимому, сокращение того же издания поэмы "Дочь Славы" – "Sláwy Dcera" 3tj wydání, то есть второе издание поэмы 1832 года); Čjtanka a nebo Kniha k Čjtánj pro mládež we školách slowenských w městech a w dědinách. W Budjně 1825; Slabikář pro dětky. Pesst, 1826. Часто в пометах к отдельным словарным статьям стоит сокращение Kollár без указания источника литературной цитаты или даже без оной. Возможно данные слова были взяты Юнгманом из их личной переписки или из списков словацких слов с указанием лексического значения, которые Ксллар посыпал Юнгману. Вслед за Й. Добровским и согласно лингвистическим воззрениям этого периода Юнгман считал словацкий язык вариантом или диалектом чешского языка, поэтому в большом количестве включал в свой "Словарь" словацкую литературную и диалектную лексику⁴. Кроме того, Юнгман возлагал на сло-

вацкую лексику большие надежды, рассчитывая таким образом частично понизить употребление германизмов в литературном чешском языке. И Коллар, писавший по-чешски, но сознательно употреблявший в своих произведениях словацкие слова, в этом плане влиял на чешский язык, а также способствовал своими словакизмами обогащению "Словаря" Юнгмана⁵.

В данной статье, исходный материал которой был почерпнут из I тома "Словаря", мы попытаемся проанализировать, какую именно лексику Юнгман отбирал из текстов Я. Коллара, и ответить на некоторые вопросы в связи с этой проблемой: каково происхождение данных слов (чешский, словацкий, другие языки); имеются ли они в лексиконах других словарей, предшествующих "Словарю" Юнгмана по времени издания, а также в литературных памятниках чешского и словацкого языков⁶; если да, то какова функция Коллара в представлении данных слов – иллюстративная или творческая; включены ли в "Словарь" неологизмы Коллара и какова их словообразовательная структура.

Общее количество выписанных нами слов составляет 113 единиц. Сразу же уточним, что мы отбирали только такие лексемы, в словарных статьях к которым литературные цитаты принадлежат либо только Коллару, либо кроме него еще одному-двум авторам (в этих случаях пример из Коллара иллюстрирует одно из лексических значений многозначного слова), либо слова, не имеющие литературных примеров, но в пометах к которым присутствует ссылка на Коллара.

Сербское происхождение отмечено в "Словаре" у слова četa 'отряд, группа' (< сх. чёта). Данное слово не зафиксировано в словарях Томсы, Палковича и Бернолака. В "Словаре" Юнгмана оно имеет единственную ссылку на поэтическую цитату из Коллара ('Naproti se w dlauhé šiky četa srbškých nebešt' anu řadala'), и это, возможно, говорит о том, что Коллар первым ввел данное слово в чешский язык. Польское происхождение имеет слово bawidlo, демин. bawidelko (< польск. bawić 'развлекать', bawidełko 'безделушка, игрушка'), заимствованное из словаря С. Линды⁷. Исходное значение этого слова 'развлечение' уточнено Колларом: bawidlo 'игрушка' (dětinské bawidla).

К собственно чешским, т. е. не маркированным по происхождению, в "Словаре" отнесены слова (52 ед.): arcidělo

(arcidjlo), arcizahradnjk, běhačka, belasý, Blatoň, brnk, brnoša, brošk, bug, bušti, bylinoživočich, carobažný, cicbaba, cizinec, cizoplemec (cizoplemenec), cukřinka, čelenka, černawa, černosatý, černowec, dalekowid, darmowis, dauchati, desetina, desetisjchjk, Didila, dohádati (dohadowati), dolničan, domec, drápkatí (se) (podrápkati, podrápkawati se), drsnatý, dymokurný, gedináčka, gedinýkrát, gehlička, hadohnjzdý, hadowlasý, hanoba, Hansa, hat'apák, hewer, hljnowaty, hnogotoký, holochwost, holubinec, horničan, hrđoba, hrkotati, hudry-budry, hausti, hwězdokrýtý, hwězdonosný. Как словацкие маркированы лексемы (59 ед.): babyka, baláchatí, baraska, běloň, blahost, braček, bobo, budowisko, búwati, bydljčko, cendžeti, cenky-lenky, ciklati, cikor, cikořiti, cipka (cipuška), čagsi, čarbati, čačtitowati, černobelasy, člapkatí, čtwrtinář, čučo, čuřidlo, čwiličati, dbol (dbolec), dibati, dnjsko, Dobroně, dogelnice, dogelnjк, dromblička, D'uto, dwopusta, fafarka, ficko, frčkář, ffckářiti, frfrati, gacek, gagkati, gagdice, ģagötati, habati, habarka, habkati, heš! heš! hřawiti, hrabový, hráčkatí se, hrnaujlk, hrozno, hřimawice, huckati, hundratí, hýga, chagda, chmára, chytřena. Однако, как показало более подробное изучение материала, достаточно сложно достоверно установить чешское или словацкое происхождение слова. Это прослеживается и по пометам самого Юнгмана, который часто дает две пометы "моравское и словацкое", или, например, одно из значений слова маркирует как чешское, а второе, как словацкое. Направление взаимовлияний в отдельных случаях установить достаточно сложно, что может быть объяснено, по мнению В. Е. Моисеенко, причинами, связанными со спецификой чешско-словацких исторических языковых контактов, действием целого ряда факторов социокультурного и лингвистического порядка, а именно – этнокультурные, конфессиональные, экономические, политические, географические факторы, близкое генетическое родство двух языков, как в рамках целой славянской языковой системы, так и западнославянской языковой общности⁸. Ср. также высказывание В. Будовичовой: "Границы лексических норм чешского и словацкого языков не являются достаточно четкими (самая большая трудность двуязычной лексикографии еще со времени первого кодификатора лексики А. Бернолака в конце XVIII века – проведение четких границ между чешской и

словацкой лексикой). Указанное обстоятельство обусловлено также переходным характером западнословацких и моравских говоров, которые играют определенную роль в формировании словацкого и чешского литературных языков особенно в области лексики⁹.

В дальнейшем изложении основным принципом классификации материала будет служить степень участия Коллара в создании новых слов (что мы можем квалифицировать только предположительно, в том случае, если данные слова не зафиксированы в других привлеченных для сравнения источниках) или в формировании системы лексических значений уже известных слов, другие возможности. При этом мы, конечно, будем учитывать как маркирует происхождение слова сам Юнгман.

К первой группе слов следует отнести лексемы, возможность употребления которых Коллар, по-видимому, только проиллюстрировал. Эксперции из его текстов должны были, вероятно, показать, что слова употребляются в современном (относительн^о начала XIX в.) чешском языке в литературных стилях. Это предположение основано на том, что данные слова зафиксированы в более ранних источниках, чем "Словарь" Юнгмана, и вошли в чешский или словацкий язык прежде, чем произведения Коллара получили широкую известность. Так "Исторический словарь словацкого языка" /HS/ указывает источник¹⁰ и время употребления слов, маркированных в "Словаре" Юнгмана как чешские: *belasý* (в памятниках 1608, 1645, 1679 гг.) 'голубой, светлоголубой', *dauchati/dúchaty* (1676 г.) 'дуть', *desetina* (1775 г.) 'десять', *holubinec* (1685 г.) 'голубятня'; и как словацкие: *baraska* (венгерское 1742 /HS/) 'абрикос', *budowisko* (1673 г.) 'здание, строение, сооружение', *čagsi* (1774, 1784 гг.) 'почти', *čarbaty* (1672 г.) 'царапать (писать)', *hařarka* (18 в.) 'мешалка, веселка', *habkati* (18 в.) 'трогать, дотрагиваться, шарить', *hrabowy* (слвц. и моравское /Jg/) (1677, 1683) 'грабовый', *gagkati* (1554, 1637 гг.) 'стонать, причитать', *gagotati* (моравск. и слвц. /Jg/) (1685 г.) 'гаготать (о гусях и утках)', *chmára* (1758 г.) 'облако, туча'. "Старочешский словарь" /Geb./ приводит слова *čuřidlo* (1571 г.) 'мерзкая особа', *drsnatý* (1406 г.) 'грубый', *gehlička* (XV в.) 'иголочка', *hausti/hústi* (1472 г.) 'играть на музыкальном инструмен-

те', *hewer* (1549 г.) 'лом'. В словаре Ф. Томсы /Tomša/ зафиксировано слово *hlinowatý* 'глинистый'; в словаре И. Палковича /Plk/ чешские слова /Jg/ *brosk* 'почка, бутон', *černowec* 'черная краска', *darmowis* 'блузка', *gedináčka* 'единственная дочь в семье' (мотивирующее *gedináček* употреблялось в чешском языке еще в первой четверти XIV в. /Geb./), а также словацкие /Jg./ слова: *búwati* 'спать (в детской речи)', *čtwrtinář* 'крестьянин', *čučo* (уменьш. *čučko*) 'собака', *dwopussta* 'корм для скота, разг. жратва', *hundrati* 'ворчать, бурчать'. В словаре А. Бернолака отмечены слова *brnk* 'трень (звук)', *domec* (деминутив от *dbm*) 'домик', *hrdoba* 'гордость', маркированные Юнгманом как чешские; и словацкие /Jg/ слова *bělōň* 'белый конь', *braček* 'бретишка', *častitovati* 'желать счастья' (у Бернолака, правда, *častowat'*, а в SSJ11 уже *častitovat'* (диалектн.) 'ходить и делать пожелания в праздники'), *čwilikati* 'чирикать (о воробьях)', *dogelnice* 'подойник', *dromblička* 'музыкальный инструмент типа систры' (*dromblička* /Brn./, *dromblička* (Kollár) /K.-K./)¹², *frčkář* 'франт', *frčkařiti* 'легкомысленно или гордо себя вести', *frfrati* 'булькать, журчать', *gagdice* 'волынка', *habati* 'спешить, торопиться, ковылять', *heš! heš!* 'окрик на кур' (ср. также *heš!* – междометие побудительной семантики XIV в. /Geb./, *heš* – восклицание при выражении желания отогнать кого-либо XVIII в. /HS/), *hrnaujlk* 'горшочек', *hřímawice* 'гром', *huckati* 'натравливать'.

Во вторую группу входят слова, имеющие в своей лексической структуре несколько значений, одно из которых Юнгман связывает с именем Коллара. В данном случае, на наш взгляд, функция Коллара иная. Его цитаты призваны показать, что данные слова, уже известные в чешском или словацком языках, могут употребляться в чешском языке еще в одном (двух или более) значении. Эти слова можно разделить на две подгруппы – чешские и словацкие в соответствии с пометами Юнгмана.

Расширение лексической структуры всех чешских слов происходит за счет переноса на чешскую почву лексических значений близких по семантике и звучанию соотносительных словацких слов. Например, *běhačka* (*běhati*), 1) 'та, которая бегает', 2) 'корова, которая все время бегает', 3) 'игра школьников', 3) слвц. 'беготня' *Natobil mu běhačky*.

Kollárt /Jg./ Значение 'беготня' фиксируют "Исторический словарь словацкого языка" /HS/ и словарь Бернолака /Btl./. В привлеченных словарях чешского языка слово *běhačka* не зафиксировано. Аналогичное добавление значений отмечаем у слов *bušti pěkoho* 'бить к-л.' (ср. /Btl./, /HS/), *drápkati se, podrapkáwati se* 'царапаться' (ср. /Btl./), *hrkotati* 'курлыкать (о голубях)' (ср. /HS/, /Btl./, /Plk./ с пометой – слвц.), *dohadowati se* 'ссориться' (ср. /HS/, /Btl./). Интересным, с точки зрения взаимовлияния чешского и словацкого языков и взаимопересечения значений соотносительных слов данных языков, является слово *černawa*, имеющее в "Словаре" два значения: 1) 'чернозем', 2) слвц. 'черная туча' *Od západu gdau černawy*. Kollárt /Jg/. Первое значение является единственным для данного слова в словарях Томсы, Палковича, а также Бернолака. Однако есть основания считать, что значение 'черная туча' известно словацкому языку. В текстах бернолаковского и штурковского периода Л. Н. Смирнов зафиксировал два значения слова *černawa* (čjernawa): 1) 'чернота, мрачность', 2) 'мрак, черная туча'. *Už studenost' a šerá od pôlnoci černava stáva; Nad hogramová zavisla čjernava*¹³.

Вторую подгруппу образуют слова словацкого происхождения. Источник появления у них новых значений (кроме текстов Коллара) установить не удалось. В словарях /Geb./, /HS/, /Btl./, /Tomsa/, /Plk./ они отсутствуют. Возможно первая фиксация этих значений (или даже авторство) принадлежат Коллару: *blahost* 1) 'счастье', 2) 'милость' *Blahost wám*, т. е. милость вам Kollárt /Jg/; *babyka* 1) слвц. 'черный клен', 2) слвц. 'бабушка', 3) 'кукла'. *Ondřeg sestrám kúsky tkanic a stužek, kterých na bábiky potřeboval*, tagně bráwal. Kollárt /Jg/, 4) 'куколка (у гусениц)' *Pupy neb babiky (hnjzda), do nichž se hausenice zawięgę, zbijati a spáliti*. Kollárt /Jg/; *hrozno* 1) 'виноградная гроздь', 2) psj *hrozno* слвц. 'дикий виноград' Kollárt /Jg/; *hňawiti* 1) 'давить, придавливать, мять', 2) 'глотать с жадностью' Kollárt /Jg/.

К третьей группе мы относим слова, маркованные Юнгманом как словацкие, но не совпадающие со своими аналогами по семантике. Они были образованы посредством метафорического переноса, возможно, Колларом, во всяком случае ссылка на другого автора в "Словаре" от-

существует. Ср. dnjsko (слвц.) прямое значение 'ужасный, отвратительный день' /Втп./, метафорический перенос 'сиде-
ние (место), стул у кудели' Kollár /Jg/; ficko (слвц.) прямое
значение 'быстро перебродившее пиво' '/HS/, /Втп./, мета-
форический перенос 'легкомысленный человек' Kollár /Jg/.

Наибольшую по численности группу составляют слова из текстов Коллара, не зафиксированные в предшествующих "Словарю" Юнгмана источниках. Эту лексику также можно разделить на две группы - немотивированные слова, т. е. не имеющие в "Словаре" Й. Юнгмана исходного, мотивирующего слова, и мотивированные. К немотивированным относятся имена собственные Blatoň 'озеро Болотон' (ср. Blatoň /К.-К./), Didila 'имя богини), Hansa 'товарищество северных купеческих городов в Германии', Dobroně (слвц. Dobroňa) 'имя коров', D'uřo, D'uřjk (слвц.) 'Юрий' (D'uřo, D'uřko (венг.) 'Jíří' /К.-К./); междометия bug - восклицание во время застолья, видимо, аналогичное русскому 'будь/будем (здрав(ы))' (ср. buj, bujet (диалект.) - 'будь, будем' /К.-К./), hudrty-budrty 'о быстрой речи' (ср. hudrty-budrty 'стремглав, наспех' /К.-К./); сенky lenky (слвц.) 'звук колокольчика' (ср. senko (диалект. восточнослвц.) тонко, нежно' /К.-К./); глаголы baláchatí (слвц.) 'клеветать' (ср. baláchat' (экспресс.) 1) 'говорить неправду, распространять ложную информацию' 2) 'обманывать' /SSJ/), cendžeti 'звенеть' (ср. cendžat' 'звенеть' /К.-К./), ciklati 'щекотать' (ср. cikl'at' (Kollár) 'щекотать' /К.-К./), člapkati (слвц.) 'брызгать' (ср. člapkat' ' капать, падать (о воде, дожде), издавая характерный звук' /К.-К./, /SSJ/), dibati, dibkati (слвц.) 'ходить на цыпочках' (ср. dibat' (Kollár), dibkat' 'ходить на цыпочках' /К.-К./); имена существительные cjkog (слвц.) 'струйка' (ср. cikog, cíkog (Kollár) см. cícor, cícerkom - 'струйкой (течь струйкой' /К.-К./; círka, cípuška (слвц.) 'курица' (ср. církat' 'шипать кур' církat' 'звать цип, цип' /К.-К./; círka (фамильян.) 'курица' /SSJ/); dbol (уменьш.) dbolec (слвц.) 'улей' (ср. dbol(ec) 'улей' /К.-К./),fafarka (слвц.) 'почтовая труба (фанфара)' (ср. fasfarka 'почтовая труба' (Kollár) /К.-К./), gacek 'летучая мышь' (ср. jacek 'летучая мышь' /К.-К./), hýta (слвц.) 'шишка (ушиб)' (ср. hýta 'шишка (ушиб)' (Kollár) /К.-К./), chagda (слвц.) 'бедная хижина, развалюха' (ср. chajda 'развалившаяся хижина' (также моравск.) /К.-К./),

bobo (слвц.) 'страшилище, бука (в детской речи)', чеш. buba (ср. bob 'бука' 1763 г. /HS/).

К словообразовательно мотивированным относятся слова различных частей речи, образованные посредством:

1) суффиксации: hat'apák (< чеш. hat'apa) 'увалень', cukřinka 'сахарница' (< чеш. cukr, cukřice), dolničan 'тот, кто живет на нижнем краю деревни' (< чеш. dolnij), honičan 'тот, кто живет на верхнем краю деревни' (< чеш. hornij), dojelnjk (< dogitij) (слвц.) 'тот, который доит', čelenka (< чеш. čelo, čelnij) 'украшение надо лбом', brnoša 'корова темно-коричневой масти' (< чеш., слвц. broný), cizinec 'иностраник' (< чеш. cizina). Можно предположить, что это слово было введено в чешский язык Колларом, поскольку до фиксации его в "Словаре" Юнгмана со ссылкой на Коллара (Po zemi so cizinec gen cestj) в значении 'иностраник' в чешском языке употреблялись слова cizokrajčíp, cizokrajín, cizotogenes, cizozemec, cizozemění /Gěb./, cizozemec /Tomsa/, в словацком языке - cudzokragník, cudzozemčín, cudzozemec /Btp./; hračkati (слвц.) 'играть в игрушки' (< чеш., слвц. hracka), cíkořiti (слвц.) 'течь струйкой' (< слвц. cíkor), bydljčko (слвц.) 'уменьш. жилище' (< слвц. bydlo), chytřena (слвц.) 'имя коров' (< слвц., чеш. chytý); с помощью нулевой суффиксации образовано слово hanoba 'позор' (< чеш. hanobiti) (по аналогии к чеш. hanba (< чеш. hanbiti), вероятно, в качестве поэтического синонима возвышенного стиля: Strome, zastiň hanobu lidu toho! Kollár. "Sláwy dcera" /Jg./.

2) сложения полных и усеченных основ: а) arcídělo /arcídělo (< чеш. arcí, dělo), arcizahradnjk (< чеш. arcí, zahradnjk), bylinoživočich (< чеш. bylina, živočich), holochwost (< чеш. holý, chwost), desettisjcnjk (< чеш. deset, tisjcnjk), cicbaba (< чеш. cík, baba); hwězdokrytý (< чеш. hwězda, krytý), černosatý (< чеш. černý, satý), hadohnjzdý (< чеш. had, hnjdzo), hadowlasý (< чеш. had, wlas), hnogotoký (< чеш. hnūg, tecy), gedinýkrát (< чеш. gediný, krát); б) dalekowid (< чеш. daleko, widěti), černobelasy (слвц.) (< слвц. černí, belasí);

3) сложносуффиксального способа: cizoplemec/cizoplemenec (< чеш. cizý, plémeno, -ec), carobažný (< рус. сар, чеш. bažiti, -n(y))¹⁴, dymokurný (< чеш. dým, kauriti, -n(y)), hwězdonosný (< чеш. hwězda, nositi, -n(y)).

Итак, какая же лексика поэта Коллара была включена

Юнгманом в его фундаментальный "Чешско-немецкий словарь", заложивший основы лексического возрождения чешского литературного языка?

Это, прежде всего, чешские слова, имеющие опору в литературных памятниках чешского языка и в словарях чешского языка Томсы и Палковича, словацкая лексика, зафиксированная в памятниках словацкой письменности и в словаре словацкого языка Бернолака, а также польские и сербские слова. Цитирование из текстов Коллара выполняет в "Словаре" не только иллюстративную функцию, демонстрируя употребление диалектных или известных по памятникам литературы слов в современном чешском литературном языке. Использование Колларом этих чешских или словацких слов носит также и творческий характер, поскольку в его произведениях многие известные слова употреблены в новых значениях. Расширение семантической структуры чешских слов происходит за счет привлечения лексических значений соотносительных словацких слов; словацкие же слова получают новые переносные значения. Авторские это новшества или Коллар впервые вводит в литературный язык диалектные (разговорные) варианты данных слов – этот вопрос требует дальнейшего изучения. Значительную роль в лексическом обогащении "Словаря" Юнгмана сыграло и личное словотворчество Коллара. Для создания новых слов он использует как чешские, так и словацкие, русские мотивирующие основы, чаще всего пользуясь методом сложения. Отдельные его новообразования не только дожили до наших дней, но и являются практически единственными обозначениями данных понятий в современном чешском литературном языке (*cizinec*).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О стремлении Я. Коллара повысить "благозвучность" чешского языка см., например, *Tóbk S. Safárikov a Kollárov jazyk*. – Bratislava, 1966; *Dvončová J. Kollár a Čeština // Zborník filozofickej fakulty Univerzity Komenského-Roč. XVI. Philologica*. Bratislava 1964. S. 183–187; Смирнов Л. Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 86–157.

2. "Первым" из чешских поэтов называли Я. Коллара чехи, по призна-

нию Й. Юнгмана в письме Я. Коллару от 8 мая 1824 г. См.: Joz. Jungmann. *Boj o obrození národa. Výbor z díla Jozefa Jungmanne*. Praha, 1948.

3. Jungmann J. Slovník česko-německý. Praha 1835–1839, далее – Jg. или "Словарь".

4. Tobiš S. Op. cit. S. 41, 43. По свидетельству К. Пауля, словакизмы составляют в "Словаре" Й. Юнгмана около четверти всего объема. Paul K. Jozef Jungmann a P. J. Šafárik // Listy filologické. Roč. LXIV. Sez. 4–5. Praha, 1937. S. 234. Далее названные выше источники будут именоваться текстами Я. Коллара.

5. Pražák A. Dějiny spisovné slovenštiny po dobu stáří. Praha, 1922. S. 206.

6. Для сопоставления нами были привлечены следующие словари: Gebauer J. Slovník staročeský. I. Praha, 1970 – далее Geb.; Historický slovník slovenského jazyka. I. Bratislava, 1991 – далее HS; Tomša F. J. Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch und lateinischen Sprache. Mit einer Vorrede begleitet von Joseph Dobrowský. Prag, 1791. 1791 – далее Tomša; Palkowitz G. Böhmischo-deutsch-lateinisches Wörterbuch, mit Beyfügung der den Slowaken und Mähren eigenen Ausdrücke. Erster Band. Prag, 1820. Zweyter Band. Pressburg, 1821 – далее Plk.; Bernolák A. Slowár Slowenskí, Česko-Latinský-Německo-Uherský. Budae, 1825–1827. – далее Brn.

7. Linde S. B. Słownik języka polskiego t. I–VI. Warszawa, 1807–1814.

8. Мойсезонко В. О. "Чесько-німецький словник" И. Юнгмана як важливе джерело збагачення словникового складу слов'янських літературних мов на початковий стадії їх формування в XIX ст. // Проблеми слов'янознавства. Львів, 1990. Вип. 41. С. 77.

9. Будовичова В. К проблематике сопоставительного изучения лексикологии родственных языков (лексические параллели в словацком, русском и чешском языках) // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983. С. 255.

10. В статье мы его не приводим.

11. Slovník slovenského jazyka. I. – Bratislava, 1959 – далее SSJ.

12. Kálal K., Kálal M. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí (slovensko-český differenciálny). Na základe slovníkov, literatúry aj živej reči. Banská Bystrica, 1923. – далее K.-K.

13. Смирнов Л. Н. Словообразовательные типы abstracta attributitatis в литературном словацком языке эпохи национального возрождения // Исследования по словацкому языку. М., 1992. С. 78.

14. Имя существительное *sag* 'царь', входящее в сложное слово *sagobažný* 'мечтающий, жаждущий, стремящийся стать царем', не зафиксировано в словарях /HS/, /Geb./, Tomša/, /Plk./, /Brn./. Я. Коллар не только заимствовал из русского языка существительное *sag*, но и создал на его основе новое чешское слово.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ЯНА КОЛЛАРА

Первые десятилетия XIX века характеризует идея воссоединения и объединения славянских народов, исходившая из глубин исторического прошлого. Начавшиеся в России широкомасштабные славистические исследования диктовали необходимость знакомства с жизнью славянских народов, что предполагало изучение и описание памятников письменности, предметов быта и искусства, живых говоров славянских языков, фольклора. Русские ученые, посетившие с этой целью славянские земли, подчеркивали, что всюду чувствовалось стремление славян осознать свою жизнь и отношение к другим народам, найти то общее, что объединяет все славянство, и обнаружить специфические, самобытные черты, свойственные каждому "племени". Эпоха духовного возрождения демонстрирует многогранные взаимоотношения деятелей славянских культур разных стран. Народы Австро-Венгрии переживают духовный подъем. В это время здесь работают такие выдающиеся ученые слависты, как В. С. Караджич, Е. Копитар, Й. Добровский, Й. Юнгман, Я. Чаплович, П. Й. Шафарик, Я. Коллар, Ф. Л. Челаковский, В. Ганка, Я. Э. Смолер, знаменитая галицкая "Русская Троица" - М. Шашкевич, И. Вагилевич, Я. Головацкий.

Широкий диапазон интересов, разнообразная проблематика научных трудов, художественное творчество типичны для славянских будителей. Славянское возрождение знаменательно пробуждением целенаправленного интереса к народу, его жизни, творчеству. Народные будители обращаются прежде всего к народной словесности, они рассматривают фольклорный материал в контексте общественной жизни, видя его историческое предназначение в процессе возрождения нации. Фольклор воспринимается ими как часть традиционной народной культуры, творцом и воспроизводителем которой являются народные массы. Наука о народной культуре в основном занималась такими явлениями, которые представляли этнические особенност-

ти культуры собственного народа, этническую самобытность.

В подходе к изучению славянской проблематики, в оценках процесса развития культуры Ян Коллар с самого начала своей деятельности выступал поборником идеи славянской взаимности, которая поддерживала стремление к познанию общих традиций в культурном и языковом наследии своего собственного народа. Всеславянская идея давно волновала многие умы славянского мира. Ян Кохановский был, пожалуй, первым восхвалителем славянства за два века до Добровского и Добнера. М. Бельский прозвозгласил славянскую общность в 1550 г. Идею объединения славянских народов выдвинул в XVII в. Юрий Крижанич, великий хорватский ученый, связав ее с освобождением славян от чужеземного ига. По замыслу Крижанича, создание общеславянского языка, понятного всем славянам, было бы важнейшей частью программы возрождения славянских народов, что дало повод в XIX в., когда вновь ожила эта идея, назвать его "первым пророком язычного объединения славян"¹. Русские ученые П. А. Кулаковский, А. Н. Пыпин, А. С. Будилович признавали этот замысел замечательным и справедливым. На языке, который содержал русские, польские, хорватские слова и грамматические формы, писал Крижанич свои произведения с 1659 г. В "Грамматике" применил метод сравнительного изучения славянских языков, стремясь создать единый язык на этой основе, за что О. Бодянский назвал Крижанича отцом сравнительной славянской филологии. В Чехии об идее славянской взаимности в самом начале XIX в. напомнил Антонин Марек в стихотворении "Má vlast" (1807), а несколько лет спустя, в 1811 г., – в знаменитом поэтическом послании "Matek Jungmannovi", великолепной оде, пламенно воспевающей славянство, прославляя славянское величие, силу и непобедимость². В статье "Slovan" Марек сформулировал свою концепцию так: "Чувствую, что принадлежу всему славянству, а все славянство принадлежит мне"³.

Идея славянской общности в новых исторических условиях воплощалась в конкретной деятельности ученых. Так, трехтомная антология Ф. Л. Челаковского "Славян-

вянские народные песни", включавшая песни чешские, моравские, словацкие, русские, украинские, болгарские, словенские, лужицкие, демонстрировала идею единства славянских народов. Антология чешского фольклориста стала образцом для собирателей, дала материал исследователям, питала художественную культуру, способствовала знакомству с народным творчеством славян других народов.

Вокруг славянской идеи шли жаркие споры, одни всецело ее разделяли, другие полностью отвергали. Свое отношение к идее единства Ян Коллар высказал в поэтическом творении "Дочь Славы" (1824). В поэме отразилось новое направление, проповедовавшее взаимную любовь и единство славян. Поэт изображает положение народа в трех временных срезах – в прошлом, настоящем и будущем, он призывает славянские народы пробудиться, работать и верить в лучшее будущее. Коллар осуждает угнетателей славян, его голос зовет их к объединению, к сплочению усилий для сопротивления насильственной ассимиляции. Понятие родины для него не совпадает с территорией, на которой он живет, он имеет в виду родину, "которую в сердце носим". Не менее сильное впечатление на современников произвело другое произведение Коллара – "О литературной взаимности между различными племенами и народами славянского народа", переведенное на русский язык И. И. Срезневским. Некоторые смотрели на эту работу как на манифест панславизма. В ней он признавался, что нынешние славяне – "великаны в географиях... и карлики в искусстве и литературе", а причина этого – раздробление и отсутствие единства, поэтому для утверждения своих народных стремлений они должны соединиться в литературной взаимности. "В наше время недовольно быть хорошим русским, горячим поляком, совершенным сербом, ученым чехом, и только исключительно, хотя бы и хорошо, говорить по-русски, по-польски, по-чешски. Уже прошли односторонние детские годы славянского народа, дух нынешнего славянства налагает на нас другую, высшую обязанность, именно: считать всех Славян братьями одной великой семьи и создавать великую всеславянскую литературу"⁴. Чтобы выполнить свою историческую миссию – вести далее циви-

лизацию и просвещение – славяне должны объединиться в едином литературном процессе.

В более полном собрании сонетов и элегий, объединенных тем же заглавием "Дочь Славы", опубликованном 8 лет спустя, Коллар описывает рай и ад. В рай (небо) он помещает всех патриотов – писателей, будителей, которые трудились во славу своих народов, во имя их языка и культуры. Из словацких авторов – это Фейеш, Таблич, Рожнай, Белопотоцкий, Голлый. В славянский ад (пекло) поэт посыпает всех неприятелей, противников и угнетателей славянства (кстати, туда же, в ад, Коллар помещает Дантеса, обрекая убийцу Пушкина на вечные муки). В этом издании увеличилось количество сонетов, несущих идеологическую нагрузку, содержащих теоретические высказывания.

Народная словесность стала еще одной областью культурологических и научных интересов Коллара. Как П. Й. Шафарик, Ян Благослав Бенедикти и многие другие (см. предисловие ко 2 тому "Песен светских") записывал словацкие народные песни. В соавторстве с друзьями в 1823 г. издал первый том *"Písni světských lidu slovanského v Uhřích"*, а в 1827 г. – второй. Во введении Коллар подчеркнул значение народных песен для национальной культуры. По его мнению, песни являются отражением народного характера (ср. подобное высказывание Ю. Венелина: "через песни происходит знакомство с народом"), а также "ключом к святыне народности"⁵. По мнению Коллара, "Народные песни – самая сильная основа просвещения, элемент культуры, поддержка нации, защита и украшение языка"⁶.

Издание Шафариком, Благославом и Колларом сборника песен было мотивировано новым отношением к угнетенному народу, т. е. главным образом, культурно-этнографическими посылками, однако нельзя отрицать и влияние идей Гердера⁷, особенно сильного в Словакии. Огромным импульсом к изучению жизни народа, его творчества был "Сборник сербских песен" Вука Караджича (1814), а также вышедший в 1822 г. первый том "Славянских народных песен" Челаковского, поэтому вполне объяснимо желание словацких патриотов показать всей культурной Европе богатство народной культуры словаков. Побудительным

моментом издания песен было происхождение и близость к народной среде всех участников сбора и публикации. И все же главная цель – доказать древность, самобытность, независимость словаков и славян с помощью новых аргументов – народных песен, представленных как исторический источник.

Кроме собирательской деятельности, Коллара и Шафарика занимал вопрос о сущности народной поэзии и ее особенностях. Их теоретические взгляды на народ и его историю, его жизнь и творчество базировались на богатых фольклорных традициях почти не тронутых чужеродным влиянием, на большом фактическом материале, собранном к тому времени⁸. Они обратили внимание на важность изучения материальной и духовной культуры народа, в которой отражается национальный характер.

В сборнике "Песни светские" просматривается разный подход к отбору материала, его классификации и особенно его интерпретации. Если для Шафарика главное – правдивость, научная точность, оценка эстетической стороны песни, то в Колларе часто побеждает поэт, его увлекает поиск исторического и мифологического смысла.

Оба предисловия написаны Я. Колларом. В предисловии к первому тому дается характеристика всех словацких наречий, делается попытка очертить границы каждого из них, приводятся наиболее характерные диалектные особенности – фонетические, морфологические, лексические. В текстах также заметно стремление отразить эти различия. Говоря о музыкальной стороне песен, Коллар подчеркивает удивительное разнообразие мелодий. Чаще это обусловлено не содержанием, а внешними обстоятельствами: при которых они поются: дома на посиделках или на улице, на свадьбе или на лугу во время сенокоса, на поле во время жатвы, на вершине горы или в долине. Поэтому очень важно записывать мелодии. В предисловии ко второму тому говорится о любви словачек к песне, о том, что они поют, выполняя любую работу, поют в печали и в радости, что отмечается даже иностранцами. Так в немецкой книге 1799 г. говорится: "Главной и прекрасной особенностью характера словаков является их величайшая любовь к пению"⁹. Составители обращаются к читателям с

просьбой записывать песни в своих родных местах, а если можно, то и мелодию. Особое внимание следует обратить на жатвенные песни, которые поются в поле и по дороге домой, на песни, которые поют девушки, стоя одна против другой на вершине двух гор, разделенные долиной, поют, будто разговаривают. Кроме песен, нужно записывать пословицы, поговорки, загадки, сказки, устаревшие слова, обычаи, существующие у словаков. По мнению составителей, это то наследство, которое должно передать потомкам. Говорится в предисловии и о том, что памятники народной словесности дают материал для суждения о свойствах и характере языка, перечисляются языковые особенности песен. Собранные вместе записи могут создать полную картину жизни народа, его душевного богатства, восполнить недостающие или искаженные фрагменты.

В издании приводится объяснение некоторых слов, или краткие пояснения: например, "Régún, jináče Ráhot - statoslovanský Bůh". "Песня при народной игре" словацких девушек сопровождена обширным комментарием и сравнением с песнями сербской (из сборника Караджича) и чешской (из сборника Челаковского). Описывается и сама игра, которая называется "Нга па královnu" и указывается, что своими корнями она уходит в глубокую языческую древность. К сожалению, запись неполная, в измененном виде, поэтому было бы важно сделать записи в других областях, чтобы воссоздать недостающие фрагменты и восстановить всю песню целиком. Есть попытка дать этимологию слова, повторяющегося в припеве: "Hoja dond'a, hoja". Песня № 4 "Sobota a neděla" комментируется следующим образом: "в субботу и воскресенье совершились vohledy, т. е. парни посещали девушек, что в Чехии и Моравии называется Žebrácká pos". Песня № 115 "Vajapiro" снабжена развернутым пояснением о времени, действии и месте ее исполнения: поется накануне вечера св. Яна Крестителя 24 июня. Праздник устраивается на холмах близ села, куда приходят девушки и парни и приносят солому, которую складывают в большой костер и зажигают, после чего перепрыгивают через огонь. Далее говорится о том, что подобный обычай описывает Я. Чаплович (в записи Белогорского), встречается он и у сербов, и у лужичан в Тюрингии.

Комментатор приходит к выводу, что данный обычай языческий, праздник солнца и огня¹⁰.

В 1834–1835 гг. Ян Коллар издал "Národné spievanky", которые стали зеркалом словацкого народного словесного творчества, синтезировав устремления эпохи славянского возрождения. В сборник вошли не только лирические песни, но и мифологические, обрядовые, в которых слышны отголоски древних обрядов и ритуалов (песня о липе, об обрядовом деревце "мае" и др.). Шафарик считал это издание лучшим из опубликованных славянских сборников. Коллар включил не все песни из сборника 1823–1827 гг. – из 120 текстов II тома взял 112. Он руководствовался при выборе прежде всего эстетическими соображениями и взял песни, отличающиеся особой художественной ценностью и производящие впечатление на читателя этими достоинствами. Вошли сюда не только песни сельского населения, но и песни мещан, ремесленников, студентов, а также некоторые образцы светской поэзии, словом, все то, что можно было назвать песней – собственно народные, а также те, которые стали народными, прияя из профессиональной поэзии. "Национальные песни" поражают монументальностью собранного Колларом корпуса текстов. Если "Песни светские" содержат 222 текста, то в сборнике Коллара их 2.582. Этот труд является до сих пор самым большим собранием словацких народных песен. Огромный материал потребовал систематизации, и Коллар попытался расклассифицировать его по тематическому и мотиво-тематическому принципу, сохранив и названия к песням. Включение песен "jak pospolitého lidu, tak i vyšších stavů" было сделано сознательно: речь шла о том, чтобы представить не только простонародные песни, но песни всего народа, т. е. национальные. К сожалению, Коллар правил тексты, желая их "улучшить", вторгался в тексты, что приводило к изменению структуры песни. Реже вносил изменения в фонетику и лексику, правда, иногда фонетический облик слова изменял по типу среднесловацкого (турчанского) диалекта, но проводил это непоследовательно. Большие структурные изменения касаются главным образом объемных текстов, которые Коллар делил на несколько песен, иногда прибавляя новые строфы, но чаще посту-

пал наоборот, – выбрасывал целые строфы или добавлял строфы из других песен или песенных вариантов. Число выброшенных строф может колебаться от трех до одиннадцати, в ряде случаев так он поступал с началом текста, но чаще страдал конец песни. Теоретические примечания к "Национальным песням", а ранее вводные статьи к обоим томам "Песен светских" содержат обобщающие положения о роли и месте фольклора в общенациональной культуре, о его значении для изучения истории собственного народа. Мысль Коллара о том, что народная песня – живое явление (одна появляется вновь, другая умирает), верна до сих пор. Как поэт, обращал внимание на поэтику песен, например, интересно наблюдение Коллара над художественными особенностями – для словацкой народной песни характерен эпитет "белый". При работе над сборником "Национальные песни" постепенно изменяется концепция, выработанная совместно с Шафариком – о строгом научном подходе к фольклорному материалу. В этот период у Коллара начинает проявляться тяготение к историзму и мифологизму в соответствии с его взглядами и представлениями о национальной культуре. О. Бодянский откликнулся пространной рецензией на "Народные спеванки или светские песни словаков в Венгрии, как простого народа, так и высшего сословия, собранные, в порядок приведенные и выданные Яном Колларом" (Буда, 1834–1835), в которой была дана высокая оценка труда издателя и собирателя ("Московский наблюдатель" 1835, октябрь. Кн. I, ч. 4). Через десять лет после выхода сборника Коллара появилась рецензия И. И. Срезневского, который так охарактеризовал труд словацкого ученого: "Он начал изучением народностей и особенно народной поэзии, и как плод первых своих трудов, издал, сначала с Шафариком, небольшое собрание словацких народных песен, а потом один – собрание огромное, систематическое, ученое, в двух больших томах. Это лучшее из собраний славянских народных песен. Труд этот, потребовавший по мысли Коллара, многих разнообразных разысканий, завлек его в изучение разных запутанных вопросов древностей славянских"¹¹.

Издание Коллара исполнено с большим старанием, песни сопровождаются историческими и этнографически-

ми объяснениями. Коллар опубликовал немало текстов из старых записей середины XVIII в. Напомним, что до публикации "Национальных песен" в 1832 г. в Харькове появился сборничек словацких песен, куда вошло 20 оригинальных текстов, воспроизведенных кириллическим шрифтом. В конце они прокомментированы и сопровождены подстрочными переводами. Во введении издатель – И. И. Срезневский – пишет, что песни были записаны им от приходивших на Украину "словаков, живущих в верхней Венгрии, около и в городах: Кремнице, Шемнице, Државнице, Штявнице, Бойнице, Татмире, Киевце, Токае и пр., по отлогостям гор Карпатских". Упоминается тут и о двух словацких песнях, которые были опубликованы еще в 1816 г. в "Вестнике Европы".

Если в поэзии Коллар формулировал программу национально-возрожденческого движения, то своей фольклористической деятельностью способствовал выявлению богатства словацкой народной поэзии как части национальной культуры, всю свою жизнь пропагандируя идеи активного гуманизма.

Ян Коллар, как и Павел Йозеф Шафарик, привлек внимание не только к словацкому народному творчеству, но и к языку, оказав тем самым огромное воздействие на всю культурную жизнь словаков. Их деятельность на ниве национального возрождения началась в то время, когда, по словам Шафарика, "U Slováku vlastnímu dialekta odníkud jinud, leč z národních pěsní se nenaucíš" ("Promlovení k Slovanům"). Занимаясь песенным фольклором, они открыли новый этап в изучении народа, когда последний переставал быть объектом изучения, как это было в эпоху Просвещения – народу отводилась роль носителя и хранителя самого ценного в национальной культуре – языка и фольклора.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Možajeva J. Lingvistička djela Jurja Križanića u oceni ruskih učenjaka // Simpozij o životu i djelu Jurja Križanića. Sažeci referata Zagreb, 1983. S. 31.
2. Krystýnek J. Slovanská idea u Antonína Marka // Franku Woillmanovi k sedmdesátinám. Sborník prací. Praha, 1958. S. 103.
3. Ibid. S. 112.
4. Цит. по: Пыпин А. Н., Спасович В. Л. История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. 951–952.

5. В "Библиографических листах" за 1825 г. (№ 18) в разделе "Литература богемская и словацкая" говорится об этом сборнике песен словацкого народа. П. И. Кеппен сообщает, что в издании принимал участие Я. Коллар, к которому ранее, в 1822 г., он обращался с просьбой описать разные оттенки "словацкого наречия" (или о разных наречиях словацкого языка). Описание диалектных различий, присланное Колларом, вполне удовлетворило автора заметки. Далее Кеппен добавляет, что эта диалектная характеристика напечатана в предисловии к сборнику песен. "Заметим только, — продолжает П. И. Кеппен, — что чистейшим или так называемым словацким языком ... почитают наречие, которое употребляется в горах, именуемых Татрами" (цит. по: Кишкун Л. С. Словацко-русские литературные контакты в XIX веке. М., 1990. С. 51–52).

6. Ян Коллар был любимым поэтом создателей первого западно-украинского альманаха "Русалка Днестрова" (1837), в котором были опубликованы украинские народные песни Галиции. Эти слова Шашкевич, Вагилевич и Я. Головацкий взяли в качестве эпиграфа к разделу, посвященному народным песням.

7. Ср. мнение Ф. Вольмана, который скептически относился к утверждению исследователей, связывавших с именем Гердера культ народной песни, гуманизм, мессианство, считая, что это было у славян и до Гердера (Wollman F. K metodologii srovnávací slovesnosti slovanské // Spisy filozofické fakulty MU v Brně. 1936. C. 43. S. 99. См. также его статью: Lidová slovesnost v jazykově literárním obrození Slovanů // Slavia. 1956. Roč. XXV. Seš. 4).

8. Об истории возникновения двухтомного собрания "Песни светские" см.: Dzubáková M. K u genéze slovenskej folklóristiky. Bratislava, 1976.

9. Minárik J. Nad prvým vydaním slovenských ľudových piesní // Kollár J., Šafárik P. J. Piesne svetské ľudu slovenského v Uhorsku. Bratislava, 1988. S. 175.

10. Kollár J., Šafárik P. J. Piesne svetské ľudu slovenského v Uhorsku. S. 207, 317–318.

11. Журнал Министерства народного просвещения, 1844. Ч. III. С. 87–88. Кроме рецензии О. М. Бодянского упомянем статью П. И. Кеппена "Литература славянских народов", где говорится о Колларе как о собирателе и издателе народных словацких песен (ЖМНП за 1836 г., ч. IX. С. 428. О прижизненных откликах в русских периодических изданиях о Яне Колларе см.: Кишкун Л. С. Словацко-русские литературные контакты в XIX веке. М., 1990. С. 49–63).

**"СТО СОНЕТОВ" ЯНА КОЛЛАРА
КАК РУССКИЙ ВАРИАНТ "ДОЧЕРИ СЛАВЫ"**

Предметом анализа в данной статье стали переводы на русский язык из "Дочери Славы" Яна Коллара, прежде всего – книга "Ян Коллар. Сто сонетов" (1973)¹.

Лиро-эпическая поэма Я. Коллара "Дочь Славы" – главное произведение поэта, над нею он трудился всю жизнь. Стилевое своеобразие поэмы во многом определяется тем, что она составлена из сонетов итальянского типа. От цикла любовных сонетов, посвященных Фридерике Вильгельмине Шмидт, Коллар постепенно пришел к созданию лирически окрашенной картины славянской жизни в широких временных и пространственных рамках, включающей и загробный мир. Лужичанка Шмидт (Мина) силой поэтической фантазии Коллара преобразилась в идеальную славянскую деву, Дочь Славы, посланную небесами в утешение скорбящим, разобщенным, часто угнетенным славянам, – и в то же время это живое прекрасное существо, причина любовных томлений лирического героя. Впервые под названием "Дочь Славы" сонеты Коллара вышли в 1824 г.; в дальнейшем поэма "разрослась" более чем вчетверо: "полное" (по авторскому определению) издание "Дочери Славы", в пяти песнях (1832 г., 615 сонетов и "Вступление"), было еще недостаточно "полным"; в год смерти поэта (1852) вышел вариант, содержащий 645 сонетов. Поэма, сочетающая в себе принципы поэтик классицизма и преромантизма, написана на чешском языке с использованием словакизмов и славянских неологизмов. Автор вводил и сквозную, и раздельную нумерацию сонетов; ныне употребляются обе, что вносит некоторую путаницу (исследователю все же удобнее сквозная).

Разумеется, такое произведение представляет серьезную трудность для переводчиков. Напомним некоторые "вехи" в истории переводов поэмы на русский. Книга "Поэзия славян" (СПб., 1871) отводит "Ивану Коллару" значительное место в разделе "Чешские поэты" (при наличии са-

мостоятельного словацкого раздела). Шестнадцать сонетов из первых трех песней поэмы, а также "Вступление", перевели Н. Берг и В. Бенедиктов. До выхода "Ста сонетов" (т. е. более ста лет) эта подборка оставалась наиболее "обширным" представлением "Дочери Славы" на русском языке². После второй мировой войны были опубликованы новые переводы из Коллара (причем не только из "Дочери Славы"). Они включались, в частности, в "Хрестоматию по зарубежной литературе XIX в." (1955), в антологии чешской (1959) и словацкой (1964) поэзии³. Один из переводов Берга вошел в "Хрестоматию..." (сонет 139 из второй песни), в остальном использовались переводы С. Шервинского, М. Замаховской, П. Ювенской, Н. Стефановича, Г. Корина. Интересно, что переводы в двух антологиях поэзии не повторяются, а дополняют друг друга (дважды воспроизведено только "Вступление", пер. С. Шервинского). С одной стороны, это оправдано – но лишь pragматически (если читатель знает о наличии двух подборок). Поэма как целостное произведение, таким образом, на русском языке до 1973 г. представлена не была.

"Сто сонетов", опубликованные в первом (и пока единственном) отдельном издании Яна Коллара на русском языке, выбраны из всех пяти песней поэмы, т. е. путешествие Мины по загробному миру ("Лета", "Ахерон") обрело "русский облик" впервые. Сонеты нумеруются по "раздельному" принципу (своя нумерация в рамках каждой песни), причем заглавия песней – названия рек – в тексте почему-то опущены, они приводятся в предисловии. Не вошло в это издание и "Вступление", что представляется все же неоправданным. Достаточно трудное для восприятия, "Вступление" необходимо для понимания идейнокомпозиционных особенностей поэмы; А. А. Зайцева верно указывает в комментариях, что "Вступление" – "ключ" к поэме⁴. Большим достоинством "Ста сонетов" является параллельное воспроизведение чешского и русского текстов. В книге использовано большинство предшествовавших современных переводов Коллара, которые включены в контекст новых переводов (имеющих многократный численный перевес). Новые переводы сделаны Н. Горской и Ю. Нейман (один сонет переведен Г. Андреевой). В подборку включе-

ны также некоторые переводы Н. Берга (четыре сонета) и В. Бенедиктова (один сонет).

Переводы XIX в. нередко уступают новым, сделанным с учетом иной концепции, а по некоторым признакам бывают неприемлемы для современного читателя. О соотношении старых и новых переводов из "Дочери Славы" писала Л. Н. Будагова⁵, однако в ее статье, вышедшей в том же 1973 г., не могли быть учтены многочисленные новые переводы, включенные в "Сто сонетов". Исследовательница отметила правомерность нового обращения переводчиков к поэме Коллара, но в то же время указала на несовершенство некоторых современных переводов по сравнению с более ранними ("Вступление" – варианты Берга и Шервинского). Торжественно-тяжеловатое "Вступление", написанное в оригинале стихом античного образца, вполне "состоятельно" в переводе Берга, с его "высоким штилем", тогда как новый перевод не во всем безупречен. Поскольку "Вступление" не вошло в "Сто сонетов", мы не будем разбирать оба перевода. Хотелось бы, однако, поспорить с утверждением Л. Н. Будаговой, что "тема ассимиляции славянских племен" звучит у Шервинского невнятно (хотя вариант Берга и "понятнее"), что "вряд ли можно "нежно пожать руку"⁶, – на наш взгляд, можно, и славянский характер, миролюбивый и добросердечный, как раз соответствует такому определению. Сонеты из "Дочери Славы" позволяют выявить особенности переводческой манеры XIX в.

Переводы Берга (в меньшей степени – Бенедиктова) не только весьма архаичны лексически, но и насыщены церковнославянской риторикой, по сравнению с которой стиль оригинала кажется более "сниженным", не таким гатетичным. Это видно и в сонетах, включенных в новое издание. В 137-м сонете 2 песни стиль Коллара и его мысль гораздо удачнее передал С. Шервинский, например:

"Ты ответь, о, с ясным лицом мать,
В чем твое желанье, что за цели
Так тебе внушают поступать?"⁷

У Берга: "Погибли созидания столетий!.. // Скажи,
зачем ты светоч сей зажгла?" (С. 109). В оригинале:

"Pověz, medle, matko jasnočešť:
Jaké příčiny tě musely
k takovému skutku pobízet?"⁸

Этот сонет (посвященный московскому пожару 1812 г.) показывает характерную для современных переводчиков точность по отношению к оригиналу (вариант Шервинского точен до буквальности, передавая даже хореический ритм подлинника, – и притом неплохо звучит по-русски). Переводы Берга, напротив, отличаются вольностью, порой искающей смысл. Небольшие смысловые сдвиги – в сонетах 137-м (другая последовательность событий при пожаре), 141-м: славяне любят "кровавый спор да браны", т. е. войну (с. 117), – у Коллара речь идет о недружности, раздорах, "грызне" (KB, с. 152). В 138-м сонете (звучащем по-русски очень изящно, без лишней архаики) элегически-бездадостное настроение, выраженное Бергом в терцетах, и его образные "соловьи" и "розы" противоположны сдержанному оптимизму Коллара, как и простоте его стиля. Берг, по сути, дает собственную "фантазию на тему" Коллара, а не перевод конкретного поэтического фрагмента:

Но тяжко дался этот нам простор!
Другим на розах постланы постели,
и соловьев кругом рассыпан хор... (С. 111).

Опять же гораздо точнее Шервинский:

Много злого видела ты дела,
Но своих пережила врагов,
Сыновей неправоту стерпела⁹.

Коллар:

Mnoho's nesla, avšak když čině
nepřátelských všecky přežila,
ba i špatný nevděk vlastních synů.

(KB, с. 151).

Продолжить цитату мешает досадное недоразумение в русском тексте (возможно, опечатка), из-за чего смысл становится противоположным: "Ты не укрепляла трон отцов // На обломках вековых развалин" (у Коллара: "... Ty jsi trůny sobě tvrdila // na století růmich dlouhověké"). Видимо, следует читать "Ты же укрепляла..."

Серьезным недостатком является "небрежность" Берга и Бенедиктова по отношению к сонетной схеме, которую Коллар строго выдерживает. Бенедиктов использует в катренах перекрестную рифму, к ней часто обращается и Берг, прибегающий даже к парной рифме (141, 142-II), недопустимой в итальянском сонете (да и во французском она допускается только в терцетах, а в английском – в финальном двустишии). Современные переводчики неизменно выдерживают характерную для оригинала схему рифмовки (замения, как правило, колларовский хорей более традиционным для сонета ямбом).

Такой несущественный, казалось бы, момент, как "добавление" Берга в 141-м сонете, с точки зрения "строгих" современных переводов тоже уязвим: "Соединимся ж все мы без изъятья: // серб, русский, чех, болгар, поляк...", – тогда как у Коллара "русские, сербы, чехи, поляки", т. е. признаваемое им деление славянства на четыре ветви, во главе с русскими ("болгар" здесь "лишний"). В целом, однако, включение нескольких прежних переводов в новое издание можно принять, хотя переводы Шервинского, на наш взгляд, предпочтительнее. (141-й сонет переведен только Бергом). Замена других "старых" переводов представляется оправданной. Непонятными или комичными для современного читателя оказались бы выражения "зане возопияла", "такое же по нашим нивам рало // пройдет, что всю вселенную взодрало" (Берг) или "и русский бы узрелся головой" (Бенедиктов)¹⁰. Главное же, конечно, – недостаточное соответствие нынешним нормам перевода, которые требуют смысловой точности и верности поэтике оригинала. О том, что современные переводчики руководствуются "нормой оригинала" (термин А. Поповича), справедливо говорила в названной выше статье Л. Н. Будагова¹¹.

В новых вариантах перевода, однако, иногда встречаются не совсем точные места, которые как раз в прежних переводах были очень близки к оригиналу. Примером могут служить два перевода В. Бенедиктова, еще до "Станов" замененные новыми. Сонет 7-III – один из известнейших, аллегорически воплотивший идею славянской взаимности (статуя Славы), довольно удачно переведен

Шервинским (этот вариант использован и в "Ста сонетах"); перевод Бенедиктова также неплох, хотя именно здесь мы читаем: "И русский бы узрелся головой". Но маленький, казалось бы, нюанс склоняет нас к переводу Бенедиктова (а скорее – к необходимости еще одного перевода сонета, с учетом обоих предыдущих). У Коллара "меньшие ветви" славян (вслед за четырьмя "основными") были бы "перелиты" в "одежду и оружие", а у Шервинского – "были б сталью для меча и лат" (с. 127). Тем самым нежелательно подчеркнута воинственность славян, тогда как Коллар в поэме отмечает их миролюбие (ср. сонет 37-П). Вариант Бенедиктова точнее передает мысль оригинала – и притом очень выразителен:

Меньшие же все отрасли славян
Пошли бы в одеянье, в складки, в тени,
В оружие: воздвигся б великан...¹²

Градация "в одеянье – в складки – в тени" делает образ объемным, пластичным, достойно компенсирующим перечисление славянских племен. "Складки" и "тени" одеяния отделены от "оружия" межстиховой паузой – тем самым две аллегорические детали "разводятся" в стороны.

110-й сонет третьей песни переводился трижды: помимо Бенедиктова – М. Замаховской ("Хрестоматия...") и Н. Стефановичем ("Словацкая поэзия...", затем – "Сто сонетов"). Первый перевод порой стилистически неловок, неблагозвучен ("Дворцов их эхо..." и т. п.). Вариант Замаховской очень точен и неплохо звучит. Удачным видится нам перевод Стефановича. Сравнение славянской жизни, которая станет значимой во всем мире, с "потопом" (у Коллара и Замаховской) Стефанович преобразует в строки "Славянство, как весенняя река, // движенья своего раздвинет грани" (с. 165). "Тавтология" (движенья – раздвинет) небесспорна, но образ "половодья", весеннего пробуждения перекликается, между прочим, с термином "национальное возрождение" (эпоха Коллара). Однако заключительные строки успешнее всего перевел Бенедиктов:

О, лучше бы тогда родиться мне
И вольной жизни плыть по океану!
Но – я тогда еще из гроба встану!¹³

Коллар:

... ō, kýž i já raděj v tu jsem dobu
narodil se panství slavského,
aneb potom vstanu ještě z hrobu!

(KB, s. 212).

У Стефановича потеряно "я бы лучше в ту эпоху родился...", осталось только "воскресение"; в переводе Замаховской сохранено и то, и другое, однако поэтическое воплощение мысли у Стефановича выразительнее: "О, если бы воскреснуть на мгновенье // в час торжества великого славян!" Бенедиктов не только воссоздал наиболее важное в заключительном терцете, но и сделал это с "благородной простотой" (отвлекающей внимание от нарушения строфической схемы), а выражение "плыть по океану" закономерно продолжает аллегорию "разливающейся" по всему миру славянской жизни.

Новые переводы Н. Горской и Ю. Нейман, как правило, филологически точны, хорошо передают преромантические любовные переживания и классицистическую торжественность патриотических сонетов. В образно-лексическом и ритмико-звуковом планах эти переводы опираются на опыт русской поэзии "золотого века". Надо заметить, что стилистически они однородны: "угадать" переводчика по тексту едва ли возможно, и это, на наш взгляд, не является недостатком. Индивидуальность переводчика " растворяется" в авторской индивидуальности, подчиняется "норме оригинала".

Выбор сонетов сделан так, что в основном сохраняется сюжетная канва поэмы (достаточно условная уже в оригинале): история любви лирического героя к Мине переплется с его воображаемым путешествием по славянским землям, которое вызывает противоречивые чувства (гордость и скорбь, преклонение и негодование); весть о смерти Мими предвосхищает ее рассказ о впечатлениях от славянского рая и ада. Правда, отсутствует самый первый сонет, в котором у Коллара и появляется Дочь Славы (единственный перевод принадлежит Бергу и в наше время не публиковался). Русский вариант поэмы начинается сразу с "сонета о сонетах", т. е. со второго. Начало поэмы, лишенное "Вступления" и вводного сонета, оказывается

"усеченным"; комментарии не могут заменить поэтических текстов. Другие "купюры" не вызывают такого недоумения. В целом удачно воссоздан центральный образ Дочери Славы, а также Славы-Матери; оба появляются уже в первых сонетах (5-й, 8-й – пер. Нейман) и проходят сквозь "русскую ипостась" поэмы, перекликаясь с оригиналом: "Дочь Славы улыбнулась мне светло" – и т. д. В соответствии с оригиналом, Слава осмыслена и как Славия, славянство, и как славные деяния славян; Слава на небесах – Позор, Напа в аду (в переводе Горской "Стыдова", с сохранением "женского начала"). "Тавтологическая" строка Коллара "Slavme slavně slávu Slávův slavných" звучит по-русски верно и ненасильственно: "Славнейших словов славу славим славно" (пер. Нейман, с. 87).

Очень эмоциональны, образно многоцветны и богато инструментованы переводы любовных сонетов (может быть, оттого, что переводчики – женщины и лирическая тема им ближе, чем гражданственная). Например, характерный преромантический сонет о противоречивой сущности любви (44-1), в подлиннике построенный на оксюморонах, оказывается в переводе весьма выразительным – и воссоздает образность оригинала, лишь незначительно представляя колларовские тропы:

А что любовь такое? Гость незваный,
 тот враг, кого душа сама зовет,
 горячий лед, полынно-горький мед,
 плач, который исцеляет раны;
 яд освежающий, удар желанный... – и т. д.
(Пер. Ю. Нейман, с. 39).

Интересно воссоздан и 26-й сонет I песни, в котором говорится о преображающей силе любви: "холодного сделала пылким, послушным и кротким – строгого...", – в переводе Н. Горской прилагательные заменены существительными: "Был лед, теперь – поток бурливый, // был камень – нынче мягкий хлеб, // был трус – сегодня смелый лев..." (с. 33).

Можно привести еще немало примеров, свидетельствующих о поэтических достижениях переводчиков (не только Горской и Нейман, но и П. Ювенской – сонет 127-1, отличающийся успешной передачей образности). Пример аллитерации (к ней, разумеется, побудил оригинал):

Тебя лишь слышу я, когда волна
с другой волною щепчется влюбленно
и ветер луга веет благовонно
в тиши лесной, что песнями полна.

(Пер. Ю. Нейман, с. 151).

Отметим напоследок еще несколько поэтических находок – в переводе сонета 116-Ш (Н. Горская). Одна из первых строк звучит по-современному "грубовато" в сравнении с оригиналом: "kde vál zefyr, duží vichřice" – "в голых ветках свищет ураган", – но последующее "восполняет потерю":

... По дороге длинной аистиной
август улетел из наших стран,
и старик Дунай несет в туман
листья жухлые, цветы и льдины (с. 169).

У Коллара: "... Bočan spojil, lepší kraje zvole, // z ušlým od
nás sluncem letice..." (KB, с. 215). Удачна и пёскличка корней: "květen" – "май в цветенье".

Особый интерес представляют переводы из двух последних песен. Поздние сонеты Коллара менее одухотворены, классицистически назидательны; поэма обретает характер умозрительных построений в русле основной идеи: "Ад – предателям, небо – славянам верным!" (сонет 113-V, перевод подстрочный). Эта идея хорошо прослеживается в переводах (дополнительно раскрываясь в комментариях). Правда, в первом сонете V песни следовало бы подчеркнуть, что "грешники" – это предатели, отступники (пер. Горской).

Однако читателя запутывает непоследовательное употребление глаголов мужского и женского рода в рассказе от первого лица (должны быть только формы женского рода – рассказывает Мина). Причем непоследовательность встречается у одного и того же переводчика, что можно объяснить только небрежностью: "я устремилā" (84-IV), "не мечтал я" (105-IV), "я полетел" (I-V), "я шла вперед" (93-V) – переводы Н. Горской. Стиль переводов в пятой песни подчас оставляет желать лучшего: экспрессивность в передаче "адских впечатлений" приводит к неудачным оборотам. Разговорные и просторечные, грубоватые слова сталкиваются с торжественными архаизмами, некоторые выра-

жения просто неуместны в устах Мины, тогда как оригинал стилистически нейтральнее, сдержаннее: в сонете 3-м – "допрежь", "вкупе", "лодыры", "рожа", "сей нечисти", "видать", "невдомек" (пер. Нейман), в 37-м – "вилами шпяняют в зад" (пер. Горской). В том же 3-м сонете фантазия переводчика искажает смысл: "хвастун, пропойца, лодырь, жалкий фат" (с. 211), – тогда как у Коллара: "Tu sic žádný zlostník ani škůdce... Ospalci, dagemnici, slabci, zahaleči" (KB, s. 286). Тем обиднее видеть в этом переводе выразительные звуковые повторы: "пекло вкупе", "мелкота толклась". Мысль Коллара о том, что здесь гниют люди, при жизни безразличные к Славе, затушевана шокирующими "эффектами".

Удачна формальная перекличка сонетов о вратах рая и ада (пер. Горской). Сонет о Пушкине и Данте (55-В) "скорректирован" для русского читателя, весь пронизан возмущением и скорбью (у Коллара орудие убийства – шпага, эмоциональные всплески сочетаются с сухим комментарием); к месту здесь "коварный бес", подтолкнувший руку Дантеса (пер. Горской). Фольклорная стилизация в переводе сонета о Яношике (69-В) даже усиlena по сравнению с оригиналом ("не болят, не ноют резвы ноженьки?" и т. п.), хотя не все выражения "одностильны" ("пели птахи, разевая рты"). Однако никак нельзя принять то, что переводчик (Горская) заменил Яношика – популярнейшего фольклорного героя, введенного в литературу классицистами и ставшего одной из основных фигур у романтиков, – на непонятного "Яноша" (хотя в комментариях все и разъясняется). И опять досадной оплошности сопутствуют формальные удачи: помимо названных фольклорных оборотов – рифма " странствовать – Татранскому" и др. созвучия (с. 233). Может быть, стоило дать "варваризм": вместо "Яношу, разбойничку Татранскому" – "Яношику, збойнику Татранскому", оговорив слово в комментариях (русские литературоведы его используют).

Следует отметить и пояснительные материалы, подготовленные А. А. Зайцевой: они вводят читателя в эпоху Коллара, раскрывают многие частности, понятные лишь специалистам. Недостаток предисловия, однако, в том, что Коллар показан в контексте только чешской поэзии; автор

не говорит о его огромном влиянии на становление словацкой национальной литературы, на романтическое (штурковское) направление (например, на А. Сладковича).

В целом "Сто сонетов" достаточно ярко и точно отражают многогранность поэмы Коллара, ее основные идеи и стилевое своеобразие. Впервые "Дочь Славы" предстала перед русским читателем не в отрывках, а, скажем, "контурно", — но именно как поэма. Конечно, можно "усовершенствовать" русский вариант, но первый опыт такого рода оказался большой удачей. Новые переводы, филологически точные и поэтически полноценные, во многом определили эту удачу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Коллар Я. Сто сонетов / Сост. А. П. Соловьевой. Предисл. и comment. А. А. Зайцевой. М., 1973. 245 с.
2. См.: Произведения словацких писателей в русской печати // История словацкой литературы. М., 1970. С. 448—449.
3. Антология чешской поэзии. Т. I. М., 1959; Словацкая поэзия XIX—XX вв. — М., 1964.
4. Коллар Я. Сто сонетов. С. 231. — В дальнейшем в скобках указаны страницы по этому изданию.
5. Будагова Л. Н. Заметки о переводах словацкой поэзии на русский язык // Slovenská a ruská literatúra: Vzťahy a súvislosti. Br., 1973. С. 335—354.
6. Там же. С. 342—343.
7. Антология чешской поэзии. С. 130.
8. Kollér J. Básně. Praha, 1952. S. 150. — Далее при цитировании — КВ, страницы указаны в скобках.
9. Хрестоматия по зарубежной литературе XIX в. Ч. I. М., 1955. С. 704—705.
10. Поэзия славян. СПб., 1871. С. 350, 353.
11. Будагова Л. Н. Указ. соч. С. 338—339.
12. Поэзия славян. С. 353.
13. Там же.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА ЯНА КОЛЛАРА
В ЦЕНТРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ РОССИИ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Каждая юбилейная дата в жизни ученого или иного культурного деятеля отмечается для того, чтобы даже отдаленные потомки могли оценить его творчество, определить вклад в историю и культуру человечества в целом и определенного народа в частности, развить его плодотворные идеи, а иногда и вывести для себя поучение из ошибок и заблуждений юбиляра. Научная оценка наследия исторического деятеля, как известно, предполагает всестороннее его изучение – учет исторических условий эпохи, в которой жил ученый, господствовавших в тот период идейных течений, психологических и др. других особенностей лица, творчество которого изучается, и многие другие факторы. При этом научный подход предполагает не только освещение позитивных сторон деятельности ученого, но и его ошибок – вольных или невольных; лишь в этом случае можно представить изучаемое лицо как человека живого, с его страстьми и увлечениями, с достоинствами и недостатками.

В 1993 г. словаки и другие славянские народы отмечают 200-летний юбилей Яна Коллара. Об этом деятеле написано так много, что одна только библиография трудов его и о нем, изданная в 1954 г., составляет книгу в 500 страниц¹. За сорок прошедших с ее издания лет число трудов о Колларе, конечно, еще значительно увеличилось, ведь каждое новое поколение по-своему подходит к ценностям прошлого, так что процесс создания литературы по каждому сюжету в принципе бесконечен. Известно, что к теперешнему юбилею Коллара подготовлена полная публикация его корреспонденции. Однако в Центральном Государственном Историческом Архиве России (Санкт-Петербург) имеются письма Я. Коллара, не вошедшие ни в какие издания и вообще не публиковавшиеся. Несколько лет тому назад на

эти письма обратила внимание Г. В. Рокина, доцент Марийского Педагогического института, работавшая над диссертацией о Колларе. Сняв с писем фотокопии, Г. В. Рокина предоставила их в распоряжение автора этих строк для организации расшифровки трудночитаемой немецкоязычной рукописи и перевода писем на русский язык.

24 письма Яна Коллара адресованы Гентцену², смотрителю и библиотекарю собрания древностей Великого Герцогства Мекленбургского в Нойштрелице, с которым Коллар был, видимо, знаком еще во время пребывания в Иенском университете³. Корреспонденция охватывает период с 26 февраля 1850 г. по 15 июля 1851 г. и содержит сведения о работе Коллара над его последним трудом "Боги Ретры" и обстоятельствах, связанных с подготовкой его к публикации. Кроме того имеется письмо от 1 февраля 1852 г., сообщающее Гентцену подробности о болезни и кончине Коллара, а также несколько писем Фр. Коллар и ее адвоката относительно устройства ее дел.

Как известно, Я. Коллар вошел в историю чешского, словацкого и вообще славянского возрождения как пламенный поэт, впервые воспевший в поэме "Дочь Славы" славянство как единое племя, могучее, но угнетенное иноплеменниками и жаждущее освобождения. Отразив мысли и чувства современников и став художественным воплощением развивающегося национального самосознания славян, поэма Коллара оказала на них огромное воздействие; под ее влиянием сложились и взгляды ряда поколений славянских писателей и других деятелей. Кроме того Коллару принадлежит и трактат "О литературной взаимности", в котором развивается программа культурного общения славян, в частности распространения среди всего славянства четырех главных славянских языков и создания различных литературных учреждений – славянских кафедр, библиотек и т. п. Трактат систематизировал и дополнил идеи Коллара, высказанные ранее в поэтической форме, и также был широко известен славянам. Оба произведения давали основание современникам и потомкам считать Коллара "самым воодушевленным" славяничином, воплощением славянского духа, певцом всеславянства, центральной, яркой фигурой всеславянской мысли⁴. "Дочь

Славы" и трактат создали Коллару широкую известность. О нем писали и при его жизни и особенно во второй половине XIX в., в том числе и в России. Русская литература о Колларе до 1917 г. уже оценивалась в нашей историографии⁵. Гораздо меньше был Коллар известен как ученый, хотя научные исследования занимали в его жизни не меньшее место, чем поэзия. Но и в научную свою деятельность Коллар перенес поэтические взгляды на славян и свои утопические идеи о славянском единстве. Научные труды Коллара касались языковых, особенно этимологических проблем, а также литературно-исторических, особенно же вопросов славянских древностей. Изыскания его в этих областях имели целью подвести научный фундамент под его поэтические представления о прошлом и будущем славянства как потенциального единого целого. Это обстоятельство привело к подмене исторической правды поэтической иллюзией. Особенно занимал Коллара вопрос о том, с какого времени начинается история славян как "племени", отличавшемся от других схожими особенностями быта и деятельности, а также о специфике славянского язычества. Так, в 1839 г. он издал сочинение "Богиня славы или происхождение имени Славян...", В 1843 г. вышло его "Путешествие по Верхней Италии... в 1841 г.", а в 1848 г. появилась "Староиталия славянская"⁶.

Поставленные задачи Коллар решал в духе своей эпохи, т. е. в духе романтизма, увлечения древностями и сравнительно-историческим методом языкознания, индоевропеизма с его культом санскрита.

Правда, в 30-е – 40-е годы романтизм в науке начал уступать более трезвому подходу к исследованием, чему способствовали как само развитие науки так и политические события в Европе. Последние в частности нанесли чувствительный удар по теории славянской взаимности и показали, что жизнь славян развивается в направлении, весьма отдаленном от путей, предначертанных романтиками – адептами теорий славянской взаимности.

Я. Коллар разошелся с молодым поколением во взглядах на будущее своего народа и в 1849 г. переселился из Пешта, где прожил почти всю прежнюю жизнь, в Вену, где ему было предоставлено место ординарного профессора

славянской археологии в университете. Несмотря на революцию 1848-49 гг., принесшую Коллару много личных страданий и огорчений, он остался верен взглядам своей молодости на славянство, во всяком случае — на его прошлое, и с удвоенной энергией занялся изучением славянских древностей.

К этому времени уже несколько десятилетий внимание европейских ученых привлекали развалины и кладбища на южном побережье Балтийского моря, где до XIII-XIV вв. жили славяне. Считалось, что местности Арконы, Винеты, Штеттина, Старгарда (Ольденбург), в которых когда-то находились языческие храмы, богаты кладами памятников археологии. Особый интерес представляла Ретра, о которой упоминали письменные источники: в частности Титмар Мерзебургский свидетельствовал, что в Ретрском храме на всех идолах были изваяны их имена.

В 80-х годах XVII в. пастор Фридрих Шпонгольц в своем саду, в деревне Прильвиц (между Нойбранденбургом и Нойштрелицем) открыл клад древностей — котел, наполненный древними фигурками божков и накрытый другим котлом. Но Шпонгольц не оставил никаких описаний клада, и только в 1760 г., когда 46 предметов из этого клада оказались в руках доктора Гемпеля, последний сделал краткое их описание, опубликовав его в печати. Уже тогда нашлись скептики, засомневавшиеся в подлинности вещей. Но Гемпель и некоторые другие ученые защищали их археологическую ценность. Между тем, число памятников славянской старины все возрастало, и в 1771 г. суперинтендант Маш, сделавшись обладателями клада уже не в 46, а в 68 предметов, издал в Берлине большое сочинение *Die gottesdienstlichen Alterthümer der Obodriten aus dem Tempel zu Rhetra*, где сообщил публике свои заключения об их значении для археологии славянского язычества и напечатал их рисунки. Книги Маша вызвала выступления скептиков, и их подозрения усилились, когда один из помощников пастора Шпонгольца нашел новый клад, увеличив количество предметов до 118. В число защитников прильвицких древностей вступил граф Потоцкий, написавший сочинение *Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe* ("Путешествие по некоторым частям Нижней Саксонии", 1795). Между тем

все собрания были приобретены мекленбургским Великим Герцогом Карлом. В его же древлехранилище поступило и собрание камней с руническими надписями, найденными в тех же местах и описанными Гагеновом в соч. *Beschreibung der Runensteine* ("Описание рунических камней", Loitz, 1826). Однако голоса о подделках не утихали, и Великий Герцог Мекленбургский учредил комиссию по изучению вопроса, которую возглавил проф. К. Левецов. В результате трехлетних исследований Левецов объявил ободритские руны, приведенные Машем и Потоцким, а также прильвицких идолов, фальшивками. Свои заключения Левецов изложил в работе *Ueber die Aechtheit der sogenannten Obotritischen Runendenkmaeler zu Neu-Strelitz. Eine antiquarische Abhandlung* ("О подлинности т. н. ободритских рунических памятников в Нойштрелице. Антикварное исследование") Abth. 1-2. Berlin, 1835⁷.

По этому поводу П. И. Шафарик писал М. П. Погодину 24 октября 1836 г.: "Все так называемые "Ободритские памятники" у Маша и Потоцкого (в кн.: "Voyage...") представляют собой постыдную подделанную халтуру. Ныне обман открыт: подмастерье, который изготовил их для антиквара, ныне 80-летний старец, самостоятельно и добровольно это признал и подтвердил свое показание под присягой. Таков результат многолетней работы исследовательской комиссии, учрежденной Великим Герцогом (Мекленбургским – Л. Л.). Протоколы ее заседаний и результаты, к которым она пришла, помещены в очерке Левецова в Трудах Берлинской Академии наук за 1836 год. Я рад, что дело выяснилось; ибо эти чудовищные изображения идолов и проч., если бы они были подлинными, вызвали бы лишь чувство стыда за славян!"⁸.

В 1835 г., не успев закончить исследование, Левецов умер, но немецкое Ученое общество в Лейпциге еще в своем отчете за 1830 год также объявило фальсификатами не только Прильвицких идолов, но и нойбранденбургские рунические камни в Вестштрелицком собрании. "В общем дело ясное и несомненное, – писал Шафарик Погодину. – Фальсификатор Нойманн (ныне ему 80 лет), который изготавлял эти предметы в качестве подмастерья главного поддельщика Шпонгольца, добровольно признался в этом

перед судом и затем подтвердил свое признание под присягой"⁹. Следует отметить, что Шафарик, разумеется, не пользовался Прильвицкими памятниками в своих разысканиях о славянах. Коллар же, напротив, решил, что в состоянии выяснить вопрос, который считал спорным, и сделал памятники из Нойштрелицкой библиотеки предметом разбора в специальном сочинении.

Выше упоминалось, что Коллар уделял много времени изучению славянских древностей еще до того, как принял-
ся за Прильвицких идолов. Последняя из работ по этой теме – "Староиталия славянская", которая печаталась, когда Коллар был уже венским профессором, не вызвала сочувствия ученых кругов ввиду совершенной неприемлемости взглядов словацкого ученого для современного ему уровня науки о языке. Рецензируя по поручению Венской Академии наук рукопись этой работы Коллара, написанной на чешском языке, Шафарик в своем отзыве писал: "Общеизвестно, что на обширном пространстве Апеннинского полуострова в древности наряду с языком римским процветали и другие, из которых наиболее значительными являлись этрусский, умбrijийский и осский. Истинная природа этих языков уже более полувека занимает многих выдающихся исследователей языков и древностей. Огромную работу в этой области провели немецкие ученые, мнение которых, при некоторых различиях в частностях, сводится к тому, что этрусский язык был абсолютно не родственным латыни, что он не принадлежал даже к классу языков санскритских или индоевропейских. Но, в отличие от него, языки умбrijийский и осский представляют собой лишь более или менее самостоятельные ответвления языка римлян и должны быть причислены вместе с последним к одному общему стволу – латинскому".

К совершенно противоположным выводам, как пишет далее Шафарик, пришел "почтенный автор рецензируемого труда", т. е. Коллар. "С его точки зрения, древние языки Италии – этрусский, умбrijийский, осский – не только теснейшим образом связаны между собой, но и восходят по существу все без исключения к языку славянскому, а в известном смысле даже идентичны ему". Далее Шафарик развивает свои возражения против этой теории и заключа-

ет, что "избранный немецкими учеными путь, проходящий через принятые ныне точки зрения сравнительно-исторического языкоznания", кажется рецензенту "более уместным, а достигнутые ими результаты - несмотря на их частично гипотетический характер - более удовлетворительными, чем выводы нашего автора"¹⁰, т. е. Коллара. Шафарик все же рекомендовал Академии издать "Староиталию Славянскую" - хотя бы с указанием, что Академия не разделяет проводимое в сочинении основное мнение - поскольку весь труд являлся плодом половины жизни автора, его обширнейших и многотрудных изысканий в интересах науки¹¹. Однако Академия этот довод не приняла, и "Староиталия Славянская" вышла только в 1853 г., после смерти автора, и, как говорит современный нам словацкий историк, "к счастью для Коллара"¹². У нас нет сведений о том, знал ли Коллар об отзыве Шафарика. Зато полемика в литературе по поводу Прильвицких древностей была Коллару хорошо известна, о чём свидетельствует как раз переписка его с Гентценом.

Коллар отличался не только романтичностью, но и фанатизмом, а "религией" его было "всеславянство". И он решил во что бы то ни стало доказать подлинность ретранских памятников. 15 апреля 1850 г. Коллар пишет Гентцену, что собирается предпринять путешествие в Германию "для аутоптического осмотра и сравнения оригинальных памятников (в основном их надписей)". "Должен заметить, - пишет он далее, - что детальное изучение изданных гр. Потоцким славянских древностей убеждает меня все более в их важности, так что они представляются чрезвычайно значительными и замечательными для религии и космогонии древних славян".

Поездка Коллара в Мекленбург для исследования древностей была организована в форме официального приглашения Великого Герцога Мекленбургского¹³, и 31 мая 1850 г. Коллар извещает своего приятеля, что был вызван Его Превосходительством министром Туном, который прочитал письмо Великого Герцога Мекленбургского и обещал необходимый отпуск, а затем "тут же передал дело для официального сведения декану и ректору университета" (поскольку Коллар был профессором этого учебного заведения).

Примерно 17 июня 1850 г. Коллар отправился в свое путешествие. Он намеревался задержаться дня на два в

Праге, затем несколько дней провести в Магдебурге. "В Берлине осмотрю Королевскую антикварную коллекцию и посещу нескольких старых знакомых - Боппа, Панифку, Моммзена, Лепсиуса..., затем направлюсь прямо к Вам в Штрелиц", - писал Коллар 31 мая 1850 г. и продолжал: "Я хочу увидеть и изучить все, что имеется в Вашей близи и округе славяно-археологического, например, в Шверине, Людвигслусте, Ростоке, где, как писала одна славянская газета, два года назад в могильных холмах было обнаружено раскопками много идов и надписей: Так ли это? Я в любом случае хочу полностью решить мою главную задачу, каким бы ни оказался результат; это - мой долг перед собственной совестью, перед доверием, оказанным мне Его Королевским Высочеством, перед чаяниями славянства и даже перед честью науки" (там же). В Дрездене Коллар намеревался посмотреть "оригинальную рукопись Хроники Титмара Мерзебургского, которую открыл Порц, снять факсимиле с имен славянских божеств, потому что в опубликованных изданиях Хроники они воспроизведены совершенно неверно". В Берлине ученый хотел изучить старовендинские монеты и снять с них отпечатки. Это, по его мнению, могло бы послужить свидетельством или аналогом для толкования идов (письмо от 16 июня 1850 г.).

Коллар прожил в Штрелице 7 недель (см. письмо от 18 октября 1850 г.) и, как он пишет, убедился в подлинности исследуемых памятников. Суждения других ученых его не смущали. "Официальные отчеты следствия по делу идов, представленные Потоцким, известны мне, во всяком случае - в их основе, из работы Конрада Левецова, - писал он. - Подобные процедуры ничуть не вводят меня в сомнения. Я скорее поверю богам, чем людям. Бедняга Нойманн, ослабевший от старости, с ненадежной памятью, запуганный устрашениями политической и ученой инквизиции; какое свидетельство он мог представить в подобных делах, и какой вес имеет именно его голос? Вот ведь и Галилей в подобных обстоятельствах, в одно и то же время, то клялся, положив руку на Евангелие - "Нет!", то топал ногой и восклицал: "Э пур си муова" (А все-таки вертится)" (письмо от 31 мая 1850 г.).

Поездка Коллара в Мекленбург имела и практическое значение. Великогерцогский двор, как писал Коллар 2 августа 1850 г., очень заинтересовался мифологическими сокровищами. Великая княгиня Елена Павловна (русского

происхождения) пригласила ученого в Доберан и представила ему субсидию на издание будущей книги. Коллар оставил Великой Княгине "подробный отчет о результатах работы над нашими богами". "Несколько дней назад, — писал он, — я уже получил и послание от Великой Княгини, что банкиру Мендельсону в Берлине поручено выплатить мне 2000 талеров в качестве вспомоществования на издание этого труда" (18 октября 1850 г.).

Получил он также поддержку и для публикации "Староиталии Славянской". "Сейчас как раз печатается и литографируется также моя Староиталия", — сообщал Коллар 11 ноября 1850 г. Уже из Вены.

Возвратившись из Германии, ученый с еще большей убежденностью в своей правоте стал пропагандировать ободристские памятники и ревностно взялся за их описание и составление нового сочинения. П. И. Шафарик 16 ноября 1850 г. извещал М. П. Погодина: "Колларовы итальянско-славянские фантазии печатаются с помощью Венской академии. Он читает лекции про ободристские древности — это новая сфера для фантазий, ибо грубые болванки Маша кажутся ему сплошь чистой монетой, на вес золота"¹⁴.

Подготовка сочинения об идолах требовала от Коллара большого и кропотливого труда: классификации и описания памятников и составления текста. "Мое сочинение об идолах, — сообщал он Гентцену, — будет состоять из трех частей. I часть: Историко-мифологическое введение; II часть — Сами божества и их культ; III — их история" (письмо от 27 ноября 1850 г.). В распоряжении Коллара было 200 предметов "древности". "Основное в работе над этими несравненными сокровищами, — полагал Коллар, — это представление истины, логико-космическая классификация богов, использование связей между ними и индейской, а также и (представляющейся все более важной) нордико-скандинавской мифологией" (там же). В связи с этим у исследователя возникало много трудностей. Используя для своего издания материалы Потоцкого и Маша, Коллар решил расположить "всех этих идолов и все эти древности" по своей системе, "представить и издать совершенно по-иному, освободить их от скорлупы бесполезной, затемняющей учености (как у Маша) и от суеверной легковесности и

поверхности (как у Потоцкого)" (письмо от 31 мая 1850 г.). В связи с этим Коллар переставлял и менял местами изображения предметов, по-разному прочитывал надписи и отдельные знаки, изменял толкование отдельных слов, изображений и т. п. Обо всем этом он сообщал Гентцену, организовывавшему литографирование снимков и работу над ними художников в Мекленбурге.

Сам Коллар работал над идолами день и ночь, считая, что "ответственность перед публикой и потомством велика" (27 ноября 1850 г.). 11 апреля 1851 г. он писал: "Работаю я с шести утра до позднего вечера, часто и весь вечер. Два писца уже несколько недель перебеляют мою рукопись. Я уже работаю более полугода и, конечно, мне придется, вероятно, потратить еще более полугода, прежде чем труд будет закончен". А 15 июля 1851 г. он сообщает: "У меня уже готовы 90 листов, что в печати составит приблизительно половину объема". Как впоследствии писала супруга Коллара, "ни один из прежних трудов столь его не вдохновлял и не захватывал, как этот" (письмо Фр. Коллар Гентцену из Вены 22 февраля 1852 г.).

Работа Коллара над изучением "богов Ретры" не была секретом для общественности. В газетах время от времени появлялись заметки на эту тему, в которых ставились под сомнение научные результаты колларовских изысканий. Коллар защищался. 18 июля 1851 г. он сообщил Гентцену текст заявления, которое послал в вечерний выпуск газеты "Винер Цайтунг". В заявлении говорится: "Ряд газет внутри страны и за ее пределами напечатали извещение, что г. Лиш, архиварий в Шверине, предпринял путешествие в Вену и здесь 25 июня на одном из заседаний историко-филологического отдела Имп. Академии сделал доклад, в котором оспаривал подлинность Ретранских идолов, чтобы заранее представить публике мои занятия этим важным сокровищем как ничтожные или даже смешные. Справедливее и честнее было бы, видимо, если бы г. Лиш сначала спокойно дождался предстоящей публикации результатов моих исследований и лишь после этого выносил бы им приговор, тем более, что он (а это в данном случае наиболее важно) не владеет ни вендскими рунами, ни славянским языком. ... Господин Лиш уже долго и много говорил

и писал об этом предмете; никто не заподозрил его в пристрастности и не мешал ему в свободном научном исследовании; а что позволено одному, то разрешается и другому. Пусть же беспристрастные знатоки решат вопрос, выслушав обе стороны".

Но не только великогерцогскийmekленбургский архиварий д-р Лиш выступал против колларовских заключений. Тот же Гентцен не верил в успех того, чему так усердно помогал. Фридерики Коллар 27 марта 1852 г. писала Гентцену: "Вы, кажется, питаете мало доверия к труду (Коллара. - Л. Л.). Я не могу этому надивиться, поскольку Вы ведь имели возможность близко познакомиться с моим мужем, с высотой и глубиной его науки. Или Вас сбивают с толку слухи, распускаемые учеными?".

Одним из немногих ученых, проявивших доверие к работе Коллара, был И. И. Срезневский. В 1851 г. в журнале Министерства Народного Просвещения он опубликовал статью "Новое сочинение Яна Коллара *Die Götter von Retta*", где вполне сочувственно отзывался об этой работе и рекомендовал ее публике, кратко изложив словами самого Коллара ее содержание. Суть этого изложения такова: "Божества сии делятся на два порядка и на два периода. Идолы без одежды суть древнейшие; они принесены из теплой Азии и Индии, где нет нужды в одежде; полуодетые идолы принадлежат к тому времени, когда славяне шли с востока в более прохладную Европу и нуждались кое в какой одежде; совершенно одетые идолы и - заметьте - одетые совершенно по чехо-славянски, относятся к тому времени, когда наши праотцы жили уже в холодных северных краях; эти последние - моложе и новее прочих и сделаны перед принятием христианской веры. На некоторых идолах надписи двух родов: на одной стороне по-славянски, а на другой - по-немецки. Эти надписи служат неоспоримым доказательством, что оба народа - славяне и немцы - жили в мире и союзе, и, что важнее, поклонялись одним и тем же богам, в одних и тех же храмах, что, следовательно, несчастные международные усобицы начались у них уже позже, вследствие насильного введения христианства"¹⁵.

Таким образом, наш знаменитый славист без критики

принимал очевидные уже для первой половины XIX в. фантазии и не был на высоте современной ему науки в области славянских древностей. Ошибался И. И. Срезневский и в том, что сочинение Коллара якобы "начало печататься и появится в свет в 1852 году" (там же, с. 95). Работа венского профессора вообще не была закончена — этому помешала смерть Коллара, последовавшая 24 января 1852 г. Среди писем, адресованных Гентцену, имеется и сообщение Л. Кунце, племянника Фридерики Коллар, где подробно описаны болезнь и смерть, а также похороны Яна Коллара. Сведения небезынтересны для биографов ученого (письмо Л. Кунце Гентцену датировано 1 февраля 1852 г.). О состоянии оставленной Колларом работы имеется информация в письме опекуна и адвоката семьи Коллара — Д. Дворачка, отправленном Гентцену 10 марта 1852 г. Здесь сказано: "Относительно рукописи "Ретра" должен Вам сообщить откровенно, что она в отношении сбора материала завершена, но вовсе не упорядочена для печати, и потребуется много усердия, чтобы довести исходный материал до совершенства".

Дальнейшая судьба рукописи Коллара "Боги Ретры" в литературе уже описана¹⁶. Вдова Коллара продала рукопись Гентцену, который, вероятно, предоставил ее в распоряжение Великой Княгини Елены Павловны, а от нее, очевидно, работа попала впоследствии в петербургский архив.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ormis J. V. Bibliografia Jána Kollára. Bratislava, 1954.
2. ЦГИР. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 58. Дальнейшие ссылки — на это же дело.
3. Об этом свидетельствует письмо от 31 мая 1850 г.
4. Сиротинин А. Россия и славяне. СПб., 1913. С. 223.
5. См., напр.: Лаптева Л. П. Ян Коллар в русской дореволюционной литературе // Развитие капитализма и национальное движение в славянских странах. М., 1970. С. 291–309; Она же. Ruská literatúra v 19. a na začiatku 20. stor. o Jánovi Kollárovi // Zborník filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Historica. Roč. XII. Bratislava, 1968. S. 67–103.
6. Журнальное издание: Kollár J. Staroitalia slavjanská // Časopis Českého Musea. 1848. Sv. 1. S. 619–630. В 1853 г. в Вене эта работа вышла отдельной книгой с приложенными к ней таблицами.
7. См. примеч. к письму П. Й. Шафарика М. П. Погодину от 4 июля

- 1836 г.: Koreespondence Pavla Josefa Šafaříka. Vyd. V. A. Francev. Časť II. V Praze, 1928 (далее – КС II). S. 516.
8. КС II. S. 524.
 9. Шафарик – Погодину 4 июля 1836 г. // КС II. S. 516.
 10. КС II. S. 107–109.
 11. Там же. С. 110–111.
 12. Tibenský J., Bokesová-Uherová M. Príekopníci slovenskej kultúry. Bratislava, 1975. S. 155.
 13. Коллар – Гентцену, 15 апреля 1850 г.
 14. КС II. S. 733.
 15. Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. LXX. 1851. Отд. II. С. 97–98.
 16. См., напр.: Рокина Г. В. Неопубликованная рукопись Яна Коллара Die Götter von Retra // Советское славяноведение. 1991. № 2. С. 103–106.

ИДЕЯ СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ В РОССИИ

В политике европейских государств и России XIX в. значительное место занимала идея славянской взаимности. Ее место и роль менялись на разных этапах, принимая окраску или культурно-просветительского, или политического явления. В развитии славянской взаимности XIX в. условно можно выделить два периода, где основным рубежом была Крымская война. Этот рубеж обозначал превращение невинной в политическом смысле идеи культурного сближения славянских народов в "пугало панславизма". Первый период был связан с культурно-просветительским характером славянского сближения, главным образом, для России, где о славянах в начале века знали сравнительно мало, где только в 30-е годы идет складывание славяноведения как науки. Во втором периоде идея славянской взаимности помимо своего культурно-просветительского значения все более проявляется в политике. Российские ученые-слависты и государственные деятели подготовили почву для превращения ее в официальную доктрину, в которой славяне рассматриваются не только как братья по языку и культуре, но и как возможные союзники во внешнеполитической деятельности России.

Характер развития идеи славянской взаимности в России в первой половине XIX в. связан, на наш взгляд, с тремя аспектами: первый – в национальном возрождении славян Австрийской империи, откуда в основном черпались славянские идеи, в начале XIX в. на первый план был выдвинут культурно-языковой вопрос, от решения которого в то время зависело во многом дальнейшее существование наций; второй аспект – политическая конъюнктура в самой России складывалась так, что правительство было связано обязательствами с Австрией и Германией и не могло активно поддерживать славянские движения, проявляя к ним какой-либо интерес, кроме культурного; и третий аспект – сама форма теоретического оформления идеи славянской взаимности, в которой она была воспринята в Рос-

ции, ее романтический характер давали возможность для различных толкований ее основных положений. Автором этой теории был словацкий евангелический священник, поэт, ученый Ян Коллар (1793–1852).

Проблема "Коллар и Россия" имеет под собой реальную почву, хотя словацкий деятель так никогда и не был в России. Сочинения Коллара оказали заметное влияние на формирование взглядов первых русских славистов, их личные контакты, переписка, сотрудничество во многом определили романтический характер начального этапа развития русского славяноведения. Видные государственные деятели нередко ссылались на имя Коллара, подтверждая свои политические убеждения и теории. В России впервые была предпринята попытка практического воплощения основных положений теории Коллара о литературном сближении славян.

При разработке данной проблемы автором была использована обширная литература о Колларе, а также материалы российских, чешских и словацких архивов, многие из которых впервые были введены в научный оборот¹.

Впервые имя Яна Коллара в России стало известно благодаря издательской и редакторской деятельности П. И. Кеппена. Его путешествие к заграничным славянам можно считать первой научной поездкой, задолго до научных командировок первых русских славистов. Кеппен был первым из русских, кто установил личные контакты со знаменитым автором "Дочери Славы" и на практике воплотил одно из основных положений теории славянской взаимности². Сохранились "Путевые записки" русского ученого, по которым можно установить, что Кеппен познакомился с Колларом 27 мая 1822 г. в Пеште³. В то время Кеппен проявлял большой интерес к словацкому языку, изучал его различные диалекты. Встречи с Колларом, а их было несколько, как свидетельствуют путевые записки, во многом способствовали умножению знаний русского ученого. В дальнейшем вопросы особенностей словацкого наречия стали предметом переписки обоих ученых⁴. Именно Кеппену Коллар послал свою поэму "Дочь Славы", объясняя это в письме к нему следующим образом: "... Это не только является пустым тщеславием с моей стороны и со стороны

моих друзей, желанию которых я уступил, так как они способствовали публикации этого произведения, – это только наша сокровенная потребность внести малую лепту в литературное объединение славян... Я и некоторые слависты желаю способствовать литературной взаимности среди всех славянских наречий.” В июле 1836 г. Коллар посыпает Кеппену и другое свое сочинение, где уже более полно разработаны основные положения его теории литературного объединения славян – трактат “О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими”⁶. Русский ученый приложил немало усилий, чтобы поэма Коллара была по достоинству оценена российской императорской академией; русский перевод трактата Коллара был опубликован в журнале “Отечественные записки”.

После возвращения из заграничного путешествия Кеппен организовал в Петербурге первое в России библиографическое издание – “Библиографические листы”, где наряду с другими славянскими сочинениями пропагандировал и творчество Коллара.

Через десять лет после посещения Кеппеном славянских земель свое знаменитое путешествие препринимает профессор Московского университета М. П. Погодин. Занимаясь русской историей, Погодин живо интересовался вопросами славянской истории. Всего он совершил четыре путешествия в славянские земли (1835, 1839, 1842, 1846). Как свидетельствуют источники, Погодин лично познакомился с Колларом во время своего второго путешествия, весной 1839 г. С этого времени между учеными завязывается переписка. Сам Погодин писал о своих впечатлениях тогдашнему министру народного просвещения графу С. Уварову: “... Влияние их (Коллара и Шафарика. – Г. Р.) во всех славянских странах бесконечное. Все славянские языки и литературы как бы ожили, проснулись от долговременного тяжелого сна прикосновением и волшебного жезла...”⁷ Далее, сообщая о тяжелом положении славян в Австрии, Погодин отмечает: “... Дикая грубость и жестокость их непосредственных угнетателей, венгерцев, вместе со стихотворениями их барда Коляра, возбудили новое поколение до неимоверности.” Отмечая возможность того, что австрийские славяне могут стать союзниками России в

их политической борьбе, Погодин предлагает русскому правительству всячески поддерживать их, в первую очередь материально. По мнению Погодина, "протестантский проповедник Коляр, первый двигатель славянской приверженности к России, имеет полное право на содействие его ученым трудам". Погодин даже называет сумму пособия тем австрийским славянам, кто бы мог в дальнейшем содействовать распространению славянской взаимности – "25 тыс. руб. ас. ежегодного пособия удолетворили бы оныя с избытком; 10 тыс. отчасти". В письме министру о путешествии 1842 г. Погодин еще более настойчиво пишет о необходимости материальной поддержки австрийских славян: "Теперь могу сказать, что эту помошь считаю необходимою, если Россия не решилась оставить славян совершенно на произвол судьбы и европейских интересов. Я берусь доставить ее еще более тайно, нежели англичане доставляют порох черкесам или пруссаки запрещенные книги полякам. Большую часть этой помощи можно даже делать публично, от имени Российской академии и исторических обществ..."⁸

Оба письма Погодина к министру были представлены императору Николаю I. На докладной записке Уварова от 23 февраля 1840 г., содержащей письма Погодина, сохранились пометы, сделанные рукой императора: "Очень любопытно, но требует большой осторожности. 2 тысячи серебром выдать можно."⁹

Таким образом, именно благодаря ходатайству Погодина, была оказана материальная поддержка многим славянским патриотам, в том числе и Коллару. Письма Коллара к Погодину содержат сведения о том, что словацкий ученый получал деньги из России¹⁰. Благодаря российской протекции публиковались многие сочинения словацкого ученого, наибольший интерес в этом плане представляет история по подготовке к изданию (таки не состоявшемуся) последнего сочинения Коллара "Боги Ретры"¹¹. После смерти Коллара в 1852 г. его вдова получала денежное пособие от Погодина¹².

В период ожесточения мадьяризации в Пеште, где Коллар работал проповедником словацкой евангелической общины, Погодин из Москвы пытается помочь ему.

Через другого русского ученого О. М. Бодянского Коллар сообщает в Москву о грозящей ему опасности расправы со стороны мадьяр и просит помочи в переезде в Россию. При поддержке Погодина и Уварова такой переезд был подготовлен¹³. Однако словацкий ученый переменил планы, о чем он писал Погодину: "Если я покину Пешт, особенно при нынешнем настроении и раздражении умов, то враги мои в мое отсутствие разрушат все, что было собрано и сохранено за столь долгие годы и со столь великими страданиями, а именно славянскую школу и общину."¹⁴

Таким образом, поездка Коллара в Россию не состоялась, хотя словацкий деятель всегда стремился побывать здесь. Еще в 1824 г. он писал Кеппену: "Если Бог даст мне жизни и здоровья, то я намереваюсь совершить путешествие в Польшу и Россию, чтобы лично увидеть наших сородичей."¹⁵

Поездки Кеппена и Погодина в славянские земли способствовали установлению первых контактов Коллара с Россией, благодаря им русские читатели впервые узнали о сочинениях словацкого поэта и ученого. Именно Кеппен и Погодин стали первыми пропагандистами идей Коллара в России.

После учреждения кафедр истории и литературы славянских наречий в российских университетах (1835 г.) министерство народного просвещения решило направить за границу для изучения языка, литературы и истории южных и западных славян кандидатов для занятия этих кафедр. Среди первых кандидатов был О. М. Бодянский, П. И. Прейс, И. И. Срезневский, В. И. Григорович.

Как известно, проект создания таких кафедр возник в России в конце 20-х гг. XIX в. и для занятия их предполагалось пригласить чешских ученых – П. Й. Шафарика, В. Ганку и Ф. Челако¹⁶ского. Проект не был осуществлен, однако интересно отношение Коллара к приглашению в Россию Шафарика. Шафарик после долгих раздумий решил не принимать приглашения российского министерства народного просвещения. Об этом он писал одному из своих коллег: "Коллар меня просто навсегда проклянет, если я не поеду: он считает меня миссионером, кем я на самом

деле не являюсь. Я чувствую и хорошо знаю, что не имею к этому призыва."¹⁷

Российские кандидаты на занятие кафедр в планах своих заграничных путешествий предусматривали встречи и консультации с ведущими представителями славянских наук и среди них – с Яном Колларом. Все из названных кандидатом действительно познакомились с Колларом, надолго сохранив научные и дружеские контакты. Об этом свидетельствует сохранившаяся фрагментарно корреспонденция ученых¹⁸.

Бодянский в 1837 г. защитил диссертацию "О народной поэзии славянских племен" и стал первым в России магистром славяноведения. Заметное место в диссертации Бодянского занимал материал из сочинения Коллара "Народные Песни". Рецензию на это издание словацкого ученого Бодянский опубликовал в 1835 г. в "Московском наблюдателе". Во время заграничного путешествия Бодянский встречался с Колларом в Пеште, и именно он ходатайствовал перед Погодиным о поддержке словацкого священника во время усиления мадьяризации.

С возвращением Бодянского из заграничной командировки в Московском университете начинается систематическое преподавание здесь славянских дисциплин¹⁹. Творчество Коллара занимало значительное место в лекционном курсе московского профессора. Студенческие работы учеников Бодянского посвящаются разбору сочинений словацкого поэта и ученого. Так, дипломная работа ученика Бодянского А. Гильфердинга связана с анализом поэмы Коллара "Дочь Славы"²⁰. А студенческая работа А. Фета, также слушавшего курс истории и литературы славянских наречий, называется – "Объяснение имени словянин по Шафарику и Коллару и собственное мое мнение по этому предмету"²¹.

В 1839–1842 гг. в заграничные командировки по славянским землям были направлены кандидаты на занятие новых кафедр в Петербургском и Харьковском университетах – П. И. Прейс и И. И. Срезневский. Общий план их путешествия был составлен в Московском университете О. М. Бодянским.

Встреча Коллара с Прейсом и Срезневским произошла в

Загребе, куда в августе 1841 г. приехали русские ученые. Коллар заезжал в Загреб по пути в Италию (кстати, деньги на путешествие в Италию были им получены от Погодина)²². О своих впечатлениях от встречи Срезневский писал: "Превосходный человек, фанатик в любви" к Славянству и кроток, прост в обхождении, как послушное дитя. Увидя его, нельзя не полюбить."²³

Срезневский был знаком с творчеством Коллара еще до поездки в земли австрийских славян. В 1832 г. он издал сборник "Словацкие песни"; во времена командировок он собирал материал для словарей, где одну десятую часть всех материалов составили выписки из сборника Коллара "Народные песни"²⁴. В 40-е годы Срезневский горячо ратует за развитие и признание самостоятельности и независимости каждого славянского языка, в том числе украинского и словацкого²⁵. Пожалуй, среди первых русских славистов Срезневский наибольшее внимание уделял Словакии.

Ни с одним из русских славистов Коллара не связывали столь дружеские отношения, какие сложились у него с Срезневским. Об этом свидетельствуют и письма Коллара в Россию, и постоянное внимание русского слависта к творчеству и имени словацкого поэта²⁶.

В русской периодической печати 20-50-х годов XIX в. насчитывается около 40 рецензий на труды Коллара, большая часть из них принадлежит перу Срезневского²⁷. Русский ученый после возвращения из заграницной командировки некоторое время работал в Харькове, а затем преподавал славянские дисциплины в Петербургском университете. В своей преподавательской деятельности он постоянно пропагандировал идеи Коллара, в которые сам искренне верил. В одной из лекций он говорил: "Коллар – истинный поэт, начитанный ученый... сильно действовал на других и сочинением и живым словом, и перепиской, не молчал ни перед кем, и презирая всеми опасностями, которыми угрожали его преследователи, всеми низкими обвинениями, которых ядом хотели бы и теперь отравить его добродетельную жизнь."²⁸ Лекции его имели большой успех и об этом свидетельствуют воспоминания его слушателей. Так, сохранились мемуары одного из учеников Срезневского в Харьковском университете Де-Пуле: "И. И. Срез-

невский открыл чтение славянских наречий... Успех был громадный! Новость предмета, живость изложения, то восторженного и приправленного цитатами из Коляра, Пушкина и Мицкевича, то строго-критического, не лишенного юмора и иронии, все это действовало на учащуюся молодежь самым возбужденным образом.”²⁹

Менее всего сохранилось сведений о контактах Коллара с П. Прейсом и В. Григоровичем. Однако, переписка Коллара с русскими коллегами содержит материал о его встречах с обоими учеными и общности их научных интересов. Так, в 1842 г., узнав о намерении Прейса и Срезневского издавать общеславянский журнал, Коллар пишет Срезневскому: “Ваше намерение издавать “Новости словесности русской и инославянской” я могу лишь одобрить. Кто – кто, а вы с г. Прейсом вполне для этого подходите, ведь вы располагаете множеством прекрасных материалов благодаря вашему путешествию.”³⁰

Таким образом, все ученые, стоявшие у истоков российского славяноведения, в той или иной степени находились под влиянием идей и творчества Коллара, хорошо знали его сочинения, были лично с ним знакомы. Все они во многом усвоили романтические взгляды Коллара и других славянских будителей, восприняли идею славянского единства, сформулированную в трудах Коллара “Дочь Славы” и “О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими”.

Кроме русских славистов во время заграничных путешествий Коллара посещали Н. В. Гоголь³¹, публицист и крупный предприниматель В. Ф. Чижов. Последний сохранил свои дневники о путешествиях, где имеются интересные сведения об их беседах при встрече. Так, Коллар уговаривал В. Чижова быть “проповедником терпимости и безразличия религий”, на что последний возражал, заявляя, что такая проповедь в России будет “мертвым звуком”³².

Идея славянской взаимности Коллара включала несколько положений, одним из которых было издание общеславянского журнала на четырех славянских наречиях. Именно в России впервые была предпринята попытка такого издания. Ее инициатором был апологет идей Коллара варшавский учитель гимназии, а позже член Российской

академии П. П. Дубровский. В 1842–1843 гг. он предпринял попытку издания журнала "Денница" в Варшаве на двух языках – русском и польском, предполагая впоследствии издание на четырех наречиях. По поводу своего издания русский ученый писал в Прагу: "Цель этого журнала способствовать литературной взаимности, о которой писал Коллар."³³ В свое издание П. Дубровский привлек ведущих славянских деятелей – В. Ганку, С. Враза, Я. Пуркине, В. Мачеевского, П. Шафарика и Я. Коллара. Необходимо заметить, что "Денница" Дубровского была основана при прямой поддержке министерства народного просвещения, большую поддержку этому изданию оказывали М. Погодин и С. П. Шевырев³⁴.

Коллар писал издателю "Денницы": "Без сомнения, никто так, как я, душевно не радовался Вашему журналу, имеющему цель – взаимность."³⁵ К сожалению, эта радость была преждевременной. Журнал не нашел поддержки у читателей и вскоре был закрыт из-за недостатка финансовых средств. История "Денницы" во многом подтверждает безразличие широкой общественности к славянским проблемам, более важным для узких кругов ученых-славистов³⁶.

Последние прижизненные сведения о Колларе в Россию сообщил Н. Ригельман, путешествующий по Австрийской империи в 1845 г. В "Московском литературном и ученым сборнике", издаваемом славянофилами, он писал: "Коллар относится к числу тех мужей, которые постигли умом и сердцем, что пришло время для славян напомнить Европе о своем существовании, и отдали всю свою жизнь служению этой мысли"³⁷. В дальнейшем учение Коллара во многом найдет поддержку в славянофильских кругах.

Знаменателен, на наш взгляд, и тот факт, что последнее сочинение Коллара, "Боги Петры", не нашедшее поддержки в ученых кругах европейских славистов, готовилось к изданию при поддержке русской великой княгини Елены Павловны. Она также внесла немалую сумму на издание другого труда Коллара – "Старо-Италия", поддержанного также российским министерством народного просвещения³⁸.

Как свидетельствуют источники, идеи Коллара при его

жизни находили широкую поддержку в ученых кругах России, и в первую очередь у первых русских славистов, имевших во многом профессиональный интерес к творчеству словацкого деятеля. Значительную поддержку Коллару оказывали и представители официальных кругов России, помогавшие ему издавать свои сочинения, собирать подписчиков в России. В дальнейшем идеи Коллара найдут свое развитие в славянофильских и панславистских концепциях, чьему будут способствовать новые исторические условия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. По данной проблеме автором статьи защищена диссертация на соиск. степени канд. истор. наук в 1987 г. "Деятель словацкого национального возрождения Ян Коллар и его связи с Россией".
2. Подробно см. Потепалов С. П. О роли П. И. Кеппена в истории русско-славянских культурных связей // Вопросы славянского языкознания. 1962. С. 177.
3. Архив Санкт-Петербургского отд. Российской Академии наук, ф. 30, оп. 1, е. х. 137.
4. Сохранились два письма Коллара к Кеппену, опубликованные Л. С. Кишкиным в "Славянском архиве" (1961), и одно письмо Кеппена к Коллару, опубликованное В. А. Францевым в 1904 г. в "Časopis Českého Muzea", № 78.
5. Письмо Коллара к Кеппену от 20 сентября 1824 г. // Славянский архив, 1961, с. 80.
6. Об этом свидетельствует фрагмент письма Коллара к Кеппену, при водимый словенским исследователем М. Мурко: Murko M. Kollárova vzájemnost' slovanská // Ján Kollár: Sborník statí. Vlčeděl, 1893. S. 201–232.
7. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 1108, оп. 2, е. х. 1, л. 25.
8. Там же, л. 86 об.
9. Там же, ф. 735, оп. 2, е. х. 127.
10. См. об этом подробно: Письма к Погодину из славянских земель, 1880.
11. См. Roklinová G. Neznámy rukopis diela J. Kollára // Historický časopis. Bratislava, 1986, с. 6, с. 907–914.
12. Письма Ф. Коллара в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки – Пог./П, е. х. 40, 47; всего три письма.
13. См. письмо В. Д. Комовского к М. П. Погодину от 2 апреля 1839 г. // ОР РГБ, ф. Пог./П, е. х. 16, 41.
14. Письмо Коллара к Погодину от 8 мая 1839 г. // Письма к Погодину из славянских земель. С. 461–462.
15. Письмо Коллара к Кеппену от 20 сентября 1824 г. // Славянский архив, 1961. С. 82.
16. Кочубинский А. А. Начальные годы русского славяноведения.

- Одесса, 1887–1888.
17. Dopis P. Šafářka F. Palackému 6.V.1830 // Korespondence P. J. Šafářka s Fr. Palackým. # Praha, 1961. S. 81.
 18. См. Рокина Г. В. Корреспонденция Яна Коллара как источник по истории русско-словацких связей // Общественные движения и политическая борьба в странах Европы и Америки в новое и новейшее время. М., 1985. С. 84–99.
 19. См. Лаптева Л. П. Преподавание славистических дисциплин в Московском университете // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 36.
 20. Отдел рукописей РГБ, ф. 178, е. х. 3002.
 21. См. Мыльников А. С. А. Фет о происхождении имени славян // Славянские литературные связи. Л., 1968. С. 265–275.
 22. Францев В. А. Коллар и русские ученые в Загребе // Сборник Русского института в Праге, 1929.
 23. Срезневский И. Путевые письма // Живая старина, вып. I, 1893. С. 242.
 24. Досталь М. Ю. Срезневский как славист // Советское славяноведение, 1980, № 3. С. 93.
 25. Кондрашов Н. А. Словацкие материалы в архиве И. И. Срезневского // Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1959.
 26. См. Рокина Г. В. Русско-словацкие научные контакты в первой половине XIX в.: Коллар и Срезневский // Социально-политические и культурные процессы в странах Европы и Америки в средние века и новое время. Йошкар-Ола, 1991.
 27. См. Рокина Г. В. Ян Коллар в русской периодической печати 20–50-х годов XIX в. (МГУ им. М. Ломоносова. М., 1985. 60 с. Рукопись депонирована в ИИОН АН СССР № 21291 от 25.06.85).
 28. Журнал министерства народного просвещения, 1893.
 29. М. Де-Пуле. Харьковский университет и Д. И. Каченовский // Вестник Европы, 1871. С. 105.
 30. Письмо Коллара к И. Срезневскому от 15 апреля 1842 г. // ЦГАЛИ, ф. 436, оп. I, е. х. 1477.
 31. См. об этом подробно: Доланский Ю. Гоголь и чехословацкая культура // Славяне, 1952, № 3. С. 5–6; Францев В. А. Гоголь в чешской литературе. СПб., 1902.
 32. Козьменко В. Дневник В. Ф. Чижова "Путешествие по славянским землям" как источник // Славянский архив. М., 1958. С. 252.
 33. Францев В. А. Письма к Ганке из славянских земель. Варшава, 1905. С. 299.
 34. Материалы по изданию и подписке на "Денициу" хранятся в РГИА, ф. 733, оп. 77, е. х. 108.
 35. Деницица, 1843. С. 70.
 36. Автором подготовлена и сдана в печать статья "П. П. Дубровский и общеславянское издание "Деницица".
 37. Московский литературный и ученый сборник на 1847 г. С. 244.
 38. Материалы о подписке российских учебных заведений на труд Коллара "Старо-Италия славянская" хранятся в РГИА, ф. 735, оп. I, е. х. 14.

ЯН КОЛЛАР И РАННИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ (40–50-е гг. XIX в.)

Имя Яна Коллара – прославленного поэта и выдающегося деятеля чешского и словацкого национального возрождения – было достаточно известно в среде русских славянофилов¹. И это неудивительно. Они были современниками, в образе его мыслей и деятельности в пользу славянства не могли не чувствовать нечто родственное, несмотря на разделяющие их пространства и условия жизни.

Типологическая близость русских славянофилов и Яна Коллара определялась их национально-романтическим умонастроением, общими источниками формирования мировоззрения, сложившегося во многом под влиянием немецкой классической философии и, в частности, Гегеля. От последнего они восприняли общую схему развития человеческой цивилизации по пути постоянного прогресса. "Согласно с Гегелем, – писал А. А. Кизеветтер, – они смотрели на этот процесс, как на процесс одноколейный, вытягивающийся в одну нить, в том смысле, что последняя смена на авансцене истории человечества то тех, то других народов последовательно раскрывают для всего человечества отдельные элементы мирового разума через диалектическую смену противоположностей". Однако в отличие от Гегеля и Коллар, и славянофилы считали, что не романо-германскому, а славянскому миру, "предназначено Прорицанием выразить в основах своей культуры вечную истину мирового разума, во всей ее полноте и совершенстве"². Но в отношении того, что именно должны принести славяне в сокровищницу мировой цивилизации, между Колларом и славянофилами наблюдались существенные разногласия, о чем будет сказано ниже.

Общими были и цели их общественной деятельности, отвечающей потребностям эпохи формирования наций, – содействие пробуждению национального и славянского самосознания.

Русских славянофилов в той или иной степени привле-

кали разные стороны богатой творческой деятельности Я. Коллара:

- 1) Коллар – поэт;
- 2) Коллар – ученый;
- 3) Коллар – публицист, общественный деятель, "певец" славянской взаимности.

Скажем сразу, что художественные достоинства поэтических творений Я. Коллара и прежде всего его лиро-эпической поэмы "Дочь Славы" славянофилов не занимали. Но их не могло не привлекать ее идеяns з содержание, ведь в ней предсказывается грядущее величие славянского мира. А. Н. Пыгин называл поэму "панславистским произведением о литературной взаимности"³. По поводу поэмы "Дочь Славы" близкий к славянофилам ученый А. Ф. Гильфердинг писал: "Понятно, почему именно среди венгерских славян зародилась идея панславизма: для них всего осязательнее была их разрозненность и слабость, которая от того происходила, и потому всего ощущимее потребность союза и нравственного единения"⁴.

Нельзя не упомянуть и об идеальной близости поэтических сочинений Я. Коллара и одного из идеологов русского славянофильства А. С. Хомякова, о чем подробно писал в свое время А. Н. Сиротинин⁵. Не случаен поэтому отзыв современника о литературных вкусах Коллара, что "он Пушкину предпочитает Хомякова, потому что он написал бедные стишки, взывающие к общему союзу!.." (вероятно, имелось в виду известное стихотворение А. С. Хомякова "Орел", 1833.– М. Д.)⁶.

Что касается научных сочинений Я. Коллара, то отношение к ним в среде славянофилов было разным. Блестяще образованный, но дилетант в славяноведении, А. С. Хомяков несомненно знакомился с работами Я. Коллара в процессе своей работы над "Записками о всемирной истории". Ему импонировали идеи Коллара о том, что славяне в древности заселяли огромные пространства Германии, Италии, Греции и пр., предшествуя современным народам, поселившимся на этих территориях⁷. Позднее редакция "Русской беседы" сочла возможным опубликовать весьма критическое суждение о научных трудах Я. Коллара, распространенное в среде его западнославянских коллег: "О

филологических трудах Коллара лучше умолчать, потому что в них больше вымыслов и фантазии, чем исследований, даже самых поверхностных. Своим последним сочинением "Старо-Италия славянская" он нанес значительный ущерб своему имени⁸.

Наибольший интерес, естественно, вызывали у русских славянофилов публицистические сочинения Я. Коллара, которые появились в момент, когда они сами пытались сформулировать свою общественно-политическую программу, предназначеннную дать ответ, по какому пути – западноевропейскому или русскому традиционному – должна идти Россия.

Известный трактат Я. Коллара "О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими" впервые был опубликован на чешском языке в журнале "Гронка" (1836), в том же году – на сербском, а год спустя отдельной брошюрой издан на немецком языке⁹. Уже в 1840 году его русский перевод, по мнению Л. П. Лаптевой, "несколько сокращенный и не очень точный", выполненный М. П. Погодиным и Ю. Ф. Самариним, появился на страницах журнала "Отечественные записки" (1840, т. 8). Этот факт сам по себе свидетельствовал о том, что ранние славянофилы придавали важное значение программе славянской взаимности, изложенной в трактате. Она включала в себя: 1) организацию книжных лавок во всех славянских столицах; 2) обмен книгами, газетами и журналами между славянскими писателями и учеными; 3) учреждение кафедр "славянских наречий" в средних и высших школах; 4) издание общеславянского литературного журнала "на всех наречиях"; 5) организацию публичных и частных славянских библиотек; 6) "изыскание и издание народных песен, пословиц и поговорок"; 7) "постепенное присвоение чужих слов и оборотов, на которых лежит печать одной народности, принятие оборотов чисто славянских, и, вследствие этого, условное приближение к идеалу языка всеславянского"; 9) "однообразное, философское, на духе славянского языка основанное правописание, в употреблении которого согласились бы все славяне"¹⁰.

Следует отметить, что попытку практической реализации отдельных положений колларовской программы в 40-е

годы взяли на себя не столько славянофилы, сколько первые университетские преподаватели славяноведения в России: О. М. Бодянский, И. И. Срезневский и В. И. Григорович, существенную помощь в их предприятиях оказывал им М. П. Погодин¹¹. Ранние славянофилы и близкие к ним ученые развернули активную деятельность в этом направлении, существенно ее расширив и дополнив, с 60-х годов, в пору организации славянских благотворительных комитетов¹².

Разумеется, что общее сочувствие к идеи славянской взаимности, изложенной в трактате Я. Коллара, не может скрыть от нас те существенные отличия, которые наблюдаются в решении отдельных вопросов славянской идеологии у Коллара и славянофилов. И это понятно. Ведь трактат Коллара был написан с позиций представителя малой славянской нации, боровшейся тогда за свое национальное освобождение под угрозой мадьяризации, онемечивания и пр. При этом борьба за национальность во всех ее проявлениях (язык, литература, история, самосознание и пр.) составляли ее главное содержание, а религиозные вопросы, по крайней мере, в менталитете чехов и словаков в то время были как бы отодвинуты на задний план. Славянофилы же представляли собой великую нацию, сложившуюся в рамках независимого, мощного, европейски значимого государства – Российской империи. Вопросы национальной независимости для русских славянофилов тогда не были существенны, они понимали их как данность, зато проблема православия как одного из "начал", способных объединить вокруг себя славянские народы, постепенно становилась краеугольным камнем развивающей ими доктрины.

Характерен в этом плане эпизод встречи с Я. Колларом в Пеште 11 марта 1843 года близкого к славянофилам выпускника московского университета В. А. Панова, совершившего в те годы путешествие по славянским землям¹³. Ему было странно слышать от Коллара мысли, изложенные им ранее в трактате, что многочисленное славянское племя из-за междуусобий "менее всех имело значение в человечестве, не выразило никакой мысли, не развило ни искусства, ни наук"¹⁴. При этом: "его слова раздавались громом; его маленькая фигура, впрочем незначительная,

принимала грозно-величественную позу, – он был одушевлен негодованием”¹⁵.

Естественно, что В. А. Панов не мог согласиться с этим положением “певца славянской взаимности” в отношении к России, так как “она уже показала свое влияние и имела беспрерывную всемирно значительную историю”¹⁶. По мнению Панова, “Коллар слишком ограничивается своею настоящею точкою зрения: он не умеет различать времени и не умеет отдавать каждому племени славянскому его достоинство. Я думаю, что причина, почему его книга о литературной взаимности славян, напечатанная еще в 1837 г., но которую я еще читал в России, так мало произвела у нас влияния. Я помню, что я был ею недоволен, когда ее прочел, и она нисколько во мне тогда не возбудила чувства взаимности. И в самом деле: мы имеем свою самобытность, свою литературу, и когда от нас станут требовать, чтобы мы отреклись от своей особенной национальности, чтобы принять общую с другими малыми племенами, которые 50 лет тому назад себя почитали мертвыми.., тогда, разумеется, это требование вскоре возбудит в нас отвращение, нежели соучастие и взаимность”¹⁷.

Следует отметить, что Коллар в своем трактате не требовал отречения каждого отдельного славянского “племени” от своего языка и литературы. “Литературная взаимность, – писал он, – есть общее участие всех племен в умственных произведениях их народа; она предполагает чтение славянских книг, издаваемых на всех славянских наречиях. Всякое наречие должно черпать оттуда новую жизненную силу для собственного освежения, обогащения и образования; но не должно вступать в чужие границы точно также, как не пускать в свои: а сохранять собственную свободную область, наряду со всеми прочими” и “взаимным действием и соревнованием” содействовать “развитию общей народной литературы”¹⁸. Однако общий пафос трактата Коллара несомненно был направлен более на формирование славянского целого, общего литературно-научного союза, чем на развитие его отдельных частей, и потому критически воспринимался русскими славянофилами, солидаризировавшимися с представителями молодого поколения западнославянской интеллигенции.

"Прежде всего отдайте каждому свое, — писал В. А. Панов, — и тогда каждый будет готов с своею особенностью действовать в общем кругу, к которому он будет стремиться, и будет почитать за славу, за необходимость себя к нему причислять"¹⁹.

В таком подходе несомненно сказалось то обстоятельство, что славянофилы в своем мировоззрении представляли собой, в отличие от Коллара, как бы следующую ступень развития славянского национального самосознания, когда от вынужденного ощущением своей слабости всеславянства, не отрицая его, славянские идеологи нового поколения, например, Л. Штур, переходят к осознанию приоритета национально-особенного развития. Причем следует учитывать, что если в западнославянском менталитете, в силу угнетенного положения наций, необходимо было пройти эти две фазы развития национального самосознания (у словаков по сравнению с чехами этот путь был сложнее), то для русского менталитета такой необходимости не существовало. Национальное чувство здесь давно уже было отделено от "племенного" сознания, место которого заняла религия (православие), и потому В. А. Панов, Ф. В. Чижов, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков и др. славянофилы, активно знакомясь со славянским миром, приходили к убеждению о необходимости сближения с ним и как бы нового вредрения элементов славянской идеологии в русский менталитет. В. А. Панов выразил это так: "Теперь я познакомился с миром славянским и сделался ревностный приверженец его крепкого союза"²⁰.

Понятно, почему В. А. Панов "жарко спорил" с Я. Колларом, а когда встретился 16 марта 1843 г. в Братиславе с Л. Штуром, отметил, что "лучшего направления я не находил ни в ком из славян"²¹.

Здесь сразу же уместен вопрос об отношении славянофилов к так называемому "чешско-словацкому расколу". Известно, что Я. Коллар и П. Й. Шафарик были наиболее последовательными защитниками исторически сложившегося "чехословацкого языкового и литературного единства", при котором словаки, главным образом протестанты, употребляли в письменности чешский литературный язык. Однако Л. Штур со своими молодыми соратниками провел

в начале 40-х гг. XIX в. кодификацию словацкого литературного языка²², что и послужило основой для обвинения штуротовцев в измене общеславянскому единству и "расколе".

В. А. Панов однозначно выступал в поддержку реформы Л. Штура. В письме к И. И. Срезневскому от 1 февраля 1846 г. он писал: "Между прочим важно, что он (Ф. В. Чижов, вернувшийся из славянских земель. — М. Д.) мне говорил о Загребе и Пресбурге. Там Бразу, а здесь Штуру надобно бы непременно помочь в их литературных предприятиях. Вы знаете, как прекрасны эти оба человека, особенно для меня Штур; ибо я его больше знаю. Имеете ли Вы газету или журнал, который он издает? Чижов мне показывал только один лист. Если он у Вас есть, сообщите оттуда какие-нибудь известия"²³.

Позиция других славянофилов не была так однозначна. А. Ф. Гильфердинг в 1858 г. с высоты опыта развития славянофильской доктрины и дальнейших метаморфоз реформы Л. Штура²⁴, старался отдать должное тому и другому направлению словацкой идеологии. Они писали: "Коллар... сказал, что славянские народы составляют одну семью, что они должны давать друг другу нравственную опору, и что их литература и их учёные труды должны восполнять друг друга взаимным обменом мысли. Нужно предупредить излишнее разъединение славян в литературном отношении: ибо если бы каждое племя захотело иметь литературу на собственном своем языке, то произошел бы безвыходный хаос. Коллар подал пример самоотвержения..."²⁵ В то же время А. Ф. Гильфердинг старался объективно подойти к оценке реформы Л. Штура: "Словаки отторглись от чехов еще легче... Католическое духовенство давно уже стало употреблять народный язык для образования словаков, желая отклонить их от чтения протестантских чешских книг, весьма распространенных в Северной Венгрии. Коллар, протестантский пастор, напротив, проповедывал литературное единство с чехами. Но его преемники не захотели следовать его примеру. Штур, Годжа, Гурбан и др. протестантские писатели-словаки, сказали, что всякая славянская народность имеет право обрабатывать литературно свой собственный язык, что совершенно несправедливо

было бы предпочитать чужое, обедневшее и исполненное германизмов наречие своему родному, более богатому, звучному и свободному языку, что, наконец, для образования словацкого народа нужно говорить ему на его собственном языке. Буря нападок и браны поднялась против Штура и его сторонников, которых называли сеятелями распри и изменниками общему делу, несмотря на то, они остались при своих убеждениях и одержали победу. Они стали писать книги, поэмы, издавать газеты на простонародном наречии. Но положение их было весьма затруднительно. Независимо от борьбы с чехами и от сильных преследований, которым они подверглись со стороны мадьяр, они не были в состоянии соединиться между собою. "Из всей этой тирады А. Ф. Гильфердинг делал оптимистический и сочувственный штурковцам вывод: "Но я не сомневаюсь в том, что из этого хаоса выработались плодотворные начала"²⁶.

В вопросе, необходим ли славянам общий всеславянский литературный язык, славянофилы 40-х годов были солидарны с Я. Колларом, который писал: "Эта взаимность не состоит также в обобщении или насильтственном смешении всех славянских наречий в один главный язык, или одно литературное наречие, как об этом начинают мечтать некоторые славянисты"²⁷. Тенденция склонять общественное мнение к необходимости признания русского языка в качестве литературного общеславянского языка проявилась много позднее, прежде всего в трудах В. И. Ламанского²⁸.

Наконец, в связи в сопоставлением взглядов Я. Коллара и русских славянофилов уместен вопрос об их отношении к доктрине панславизма. Из трактата Я. Коллара однозначно следует, что пропагандируемая им идея славянской взаимности не имела под собой политического подтекста, а означала только духовное и нравственное единение славян, их взаимное сотрудничество в области культуры²⁹. "Взаимность, — писал он, — не состоит в политическом соединении всех славян; в каких-либо демагогических происках или революционных возмущениях против правительства и государей, откуда проис текают только замешательства и несчастия."³⁰

Русские славянофилы в общем поддерживали этот, по выражению А. Н. Пыпина, – "платонический панславизм" Я. Коллара. Им безусловно импонировала также и заявленная им лояльность по отношению к "мирным правительствам и государям", которую они старались проявлять в своей общественной деятельности, хотя и слыши в глаза царского окружения оппозиционерами³¹.

"Только на почве сродства идей, – писал А. А. Кизеветтер, – мыслили славянофилы 40-х годов объединение всего славянского мира и на такое объединение славянского мира они смотрели как на первую ступень восторжествования дорогих им идеалов во всей мировой культуре."³² Политическое объединение славян под эгидой России, в чем упрекали и Коллара и славянофилов в Европе, "подавило бы духовную независимость каждого племени в отдельности. Нет! Знаменем России должно быть, по нашему мнению, не панславизм, в смысле политическом, не централизация, но признание прав каждой народности на самобытное своеобразное существование, иначе: свободный союз независимых, отдельных славянских племен, которого и охранение естественно принадлежало бы России"³³.

Таково было безусловное кредо славянофилов в отношении идей политического панславизма, продолженное затем в публицистике И. С. Аксакова 60–70-х годов³⁴. Однако истины ради следует отметить и некоторые отступления от этой безусловно общей позиции, которые проявились в неопубликованной записке К. С. Аксакова "Россия и Запад", написанной 8 февраля 1854 г. в обстановке эйфории надежд на скорое освобождение православных славян, связанное с началом Крымской войны. "Близка перед нами, – писал он, – великая эпоха; одна из величайших во всемирной истории: это прочный союз всех славян, под верховным покровительством русского государя". К чести К. С. Аксакова надо однако признать, что это "покровительство" не означало включения славянских земель в состав Российской империи: "Это покровительство не затруднит нас, ибо мы не будем входить в домашний распорядок покровительствуемых народов, но только умножит наши силы и вместе с тем придаст нам нравственное средоточие всего славянского мира."³⁵

И в заключение о том, в чем, по представлению Я. Коллара и славянофилов, заключалась миссия славян в судьбах человечества. К решению этого вопроса каждая сторона подходила, исходя из общих принципов своей концепции. Коллар, как представитель западнославянского менталитета, на первый план выдвигал общеевропейские гуманистические начала образованности. "Славянам суждено, — писал Я. Коллар, — примирить мир древний с миром новым, воспринять в народную жизнь свою две разрозненные стихии образованности (греческую и романо-германскую. — М. Д.), и дальнейшим их развитием, во благо человечеству, основать новую эпоху; они послужат новым, живым средоточием при развитии нового, или лучше обновленной образованности человечества"³⁶. Русские славянофилы, не отрицая этого предназначения славян, относили к истинно общечеловеческим началам — православное христианство. Вот пример характерного рассуждения на эту тему: "Бесконечно разнообразные явления общественной жизни человечества определяются отношениями двух вечно совместных и соприкасающихся начал: прирожденной свободы всякого лица и общественного авторитета,лагающего границы этой свободе. Славянское племя издревле пыталось согласовать эти противоположные начала человеческой жизни не внешним, а внутренним образом — и это есть существенная особенность славянского духа и его бытовых проявлений... Романские и германские народы низвели вселенский строй церкви до уровня своих собственных начал ("папизма" и протестантизма. — М. Д.); славяне же не прикоснулись до вселенского строя церкви, а свободным избранием вступили в неё, ибо почуяли в нем осуществление, в духовной области, своего собственного общественного идеала"³⁷. Заветной мечтой ранних славянофилов было духовное объединение всего славянского мира, и шире — человечества на началах истинного православия.

* * *

В заключение заметим, что тема "Коллар и ранние славянофилы" обширна и многогранна и, разумеется, не ис-

черпывается в данной работе. Считаем перспективным направлением исследований продолжение сопоставительного анализа мировоззрения Я. Коллара как одного из идеологов раннего западно-славянского возрождения и русских славянофилов как разновидности русского менталитета, не только по линии понимания ими идеи славянской взаимности, подхода к проблеме противоположности "миров" в европейской цивилизации и пр., о чем здесь же упоминалось, но и в плане проникновения в специфику доктрины Коллара, с одной стороны, и славянофилов, с другой. В частности, необходимо поразмышлять над проблемами их отношения к религии, народности, государственному устройству, а также подхода к глубинным философским проблемам: сущности гуманизма, соотношения свободы личности и коллективных начал, целей Божественного промысла и пр. Все это могло бы открыть новый ракурс в исследованиях проблем славянской идеологии XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К ранним славянофилам мы относим не только общеизвестных членов московского кружка: Аксаковых, Киреевских, Хомякова, Самарина, но и близких к ним представителей ученого мира: А. Ф. Гильфердинга, Ф. В. Чижова, В. А. Панова, В. А. Елагина и пр.

Основную литературу по теме см.: Лаптева Л. П. Ян Коллар в русской довоенной литературе // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970. С. 291–309; Slovanská vzájemnost. 1836–1936. Praha, 1938; Ivantyšovová T. Česi a Slováci v ideologii ruských slavjanofilov. (40.–60. roky XIX. storočia). Bratislava, 1987. Рокина Г. В. Деятель словацкого национального возрождения Ян Коллар и его связи с Россией. М., 1987. Автореф. канд. дис.

2. ОР РРБ. Ф. 566. Картон 6. Д. 12. Л. 11–13. (Кизеветтер А. А. О славянстве.) Публикация этой статьи предполагается в журнале "Славяноведение". 1993. № 4.

3. Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем // Вестник Европы. Т. 9. С. 323.

4. Гильфердинг А. Ф. Венгрия и славяне // Русская беседа. 1860. Кн. 20. С. 34.

5. Сиротинин А. Н. Коллар и Хомяков // Россия и славяне. СПб., 1913. С. 223–244.

6. ОПИГИМ. Ф. 178. Д. 36. Письма В. А. Панова М. А. Пановой. Письма В. А. Панова к матери из славянских земель были найдены словацким исследователем Т. Ивантышиновой летом 1991 г., расшифрованы М. Ю. До-сталь. В настоящее время готовится совместная публикация названных писем.

7. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. М., 1871. Т. 3. Записки о всемирной истории. С. 91–94, 418 и пр.
8. Чешская литература. С. 1774-го до 1848-го года // Русская беседа. 1860. Кн. 20. С. 40.
9. Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760. Praha, 1972. S. 232.
10. Коллар Я. О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отечественные записки. 1840. Т. 8. № 2. С. 92.
11. Рокина Г. В. Ян Коллар и русское славяноведение первой половины XIX в. // Общественные движения и партийно-политическая борьба в странах Европы и Америки в новое и новейшее время. М., 1986. С. 155–169.
12. Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М., 1960.
13. Биографические данные о В. А. Панове см.: Модзалевский Б. Панов Василий Алексеевич // Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. 13. С. 261–262.
14. ОПИГИМ. Ф. 178. Д. 36. Л. 32 об.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Коллар Я. О литературной взаимности... № 1. С. 3.
19. ОПИГИМ. Ф. 178. Д. 36. Л. 32 об.
20. Там же.
21. Там же. Л. 33а.
22. Матула В. Представления о славянстве и концепции славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура // Советское славяноведение. 1978. № 2. С. 58–71. Смирнов Л. Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780–1848) // Национальное возрождение и формирование славянских литератур. М., 1978. С. 131–157.
23. РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 1327. Л. 9–9об.
24. Смирнов Л. Н. Указ. соч. С. 156–157.
25. Гильфердинг А. Ф. Западные славяне // Русская беседа. 1858. Кн. 12. С. 25.
26. Там же. С. 28, 29.
27. Коллар Я. Указ. соч. № 1. С. 4.
28. Цамутали А. Н. В. И. Ламанский // Славяноведение в дореволюционной России. Био-библиографический словарь. М., 1979. С. 216.
29. Подробнее см.: Francev V. A. Ohlasý Kollárový rozpravy "O literárnej vzájomnosti" v ruské literatúre let 30. a 40. // Slovanská vzájemnosť: Sborník prác. S. 175–205; Чернобаев В. Коллар в России // Ibid. 3. 152–174. Biografické štúdie: Zborník materiálov z vedeckej konferencie o Jánovi Kollárovi. Martin: Matica Slovenská. 1976. С. 6.
30. Коллар Я. Указ. соч. № 1. С. 3.
31. Досталь М. Ю. Основные проблемы истории славян в журнале "Русская беседа" // Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 27–28. Новейшая литература о русских славянофилах указана на с. 58–59.
32. ОР РРБ. Ф. 566. Картон 6. Д. 12. Л. 21.
33. Примечание редакции "Русской беседы" к статье: Отрывки из писем о положении славян в Европе М. П. Погодина к министру народного

- просвещения по возвращении из путешествия в 1839-м и 1842-м гг. //
Русская беседа. 1859. Кн. 13. С. 61.
34. Ivantyšynová T. Česi a Slováci v Ideologii ruských slavjanofilov...
S. 162–182.
35. РО ИРЛИ(ПД). Ф. 3. Оп. 7. Д. 22. Л. 14 об.
36. Коллар Я. Указ. соч. № 2. С. 66.
37. Чем поддерживается православная вера у южных славян? // Рус-
ская беседа. 1860. Кн. 20. С. 21–22.

РУССКАЯ ПЕРИОДИКА О ЯНЕ КОЛЛАРЕ (Первая половина XIX века)

Среди представителей чешской и словацкой поэзии и науки в России первой половины XIX века Ян Коллар, наряду с Шафариком, был одним из наиболее известных. Его имя тогда довольно часто упоминалось в печати, с него во многом собственно и началось знакомство русских читателей со словацкой литературой. Сообщения о Колларе в русской прессе дают определенное представление не только о начале знакомства с ним, но и о раннем периоде русско-словацких литературных отношений в целом. Поэтому известия о Колларе, в основном в русской периодике, черпавшей сведения о нем из разных зарубежных источников, переписки, а также из самих его сочинений, представляют особый интерес.

Впервые о Колларе-поэте в России узнали и услышали примерно тогда же, что и в Чехии и в Словакии, может быть лишь с небольшим запозданием. В 1822 году в журнале "Сын отечества" была помещена статья "Обозрение новейшей богемской литературы". В ней о Колларе было сказано следующее: "Г. Коллар написал около ста сонетов, и издал их вместе со своими элегиями и эпиграммами. Во многих из его сонетов виден истинный дух Петrarки; элегии и эпиграммы его, по размеру их также почитаются в числе лучших. Сей поэт, равно как и Сафарик (Шафарик. — Л. К.), принадлежит к славянам венгерским, из коих протестанты берут верх над католиками в познании богемского языка, употребляемого ими для письма, и стараются тем возвысить своих соотечественников"¹. Как ни коротка эта информация о начинавшем свой поэтический путь Колларе, почертнутая из немецкой печати, они тем не менее достаточно содержательна. В ней охарактеризована его первая поэтическая книга, сказано о таланте поэта и, что для вас особенно важно, о его стремлении "возвысить своих соотечественников". Значение этого русского сообщения о Колларе и его "Стихах" (1821), станет еще большим, если

мы вспомним, что в Праге до него об этой книге была всего одна очень краткая информация в 1821 году, а первая рецензия (Челаковского) на нее появилась лишь через десять лет.

Более обстоятельную и разностороннюю характеристику деятельности Коллара содержат "Библиографические листы" (1825), издававшиеся П. И. Кеппеном, встречавшимся с Колларом еще в 1822-м в Пеште во время своего заграничного путешествия. Уже в предисловии к годовому комплекту "Биографических листов" за 1825 года Кеппен среди "почтеннейших особ, благоволивших почтить" его "сообщением статей или известий" для помещения их в "Листах...", наряду с Добровским, Ганкой и Шафариком, называет "Г-на Коллара в Песте (нето Вене)". Упоминает он имя Коллара и среди иностранных "споспешествователей и любителей славянской филологии", от которых ожидает содействия своему изданию, и в первом номере "Библиографических листов" (на этот раз о Колларе сказано, что он "проповедник для словян протестантов в Песте и Офене").

Один из разделов (II) рубрики "Иностранные литературы", в № 18 "Библиографических листов" за 1825 год, был озаглавлен Кеппеном "Литература богемская и словацкая". Этс название сопровождено интересным примечанием: "Мы говорим здесь вместе о литературе двух языков: богемского и словацкого, которые по всем правам могут стоять один подле другого, из коих словацкий сколько мы успели заметить, менее уклонился от древних форм нежели чешский (или богемский) может быть более оного утонченный и обработанный писателями"².

Упомянутый раздел открывается специальной статьей о "Дочери Славы". Поскольку это было первое русское (да и не только русское) более или менее развернутое сообщение о поэзии Коллара и о нем самом, приводим его полностью: "Sláwy Dcera we třech Zpěwjch od Jana Kollára. Druhé wydání. W Budině, 1824, w Kralowské uniwiersitské tiskárně. (Ив. Коллара: Дщерь Славы, в трех песнях. Изд. 2-е, печ. в Офене в Унив. тип., без числа страниц, колич. всего 160) в 12.

Первое издание сих стихотворений напечатано в 1821 г. в Праге под заглавием Básně Jana Kollára, оно состояло из

86 сонетов (*Znělek a neb Sonetů*), 4 элегий (*Elegie*), смеси (*Wšecko*) и надписей или двустиший (*Nápisy*) – нынешнее издание содержит один только сонеты, коих тут напечатано 151. Вся книга разделена на песни (или книжки) и каждое такое отделение названо именем рекой, при коей обитают словене: 1. Сала (*Zala*) 2. Эльба (*Labe*) 3. Дунай (*Dunaj*).

Автор, состоящий проповедником при словенско-евангелическом приходе в Песте и Офене, принадлежит к уважаемым литераторам поэтам; он страстно любит свой язык и вообще все славянское, а о чистоте его намерений свидетельствует следующий стих его предисловия (*Předzpěw*): "Sám swobody kdo hoden, swobodu zná wážiti každou". Книга напечатана весьма чистым шрифтом, а все вообще издание служит к чести Офенской типографии³.

В том же разделе содержится подробное сообщение об издании словацких песен, осуществленном в 1825 году Шафариком, Благославом и другими. Сказав, что в издании песен участвовал и Коллар, далее Кеппен замечает: "По поводу нашего запроса (в 1822 г.) о разных оттенках словацкого наречия (или о разных наречиях словацкого языка), г. Коллар сообщил нам о сем предмете сколько можно удовлетворительное известие, которое в последствии времени, напечатано в предисловии к сей книге. Заметим только, что чистейшим или так называемым словацким языком (*wlastní slowenské*) почитают наречие, которое употребляется в горах именуемых Татрами (*Tatra*)"⁴.

Есть в "Библиографических листах" за 1825-й и еще одна заметка, посвященная Коллару. Она была помещена в № 35 и касалась подготовленной Колларом *Citanki*. Об этом издании говорилось следующее: "Выбор сей статей, составляющих сию книгу, и самая наружность оной, назначают ей место в числе первых учебных пособий для словаков... Судя по буквам ю. К., находящимся в конце предисловия объявляемой здесь книги, должно положить, что она издана г-н Колларом". Далее в заметке отмечается, что среди "отличнейших мужей из славян..." поименованы Суворов, Нестор, Ломоносов, Карамзин⁵. Кеппен не ошибся предлагая, что составителем и издателем "Книги для чтения" был Коллар. Разного рода сообщения о нем "в

"Библиографических листах" убеждают в том, что к 1825 году он был достаточно известен в России⁶. Все основные данные о его биографии и творчестве уже тогда стали достоянием русской печати. Примечательно, что в 20-е годы в ней появлялись не только сообщения о Колларе, но и цитировались его высказывания, правда не всегда вполне точно воспроизведенные.

Нередко имя Коллара упоминалось в русских периодических изданиях при общей характеристике литературной жизни в Чехии и Словакии. Так например, в Литературной газете, издававшейся Дельвигом при содействии Пушкина (№ 57 за 1830 г.), Коллар назван среди "славного ряда новобогемских писателей, коими трудами усовершенствование отечественной словесности и языка, доведено до того, что они могут надежно противостоять вполне времени"⁷.

В 30-е годы ряд сообщений о Колларе встречается в московских журналах "Гелескоп" и "Московский наблюдатель", а также в петербургском "Журнале Министерства народного просвещения".

"Один современный богемский поэт, Коллар, — читаем в "Телескопе" (№ 11 за 1831 г.), — издал недавно два тома стихотворений, дышащих пламенным патриотизмом. Под именем *Славы* (Slava) он олицетворил в них свою отчизну, или, лучше сказать, всю родную семью Славян, и изливается перед ней в пламенных выражениях неисповедимого одушевления, подобно, как перед обожаемою любовницею, или как таинственная госпожа Гюон перед несозданною красотою. В его стихотворениях есть нечто сходное с *Мелодиями* Томаса Мура, где родная Ирландия олицетворена под своим древним именем Эрина. Страсть коей сгорает душа поэта, едва скрывается под его слишком прозрачными аллегориями. Иногда даже увлекаясь исступлением чувства, он не может совладать с собой и его Славянская душа вся обнажается. В своих патриотических восторгах он обращается преимущественно к России. "Исполинская дщерь Славян, могущественная Россия, — восклицает он в одном из своих благородных порывов, — когда соединишь ты в одну рукоять эти разметанные ветви одного корня, когда сольешь в один поток эти расплесканные волны одной крови"⁸. Вот такие дополнительные сведения о

"Дочери Славы" получили русские читатели спустя шесть лет после первого сообщения об этой поэме в "Библиографических листах". Они были почерпнуты редакцией "Телескопа" из французского журнала "Ревю Британик".

В 1832 году в том же журнале "Телескоп" (№ 24) появляется еще одна развернутая характеристика всей деятельности Коллара, принадлежащая профессору Варшавского университета Андрею Кухарскому. Он писал: "Г. Коллар, проповедник Евангелической славянской церкви в Песте, столице Венгрии, почитается первым между богемскими стихотворцами. Знаменитейшая его поэма есть *Дочь Славы*, оживленная славянской народностью и стоит того, чтобы все племена славянские читали ее. Его проповеди превосходны. Он собрал в Венгрии и издал славянские песни, участвует в журналах, также сей почтенный и истинно ученый славянин, занимается еще объяснением древней истории славян. Ревность его ко всему, что может просветить и улучшить состояние его прихожан, беспредельна. В пользу юношества, обучающегося в славянском училище, основанном собственным его старанием в Песте, он издал книгу для чтения, наполненную очень хорошими статьями, между коими находится историческое и географическое сведение о славянах вообще..."⁹ К имевшимся ранее известиями о Колларе здесь добавились сведения о нем, как общественном деятеле и человеке.

На следующий год в "Телескопе" (№ 10 за 1833 г.) появился перевод отрывка из письма К. Винаржицкого, озаглавленный "О богемской литературе", где тоже говорится о Колларе. "Первое поэтическое оригинальное произведение, — писал Винаржицкий, — могущее служить украшением всякой литературе, есть бесспорно Slavy Dsега, творение Коллара, славянина из Венгрии. Здесь поэт воспевает идеал славянской красоты и славы, в трех песнях, названных по названиям трех рек: Салы, Эльбы и Дуная, каждая из сих песен состоит из пятидесяти сонетов. А в первой песне он весь предан дрожайшему предмету своей любви во дни счастья до минуты разлуки. На Эльбе он в борьбе с своею любовью и непреклонною судьбою. На Дунае живет еще воспоминанием исчезнувшего блаженства; песнь его отзывается там в тоне кроткой меланхолии. Жива

и пламенна его фантазия; равно умеет он вдохнуть своему образу любезнейшую нежность и окружить его эфирным очаровательным блеском. При всей своей возвышенности он никогда не оскудевает в ясности речи. Стих его текуч, рифм звучен и полновесен. Коллар есть Петрарка своего народа”¹⁰. И здесь автор “Дочери Славы” представлен как выдающийся славянский поэт. При этом приводились более полные сведения о его поэме, о ее содержании и художественных особенностях. И пусть эти сведения были несколько упрощенными и односторонними, все же они были полезны, так как расширяли представления читателей “Телескопа” о Колларе и его главном произведении.

Нельзя не сказать еще об одном важном известии о Колларе, появившемся в “Телескопе” в 1836 году (№ 1). Мы находим его в статье издателя журнала Н. И. Надеждина, впоследствии встречавшегося и переписывавшегося с Колларом. Статья называлась “Европеизм и народность в отношении к русской словесности”. В ней рассматривались вопросы соотношения в сравнительно молодой русской литературе своего (народного) и очерпнутого ею из других литератур (европейских). Говоря о центростремительном и центробежном началах жизни каждой литературы, Надеждин уделяет большое внимание языку как основе литературного развития. Касаясь в этой связи не только русского языка, но и языков славянских народов, живущих в Австрии, он писал: “Теперь несмотря на политическое владычество языка немецкого, славянские языки во многих областях империи не только сохраняют свою самобытность, но процветают живою, богатою, могущественною литературою. Преимущественно отличаются в этом отношении, языки чешский в Богемии и словакский в Венгрии. Там издаются журналы, говорятся проповеди, существует театр, пишутся и переводятся ученыe сочинения. А поэзия – поэзия. Я уж не говорю о поэзии, которая есть неумолкающий голос народа, ничем не подавляемое, ничем не заглушаемое эхо народного бытия: стоит только назвать “Славыдцеру” великого Коллара – это огнедышащее извержение славянского вдохновения! Таково состояние славянских языков под немецким гнетом”¹¹. Не трудно заметить, как существенно отличается оценка, данная

"Дочери Славы" Надеждина, от того, что сообщалось о ней в том же "Телескопе" до этого. Надеждин явственно почувствовал ее народность, осознал ее общественное значение. Его понимание "Дочери Славы" не совпадало и с некоторыми ее более поздними оценками славянофильского толка.

Журнал "Телескоп", который с 1831 года издавался Надеждиным, сделал особенно много для популяризации творчества Коллара в России. В этом смысле показательно авторское примечание, которым сопроводил Надеждин свои замечания о поэме "Дочь Славы" в статье "Европеизм и народность...": "Нам обещан разбор этого дивного произведения чисто славянской поэзии"¹². И, наверно, такой разбор появился бы, если бы в 1836 году за публикацию "Философических писем" Чаадаева "Телескоп" не был закрыт, а его редактор не сослан в Усть-Сысольск.

Почти одновременно со статьей Надеждина, в октябре 1835 года в журнале "Московский наблюдатель" была напечатана подробная рецензия И. М. Бодянского на изданную Колларом книгу "Народные спеванки или светские песни словаков в Венгрии" (Часть 1-я и 2-я, Буда, 1834–1835). Эта рецензия содержала много сведений об истории и культуре словаков. Говорилось в ней и о том, что издатель словацких песен Ян Коллар из Туроча, кроме того является автором книги *Básně* (1821), поэмы *Síawy Dceta* (1824), состоящей из 3-х песен, сборника проповедей, составителем книги *Citanka* (1825). В примечаниях к этой информации сообщалось, что в 1832 г. в Пеште лиро-эпическое произведение "Дочь Славы" было напечатано вторым изданием и теперь имеет 5 песен. "Оно писано, – сказано в примечании, – змелками (сонетами) и сопровождено томом в двое большим его самого приметок и высветливок, облачающих в авторе глубочайшую ученость и ум, и весьма интересных для славянофилов. Когда-нибудь мы постараемся познакомить как с самим стихотворением, так и с выкладами к нему покороче наших читателей"¹³. Это намерение Бодянского, кажется, осталось неосуществленным. Кроме нового издания поэмы "Дочь Славы", он сообщил в примечании еще об одном издании Коллара, вышедшем в 1834 г. в Буде под названием *Gmenoslow, čili Słowník osobných gmen.*

Были и другие известия о Колларе в 30-е годы в русской периодике, в частности в "Журнале Министерства народного просвещения". Так, в рубрике "Иностранные книги" в 1936 году в нем был опубликован отрывок из письма собирателя и издателя старославянских памятников А. А. Титова, который писал: "Поэта Коллара я не видел и не знаю, пишет ли он теперь что-либо: ибо недавно женился, но его Slavy Сега (Дщерь Славы), поэма в сонетах, имела успех и расход неимоверный в Богемии и Венгрии"¹⁴. Помимо Титова в IX части "Журнала Министерства народного образования" за 1836 год в статье "Литература славянских народов" о Колларе писал П. И. Кеппен, сообщая о нем как собирателе и издателе народных словацких песен¹⁵. В том же журнале в 1838 году в статье "Новейшая чешская литература" славист М. И. Касторский не раз упоминает имя Коллара. "После Челаковского, — писал он, — общее мнение ставит двух поэтов Коллара и Голого. "Дщерь Славы" первого Российской Академия почтила медалью; Голый написал героическую поэму "Сватоплук". "Дщерь Славы" есть идеал красоты женской, "Сватоплук" идеал мужской силы и ума"¹⁶. В своей статье Касторский называет ряд произведений и изданий Коллара.

Одновременно со статьей Касторского в XVIII части "Журнала министерства народного просвещения" была помещена статья Шафарика "Изображение Чернобога в Бамберге" в переводе и пересказе П. И. Прейса. Она содержала слова: "Ревнителю славянской славы, Яну Коллару, суждено было сделать это важное открытие при рассмотрении в 1825 году достопримечательностей собора Бамберского... В том же году напечатал он известие об этом открытии, приложив снимок с изображения"¹⁷. Эта публикация положила начало знакомству русской общественности с научной деятельностью автора "Дочери Славы".

Как известно, 30-е годы явились временем, когда для подготовки профессоров кафедр "истории и литературы славянских наречий" Московского, Петербургского, Харьковского и Казанского университетов в славянские страны направлялись молодые русские ученые. Первым из них был О. М. Бодянский, выехавший за границу в октябре 1837 года. Как и все кандидаты на профессорские должности (в

1839 году вслед за Бодянским в славянские страны выехали И. И. Срезневский и П. И. Прейс, а позже, в 1844 году – В. И. Григорович, Бодянский должен был писать донесения о своей работе. Эти донесения публиковались в "Журнале Министерства народного просвещения". В своем донесении попечителю Московского учебного округа от 1 (13) февраля 1839 года Бодянский сообщал о своей встрече в Будине и Пеште "с Иоаном Колларом, знаменитым чешско-словенским поэтом "Дочери Славы", автором многих иных творений, печатающим теперь сочинение "Богиня Славы", в котором славянские писатели найдут глубоко ученое и основательное сравнение баснословия своих предков с божествами индianов"¹⁸. Эта выдержка, помимо сообщения о новом сочинении Коллара, любопытна тем, что в ней, по сути дела, сказано о его причастности к жизни двух литератур, в чем можно видеть более глубокое понимание природы его творческой деятельности.

В 1840-е годы по сравнению с предшествующим десятилетием сообщений о Колларе в русской печати было меньше. Это в какой-то мере объяснимо, интенсивность литературной деятельности Коллара с годами снижалась.

После публикации в 1839 году в "Отечественных записках" известного трактата Коллара "О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими" (№ 1–2), Белинский заметил и отметил его в своей статье "Русская литература в 1840 году" (Отечественные записки, 1841, т. XIV, № 1), отнеся к тем "ученым статьям", которые, как он полагал, "были особенно замечены" читателями и получили среди них известность¹⁹.

О Колларе и о своей встрече с ним в Пеште в 1845 году рассказал русским читателям два года спустя ученый-славист Н. А. Ригельман в своих путевых очерках "Письма из Вены". Они были опубликованы в "Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год", и затем в 70-е годы переизданы. Ригельман дал довольно подробную характеристику деятельности Коллара. Начиная свой рассказ о нем, он писал: "В Пеште – столице Венгрии... самый замечательный человек для каждого славянина есть, без сомнения Ян Коллар, поэт, проповедник, разыскатель славянских древностей... Он принадлежит к числу тех мужей, ко-

торые постигли умом и сердцем, что пришло для славян время снова напомнить Европе о своем существовании, и отдали всю свою жизнь служению этой мысли”²⁰.

В “Письмах...” Ригельмана обращает на себя внимание довольно редко встречающееся в воспоминаниях о Колларе его словесный портрет. “Я провел с Колларом, – пишет он, – всего один вечер; но его образ и разговор врезался в моей памяти. С первого взгляда я не узнал пылкого поэта и ученого, всегда увлекающегося, в человеке преклонных лет, почти дряхлом, маленького роста; но когда из под зеленого зонтика, надетого на глаза, сверкнул его живой взгляд, когда разговор после привычных приветствий затронул чувствительные струны, тогда старик преобразился, голос его сделался звучным и сильным, и все существо вполне соответствовало умной и энергичной речи. Коллар более всего говорил о путешествии своем в среднюю Италию, составляющем как бы продолжение Италии северной...” Не менее интересна у Ригельмана и характеристика печатных и устных проповедей Кэллара, в которых он “как пастор реформатский, употребил проповедь орудием народно-просветительского поучения, в ней он связал наставление с целью национальною; он часто говорит с церковной кафедры о прежних судьбах славян, о великих и замечательных мужах их истории, о священной обязанности каждого хранить завет своих предков, хранить свой язык”. Переходя к характеристике “Дочери Славы”, Ригельман подробно передает ее содержание и замечает: “Как деятель славянский, Коллар произвел эпоху изданием своей поэмы “Дочь Славы”²¹.

Особое место среди появившихся еще при жизни Коллара русских известий о нем занимают рецензии на его ученые труды, принадлежащие И. И. Срезневскому. Это были самые крупные по объему публикации о Колларе. Помимо информации о нем как об ученом, они всегда содержали много сведений о биографии Коллара, о его поэтическом творчестве, о библиографии основных изданий, подготовленных им. Так, рецензия Срезневского на книгу *Cestopis obsahující cestu do Horní Italie* (1843) в ж. “Москвитянин” (1844) – она называлась “Путешествие И. Коллара по Северной Италии, Тиролю и Баварии” – содержала боль-

шой материал о жизни и разнообразном творчестве автора этой книги и как общественного деятеля, и как поэта, и как ученого. Примечательна заключительная часть вступительного текста рецензии. "Отлагая до другого случая обзор Дочери Славы и Поучений (Проповедей и речей. - Л. К.) обратимся теперь к его путешествию. Коллар виден в каждом из своих сочинений, как в зеркале; каждое из них есть как бы особенный портрет его нравственной физиономики, его взгляда на мир и современность, его стремлений, желаний, надежд, так и в этом последнем"²⁷. Эти строчки интересны в двух отношениях. Из них следует, что Срезневский предполагал написать специальную работу о поэме "Дочь Славы". Очевидно, с этим замыслом и связана имеющаяся в его архиве незаконченная рукопись "Сонеты Яна Коллара", о которой нам уже приходилось говорить²⁸. Другое, что обращает на себя внимание, это отношение Срезневского к уже немолодому Коллару как к ученому-поэту и поэту-ученому одновременно. В своей благожелательной рецензии на его книгу об Италии он только знакомит читателей с ее содержанием, однако своего "мнения о мнениях Коллара" не выражает, заметив, что "это было точно было не дурно; не все однако то легко, что хорошо", и сославшись при этом на недостачу времени и места²⁹.

Еще одна рецензия Срезневского на новое сочинение Яна Коллара "Die Götter von Retra" появилась в 1851 году незадолго до его кончины. По своему построению она подобна предыдущей. В начале дается общая характеристика жизни и творчества Коллара, а далее уже сообщается его суждения о прильвицких языческих божествах прибалтийских славян, в подлинность которых верили не все. Для нас в данном случае прежде всего интересна первая, общая часть рецензии, в которой Коллару дана одна из наиболее полных русских характеристик. "Не раз уже повторялось у нас имя Коллара. Это одно из тех имен, которые останутся неразлучны с воспоминаниями о жизни западных славян в первую половину XIX века и всегда будут оживлять это воспоминание образом светлым и чистым, какой может иметь только о муже, одаренном необыкновенною силою духа, силою любви к правде, отечеству и соплеменникам, силою деятельности и самоотвержения", - такими проро-

ческими словами, которые подтвердила жизнь, начиналась вторая рецензия Срезневского. Далее в ней говорится: "Читатель может быть знает, что Коллар великий поэт, что он творец "Дочери Славы" (Dcera Slawy), чудной оды-поэмы в 645 сонет, оживленной почти исключительно одним чувством любви к славянам, – любви пламенной, подчинявшей себе всю душу, все помыслы поэта... Приобретши себе славу своим поэтическим даром, Коллар умел ее поддержать и возвысить и как лучший чешский проповедник и как один из самых начитанных ученых. Как проповедник он более тридцати пяти лет исполняет обязанности словацкого пастора при Евангелической церкви в Пеште... И на кафедре оставался Коллар верным чувству любви к Отечеству и Славянству, вселяя ее в своих слушателей, поучал их о судьбах славян, о их призвании". И еще один отрывок из вступительной части рецензии на книгу о прильвицких богах: "Как ученый Коллар трудится с постоянным усилием, все более расширяя круг своих разысканий, но и на этом поприще постоянно оживляя себя и своих почитателей тем же чувством славянина-патриота. Он начал изучением народностей и особенно народной поэзии, и как плод первых своих трудов, издал, сначала с Шафариком, небольшое собрание словацких народных песен, а потом один – собрание огромное, систематическое ученое, в двух больших томах. Это лучшее из собраний славянских народных песен. Труд этот, потребовавший по мысли Коллара, многих разнообразных разысканий, завлек его в изучение разных запутанных вопросов древностей славянских... Не перечисляя всех сочинений Коллара, бывших плодом его ученого трудолюбия, нельзя не вспомнить его "Рассуждений о древностях славянских", его "Богини Славы", его Путешествия в Италию, его Старо-Италии славянской. Одних этих книг было бы достаточно для славы любого ученого"²⁵. Во вступлении к рецензии Срезневский достаточно глохно охарактеризовал все основные моменты деятельности Коллара. Подробно рассказав затем о находке пастором Спонгольцем в конце XVII века котла со статуэтками языческих богов прибалтийских славян, обо всей последующей истории этой находки и связанных с нею спорах, Срезневский в заключение призывает русских ученых высказаться об исследовании Коллара и дополнить его.

На этом мы завершим обзор выявленных русских прижизненных известий о Колларе, ряд которых достойно

венчает собою рецензия Срезневского на его книгу о славянских языческих богах. В нем по необходимости много цитат, но, видимо, читателям все-таки лучше услышать голоса самих русских литераторов и ученых, писавших в первой половине XIX века о выдающемся сыне Словакии, нежели пересказы их мыслей и суждений. А прочесть ставшие библиографической редкостью публикации и оригиналах теперь стало не просто.

Надо заметить, что нельзя полностью исключить возможность наличия каких-то других (кроме названных) русских публикаций о Колларе в 1820–1840-е годы. Периодика тех лет обширна. Следует также иметь в виду, что не одно упоминание о нем содержат разного рода статьи и заметки того времени, которых мы не коснулись²⁶. Однако все же думается, что содержание основных учченых сообщений о Колларе в русской печати, о которых шла речь, дает представление о том, насколько популярен он был в России, как живо реагировала на его творчество русская литературная общественная и научная мысль, как привлекали его сочинения внимание к жизни и культуре словацкого народа. Практически еще при жизни Коллара русские читатели располагали сведениями обо всех наиболее значительных его произведениях, среди которых на первом месте по праву была "Дочь Славы". Большой интерес к Коллару в России сохранился и во второй половине века, но это был уже совсем иной период развития русской и словацкой литературы, равно как и связей между ними. Он требует своего отдельного рассмотрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сын Отечества, 1822, № XIX, с. 213.
2. Библиографические листы 1825 года. С.-Петербург, 1826 (Предисловие).
3. Там же, столбец 252–253.
4. Там же, столбец 254.
5. Там же, столбец 520.
6. Любопытно, что в № 26 "Библиографических листов" (1825) было помещено, кажется, ошибочное сообщение о том, что Коллар сложил с себя звание словенского проповедника в "Песте и Офене". Очевидно, оно явилось следствием сообщения кого-то из чешских будителей в Россию о крайне тяжелом положении Коллара, заставлявшего его думать об оставлении Пешта.

7. Литературная газета, 1830, № 57.
8. Телескоп, 1831, № 11, с. 400–401 (Курсив журнала). Госпожа Гюон — французская писательница Жанны Мария Гюон.
9. Там же, 1832, № 24, с. 536–537 (Курсив журнала).
10. Там же, 1832, № 10, с. 253–254.
11. Там же, 1836, № 1, с. 243–244.
12. Там же, с. 244.
13. Московский наблюдатель, 1835, кн. I, с. 411 (курсив журнала).
14. Журнал Министерства народного просвещения, 1836, часть IX, с. 214.
15. См. там же, с. 428.
16. Там же, 1838, часть XVIII, с. 651.
17. Там же, с. 229.
18. Там же, 1839, часть XXIII, с. 281.
19. См.: Белинский В. Г. Собрание сочинений в трех томах, т. I. Москва, 1948, с. 730.
20. Цит. по кн. Ригельман Н. Три поездки за границу. Москва, 1871, с. 211.
21. Ригельман Н. Продолжение писем из Вены // Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847, с. 244, 246. Заметим, что в том же 1845 г., что и Ригельман, с Колларом встречался в Пеште известный русский математик, общественный деятель и писатель Ф. В. Чижов. Он тоже оставил свои записки о беседе с Колларом, однако они были опубликованы лишь значительно позже. Поэтому мы ограничимся здесь только отсылкой к сборнику "Славянский архив" (М., 1958), где они помещены (публикация И. В. Кузьменко).
22. Москвитин, 1844, часть III, С. 131.
23. См.: Кишкин Л. С. Срезневский в Словакии // Советское славяноведение, 1991, № 4, с. 91–97.
24. Москвитин, 1844, часть III, с. 151.
25. Журнал Министерства Народного Просвещения, 1851, ч. LXX, отд. II, с. 87, 87–89, 89. Обе рецензии Срезневского, кроме своего прямого назначения, преследовали цели распространения подписки на книгу Коллара о путешествии в Италию в одном случае и помочь изданию его труда о славянских богах — в другом. Кроме того, первая рецензия вместе с другими публикациями, как можно думать, способствовала тому, что в 1845 году Коллар был избран почетным членом Общества истории и древностей российских.
26. Немало сведений об этом содержит статья А. А. Зайцевой "Ян Коллар и русско-чешские литературные связи" // Литература славянских народов, вып. 8. Москва, 1963. В статье говорится и о русских переводах из Коллара.

КОЛЛАР, СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ, ВЕНГРИЯ

Ян Коллар, один из самых ярких представителей славянского возрождения в Средней Европе¹, жил и творил в подвластной династии Габсбургов Венгрии. Представляется, что этот простой, самоочевидный факт, ни в каких доказательствах не нуждающийся, имел некоторое отношение к деятельности поэта и мыслителя, и имеет, вероятно, такое же отношение к анализу этой деятельности. Разумеется, гораздо важнее ее словацкие, чешские и прочие славянские аспекты, но они, как правило, находятся в центре внимания исследователей, являющихся, к тому же, в большинстве своем славистами по профессии, если не по велению души. И это вполне понятно: речь-то идет о делах славянских. Тем не менее, можно предположить, что не будет абсолютно бесполезным взглянуть на Коллара, его мировоззрение с другой стороны, неславянской. Хотя бы потому, что он жил и творил в Венгрии первой половины XIX века. И главное его сочинение, "Дочь Славы" – библия всеславянской идеи – было сотворено в венгерской столице.

Но даже если бы не было этих, внешних как будто бы, обстоятельств, строго научный подход потребовал бы учета венгерских связей и венгерского фактора в формировании всеславянской идеи, ибо эпоха Коллара, эпоха славянского возрождения – это одновременно и начало венгеро-славянского противостояния, наложившего на идеологию и политическое учение возрождения отпечаток даже более сильный, нежели противостояние славяно-германское.

Отметим, однако, что Пешт и Буда, как и Вена в первой половине XIX века, гвлялись важнейшими культурными центрами славянских народов как из-за наличия доступных их представителям университетов, гимназий, типографий, так и благодаря господствовавшей в этих городах атмосфере терпимости и либерализма даже в годы, когда меттерниховская реакция достигла своего алогея. Она, эта атмосфера, сделала возможной публикацию в Пеште "Дочери Славы", "поэтического евангелия славянской взаим-

ности", по известному выражению Я. Влчека, а также учреждение в Буде в первой половине 30-х гг. XIX века первой словацкой культурной организации, "Ассоциации сторонников словацкого языка и литературы" во главе с Колларом, чьи не слишком лестные для мадьяр суждения ни для кого не являлись секретом. Достаточно сказать, что с каждым новым, расширенным и дополненным изданием "Дочери Славы" (2-е в 1832 г., 3-е в 1845 г.) усиливались антимадьярские элементы. В эти же годы параллельно наметились два противоположных по целям и задачам взаимоисключающих процесса – сближение зарождающихся национальных движений славянских народов с габсбургским абсолютизмом, несмотря на освободительный характер и объективно демократический характер этих движений, и одновременно с этим углубление пропасти, разделявшей венгерское освободительное движение и венский двор. Откровенный интерес, демонстративно проявленный меттерниховским режимом в 40-х гг. XIX в. к лидерам славян и румын Венгрии, был обусловлен в первую очередь нарастающей мощью и размахом антиабсолютистского и антифеодального движения мадьяр. Меттерних и его коллега-соперник по министерству Ф. А. Коловрат-Либштейнски, богемец по происхождению, планомерно и вполне осознанно проводили политику противопоставления славян и мадьяр, все чаще прибегая к тактике прямых репрессий по отношению к последним. В то время как габсбургская власть в знак своей благосклонности к соперникам венгерской оппозиции позволяла Штуру и Людовиту Гаю налаживать издание национальных органов печати, учреждать культурно-просветительские организации типа Матиц, Кошути и его сторонников австрийские власти сажали в тюрьмы, дабы подвергнуть суровому испытанию их стойкость, моральный дух, самое здоровье. На венгерскую общественность большое впечатление произвел нарочито теплый прием, оказанный венским двором в 1842 г. словацкой делегации, привезшей в имперскую столицу верноподданническую петицию, под текстом которой стояли подписи 200 виднейших представителей словацкой интеллигенции. Коллар, один из главных инициаторов и организаторов петиционной кампании, удостоился длитель-

ной аудиенции у Коловрата. Несколько лет спустя он сменил скромное место служителя церкви в Пеште, где провел без малого три десятилетия, на почетную и влиятельную тогда "номенклатурную" должность профессора Венского университета, утверждаемую министерством в Вене. Тогда же в 1840-х гг. развернулась публичная полемика между ведущими органами национальной печати двух соседних народов, между "Пешти Хирлап" Кошута и "Народне Новины" Штура, между классиком венгерской литературы М. Вёрёшмарти и Колларом. С легкой руки Лайоша Кошута в разгар этой полемики за Яном Колларом прочно закрепилась репутация "панслависта".

В этой связи возникает целый ряд конкретных вопросов: заслужил ли Коллар эту репутацию? Ошибался ли Кошут на этот счет на все сто процентов? А также и некоторые вопросы более общего характера: что подразумевалось под термином "панславизм", словом "панславист" тогда и теперь, в середине века XIX и на закате века XX? В рамках краткого сообщения ответы возможны только фрагментарные и далеко не систематизированные, напоминающие скорее "размышления на тему о ...", нежели строго логически обоснованные и глубоко продуманные.

Во-первых, думается, не надо бояться термина "панславизм". Нужно освободить его от чрезмерно эмоционального отношения, относясь к нему так же спокойно, как мы относимся к пангерманизму, панисламизму, пантюркизму, панамериканизму, паневропеизму и прочим "панизмам", которые, будучи применяемы нами, ничью национальную гордость не ущемляют, ничью чувствительность не задевают. Термина "панславизм" не чурался и сам Коллар. Ольга Лебедева-Бухарова обратила мое внимание, за что я ей глубоко благодарен, на следующую выдержку из Коллара, в которой косвенно дана его интерпретация термина "панславизм", как понятия, "касающегося ихватывающего всех славян": "Wir verlangen auch nicht, dass jeder Slawe alle, in allen Mundarten erschienende, Bücher und Zeitschriften kaufe; den dazu würden die Vermögen und, (Umstände der Einzelnen nicht hinreichen, sondern nur das, was in jeden Art vortrefflich, klassisch und dem inhalte nach panslawisch) all Slawen betreffen und umfassend ist"⁴. (Подчеркнуто мною. – Т. И.)

В дальнейшем славянские авторы, обращаясь к идеям Коллара, преднамеренно избегали термина панславизм, не желая отождествлять Коллара с панславизмом. Причины очевидны: в Европе панславизм ассоциировался с определенной идеологией и политикой. Политический контекст, наряду с культурнопросветительским, присутствовал, однако, и в концепции Коллара, мечтавшего о том, чтобы единый славянский народ занял в будущем подобающее ему, его численности и потенциальному могуществу место в европейской семье народов. В этой концепции был также своеобразный словацкий подтекст. Обладая двойственным самосознанием – всеславянским и словацким, Коллар сознавал, что реализация самобытности возможна лишь при опоре на мощного союзника⁶. Во-вторых, панславизм, как и прочие подобные ему "пан-измы", течение идеально неоднородное, никогда и нигде не имевшее четко оформленной политической программы. Но он не был в то же время политически индифферентным явлением, и нельзя сказать, что он был совершенно чужд политике, что он не использовался в целях и чисто политических⁶.

Тому пример и наш Коллар. Его всеславянские (можно спокойно сказать панславянские!) идеи были безусловно направлены преимущественно к достижению культурного, духовного единства великого и могучего славянского племени, к культурному сотрудничеству между различными его ветвями, к налаживанию книгообмена, к учреждению Славянской академии и Славянской кафедры, и кстати тоже в Пеште, а не в Прешипореке. Но он же с той же страстью жаждал "промышленности, заводов, мануфактур"⁷ ... для ... славян. Того же добивался его политический антипод Лайош Кошут, словацкий отпрыск, но для всей многонациональной Венгрии, а не только для мадьярского племени. Мануфактуры и фабрики, промышленность – предмет заботы Коллара, – мягко говоря, не совсем продукты духовного производства. Забота об экономическом процветании многомиллионного, разделенного государственными границами славянства напрямую выводила чисто культурно-просветительскую идею Коллара на политику, на большую политику, поскольку затрагивала интересы

окружающих стран и народов. Точно также не лишена была политической окраски его мысль, в то время еще неясно оформленвшаяся, о необходимости создания Словакии в рамках империи. Осуществление ее предполагало бы разрушение традиционной, исторически сложившейся комитатской структуры королевства Венгрии вследствие выделения из ее состава десятка комитатов со словацким большинством и десятками городов, населенными преимущественно немцами либо мадьярами, или совместно теми и другими. Перспектива далеко не радужная для мадьяр и будущности венгерского государства.

Не подлежит сомнению, что венгерская общественность заблуждалась, путая невинные колларовские идеи славянской взаимности, всеславянства и культурного сотрудничества славянского мира с политическим панславизмом, усматривая порой в концепциях Коллара и других будителей несвойственные им устремления, направленный против единства венгерского государства заговор, а в самих будителях видели агентов русского царизма. Венгерские деятели были не в состоянии ощутить различие между Россией царской, самодержавной, и Россией демократической, между прогрессивной русской культурой и реакционной идеологией царизма. Они с подозрением отнеслись к участвовавшим визитам в Венгрию И. И. Срезневского и других выдающихся русских ученых, в особенности к их словацким связям. В чем причина этих заблуждений? Только ли в злом умысле, в упрямом нежелании мадьяр отнестись с пониманием к идеям, воодушевлявшим славян, к их идеалам, ценностям, устремлениям, в мадьярском шовинизме, националистической ограниченности, в антиславянски ориентированном предубеждении мадьяр, в складывавшемся у них в рассматриваемую эпоху образе врага в лице России и ее вероятных союзников из австралийских и венгерских славян, в непомерном преувеличении реального значения для Венгрии русской угрозы?

Начнем с того, что и просвещенные, членные лидеры славян Венгрии и Австрии не всегда умели делать различие между Россией Романовых и Россией Герценов и Чернышевских, с той лишь разницей, что в противоположность венгерским представлениям о России, в славянских кру-

гах империи Габсбургов, в частности и особенности у словаков, чаще проявлялась склонность к идеализации России, ее внутреннего устройства и внешней политики, к некритическому, говоря по-современному, ее восприятию.

Идеальное царство, созданное поэтическим воображением Коллара в его "Дочери Славы", населяли не только ангелы во плоти, но также Александр I, великий князь Константин, и даже Николай I, и это вряд ли могло способствовать росту симпатии к Коллару и его идеям у читающей венгерской публики. К тому же, предводитель венгерских племен Арпад, основатель династии и самой Венгрии, был помещен автором в ад.

Царистские иллюзии увлечение не одного только Коллара, не только плод фантазии поэта. Временами они овладевали и массами, становясь таким образом, материальной силой. В 1831 г. во время волнений, охвативших всю северо-восточную Венгрию, крестьяне словаки, русины, украинцы, румыны ждали избавления от гнета венгерских помещиков от православного белого царя, надеясь, что он посадит на венгерский престол великого князя Константина Павловича⁸, того самого, чей дворец был атакован варшавянами 29 ноября 1830 г., подавшими штурмом Бельведера сигнал к началу знаменитого в польской истории восстания. Симпатии, которые испытывал Коллар к представителям дома Романовых, к счастью, или, может быть, к несчастью для словацкой нации, если принимать во внимание возрождение в конце XX в. культа монархии в нашей стране, не имели далеко идущих реальных последствий, чего нельзя сказать о другом его увлечении, а именно языковорческом. Не стоило бы говорить о колларовском вкладе в развитие славистики как филологической дисциплины, неслависту тем более, если бы этот вопрос он не выходил за пределы чисто лингвистической сферы. Случилось обратное. Стремление сделать чешский язык литературным языком двух самостоятельных народов, разработка концепции единого чехо-словацкого племени (ветви), в сущности, единой чехословацкой нации, дало рождение мощному идеологическому течению, переросшему впоследствии в ведущее направление национального движения чехов и словаков, чехословакизму. Чехословакизм,

пишет наш старый друг Владимир Матула, "стал манифестацией гегемонистских усилий чешской буржуазии и ее идеологов после 1830-х гг."⁹ Эстафету чехословакизма Коллара принял великий Масарик, один из самых замечательных деятелей Средней Европы. Развитый им на рубеже двух веков в стройную и логическую политическую доктрину, чехословакизм составил идеологическую основу первой Чехословацкой республики. Сохранились ли какие-нибудь его пережитки в идеологии, в общественном сознании, судить богемистам и словакистам. Последнюю точку под почти вековой эпопеей чехословакизма поставил при безмолвном вынужденном ассистировании Вацлава Гавела наш словацкий современник Мечиар. Чехословакизм, как и югославизм, австрославизм, илиризм, представляет ограниченные и конкретизированные варианты всеславянской идеи – панславизма. Разумеется, он – изобретен не Колларом и не им разработан. Более того, Коллар решительно выступал против тех, кто требовал от словаков, чтобы "они себя уничтожили и без изъятия чехализировались". В данном случае речь идет о крайней, радикальной разновидности чехословацкой идеи, от которой Коллар, естественно, счел нужным отмежеваться. Вместе с тем несомненно также, что в системе его взглядов были элементы, о которых уже говорилось выше, которые впоследствии легли в основу концепции чехословакизма.

Покойный Людевит Голотик, видный словацкий историк, полагал, однако, что "теория единства чехов и словаков, вновь возрожденная Т. Г. Масариком", была преодолена еще в 1840-х гг. Автор полагал, что эта идея уже сама по себе к тому времени устарела, отжила свой век ввиду очевидной национальной дифференциации славянства вообще, чехов и словаков, в частности, у которых процесс становления в современную нацию к середине XIX в. шел уже полным ходом¹⁰.

Естественно, что в условиях обострения межнациональных противоречий 1830–1840-х гг. внимание венгерской политической элиты привлекли не просветительские идеи Коллара, а в первую очередь идеально-политическое содержание его творчества, его политическая деятельность^{11–12}. Особое беспокойство вызывали тенденции к блокированию

зарождавшегося движения словаков и их лидеров с обеими династиями, австрийской и русской. Все это углубляло взаимное недоверие и страх в обоих лагерях, усиливало национализм венгерский и национализм словацкий. Существенным элементом обострения межнационального конфликта, достигшего своего апогея в ходе революции 1848–1849 гг., была политика, проводившаяся государственным собранием, комитатами и лидерами освободительного движения Венгрии в национальном вопросе, рассмотрение которой представляет собой тему для отдельной статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зайцева А. А. О некоторых особенностях метода и стиля поэмы Яна Коллара "Дочь Славы". – Ученые записки Института славяноведения и балканстики АН. 1960. Т. 21; Rosalbav K. Konceptia slovanskej vzájomnosti v období P. J. Šafárika a J. Kollára. – "Historický Časopis", 1960; Matula, Bladimír. The Conception and the Development of Slovak National Culture in the Period of National Revival // Studia Historica Slovaca, Bratislava, 1990. Pp. 153–194; Богданова И. А. Просвещение как начальный этап формирования национальных культур. – "Формирование национальных культур в странах Центральной Европы и Юго-Восточной Европы". Москва, 1977.

2. Grabauer F. J. Metternich der Kutscher Europas. (Selbstverlag), 1959; Palmer A. Metternich. London, 1972; Haas A. G. Metternich, Reorganisation and Nationality 1813–1818. Wiesbaden, 1963; Idem. Metternich and Slavs. // Austrian History Yearbook, 1968–1969 V. IV–V. Pp. 121–156.

3. Существенно различный подход к славянам, мадьярам, к национальному вопросу вообще демонстрировали Коловрат и Меттерних. Первый не скрывал своих симпатий к славянству, он, в частности, содействовал учреждению Матицы чешской; второй не скрывал своей антипатии к мадьярам, вскоре к венгерскому партикуляризму, и с начала 1840-х гг. вплотную занимался им, стремясь устраниить эту угрозу единству и целостности империи. Не выказывал он особого расположения, кстати, и к славянам. Славян в его глазах был не более предпочтительным, чем ненавистный мадьяризм. Он одинаково презирал и славян и мадьяр, причисляя их к азиатским народам. Не слишком почитал князь Меттерних, впрочем, и неазиатских итальянцев. Связано было все это скорее с его космополитическим мировоззрением, чем немецко-националистическим чванством, ибо немецкий национализм канцлер преследовал еще более упорно и последовательно, чем национализм других подданных Габсбургов. Во внутреннимперских делах, однако, он не был столь всемогущ, как принято считать, ибо власть приходилось ему делить с Коловратом, с эрцгерцогами-членами Государственного совета. "Я иногда правил Европой, – как-то "скромно" заметил Меттерних в беседе с французским министром Гизо, – но Австрией никогда".

(Grabauer F. J. Metternich der Kutscher Europas. (Selbstverlag). 1959. S. 243.

4. Kollár J. Über die Slawische Wechselseitigkeit. Pest, 1837. S. 14.

5. Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1980.

6. О термине и содержании понятия "панславизм" см. Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов "пангерманизм" и "панславизм" // Славяно-германские культурные связи и отношения. Москва, 1969, с. 25–69; Kohn H. Pan-Slavism. Its History and Ideology. New York, 1960; Fischel A. Der Panslawismus bis zum Weltkrieg. Stuttgart-Berlin, 1919; Kohn H. Die Geschichte des Panslawismus. Wien-München, 1956; Словацкие аспекты панславизма рассмотрены также в следующих публикациях: Mésáros J. Magyaren und Slowaken. Zur Frage des Panslawismus in der Vormärzzeit. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas . 1967. S. 393–414; Durcansky Fr. Die Slowakei und der Panslawismus, München, 1965; Ludovit Stur und die slawische Wechselseitigkeit. Red. L. Holotik. Bratislava, 1969.

7. Arató E. Kelet-Európa története a 19 század első felében. Bp., 1971, 160–161. old.

8. Ibid., 302. ol.

9. Matula VI. Op. cit., p. 170.

10. Holotik L. Die Slowaken. // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. 3. Die Volker des Reiches. 2. Teilband. Wien, 1980. S. 795.

11–12. Kosáry D. Ujjáépítés és polgárosodás 1711–1867. Bp., 1990, 295. old.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯНА КОЛЛАРА И ОБЩИЙ ПРОЦЕСС ВОЗРОЖДЕНИЯ МАЛЫХ НАРОДОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Личность и творчество Яна Коллара сегодня, когда мы отмечаем 200-летие со дня его рождения, можно представить как некоторую точку пересечения эпох, философских течений и самосознаний многих народов Центральной Европы. Чешский и словацкий поэт и ученый, он начал учебу в словацкой Банской Бистрице (где его любимым преподавателем был венгерский патриот Пал Магда) и завершил образование в германской Иене. Самый плодотворный период его жизни пришелся на годы жизни в многонациональном Пеште. Жизненный путь Коллара завершился, когда он был профессором Венского университета. Так пестр уже географический контур его биографии.

Характерное пересечение стилей различных эпох сказалось даже на формальной стороне его творчества: утвердив своим центральным произведением "Дочь Славы" классицистический жанр патриотическо-дидактической поэмы, он написал ее сонетами — мало употребительными в эпоху Просвещения и классицизма и ожидающими в пору романтизма. О пересечении просветительской и романтической тенденций в творчестве Коллара говорит и тот факт, что, будучи современником романтической школы, он в гораздо большей степени, чем это свойственно европейским романтикам, обращается к ее предшественнику — Гердеру.

И при всей своей внешней противоречивости фигура Коллара является достаточно типичной для той плеяды поэтов Центральной Европы первой половины XIX века, которые были одновременно собирателями и издателями произведений фольклора, борцами за создание национальных языков и укрепление национального самосознания своих народов (Ф. Л. Челаковский, К. Я. Эрбен, В. Караджич и др.).

Приведенный нами ряд имен типичен для исследова-

ний творчества Коллара, привычно ставящих его в славянский контекст. Мы попытаемся несколько сместить акценты, проведя параллели между творчеством Коллара и венгерской литературой его эпохи. Коренное различие славянских и венгерского языков, историческая центральная роль венгров в Габсбургской империи и даже тот факт, что Гердер в своей знаменитой книге "Идеи к философии истории человечества" предрек славянам небывалый расцвет, венграм же — забвение и рассеяние среди славян, — все это вместе взятое, часто приводит к тому, что культура Венгрии исследуется вне контекста окружавших ее славянских культур и наоборот. Венгерский литературовед, компаративист Л. Сиклаи писал: "Если подняться над романтическим взглядом на литературу, основанном на принципе языкового родства, легко заметить, что — вследствие сходства общественного и идеологического развития — развитие славянской польской литературы находится гораздо ближе к неславянской венгерской, чем, например, к славянской болгарской, в то время как эта последняя представляет тип литературного развития, близкий романскому"¹.

Распространенное в XIX веке в Центральной Европе выражение *Slavica non legentur* относилось, разумеется, не только к славянам, но и к венграм и к румынам. Поэтому общим для этих народов было как стремление к созданию и утверждению собственного "полноценного" языка, так и вынужденное использование языков-посредников: наиболее распространенного в начале XIX века немецкого, традиционного для научных трудов латинского, а также в условиях Дунайской империи венгерского как одного из государственных. Ян Коллар оказался самой судьбой поставленным в центр этого центральноевропейского клубка противоречий и сам выбрал себе в нем центральную проблему — языка и национальной культуры.

Весь этот комплекс проблем осеняет личность Гердера, творчество которого стало в XIX веке связующим звеном между культурами Западной и Центральной и Юго-Восточной Европы. В основном с помощью его посредничества распространялись в Центральной Европе идеи Локка, Руссо, Гаманна. По всей видимости, причиной того, что

Гердер смог сыграть такую роль, явился прежде всего его гуманистический универсализм. Гейне писал о нем: "Гердер рассматривал человечество как великую арфу в руках великого мастера, каждый народ казался ему по-своему настроенной струной этой исполинской арфы, и он понимал универсальную гармонию ее различных звуков"². Для угнетенных славянских (а также венгерского и румынского) народов эта мысль оказалась источником сил для борьбы за национальное возрождение.

Коллар, учившийся в Иене уже после смерти Гердера, близко воспринял многие его идеи. Без сомнения под непосредственным влиянием трудов Гердера написано его наставление "Dobré Vlastnosti Národu Slowanského" (1822), который в свою очередь воздействовало на "Историю славянского языка и литературы всех наречий" Шафарика (1826). Позже влияние Коллара и Шафарика сказалось на творчестве Яна Голлого и Людовита Штура.

Но Чехией и Словакией не исчерпывается влияние Гердера через посредничество Коллара на славянские и центральноевропейские народы. Никола Иванишин пишет о сильном воздействии гердеровских реминисценций у Коллара на движение иллиризма в Хорватии и Славонии³.

Во всех этих сложных опосредованных межевропейских влияниях следует особо отметить роль Иенского университета. В 1800 году Иенский Сенат писал габсбургскому императору: "Ни один из старейших университетов Северной Германии не обучает такого количества студентов из Венгрии и Трансильвании, как наш"⁴. Студенты из этих стран объединялись Иенским Конвиктом за так называемым "венгерским столом" – по реескрипту от 3.09.1818 года Конвикт доплачивал за еду венгерских и трансильванских студентов. Инспектором Конвикта был в то время Эйхштедт – филолог, интересующийся проблемами Юго-Восточной Европы, которого студенты этих стран называли своим "высокочтимым покровителем".

Уже за этим "венгерским столом" завязывались связи Коллара со своими будущими почитателями, интерпретаторами, переводчиками – в том числе с Карлом Георгом Руми, дружба с которым будет очень важна для Коллара во время его жизни в Пеште. Многие исследователи творче-

ства Коллара утверждают, что именно в Иене Коллар проникается свойственным немецким студентам той эпохи духом высокого патриотизма и их буржуазно-антифеодальными идеями, что именно в прошлом Тюрингии он находит следы былого расцвета и трагедии своего народа⁵. (Хотя А. А. Зайцева находит уже в его "Дневнике" периода учёбы в Бачской Быстрице записи, свидетельствующие, что еще на родине он начинает тот титанический труд, который увенчался изданием "Народных песен"⁶). Все это безусловно верно, хотя само по себе уже достаточно парадоксально. Но помимо фактов его дружбы с немецкими студентами и профессорами (о чём говорят, например, постоянные нарушения им запрета Габсбургского двора на путешествия венгерских студентов по Германии – в чем ему помогали профессор Н. Луденс и студент Л. Виланд) интересны факты, свидетельствующие о том, что среди немецкого окружения в Иене он ощущает себя в какой-то степени венгром. И дело, видимо, не только в официальном наименовании студентов Дунайской империи, но и в чувстве некоей общности именно венгероязычных учащихся. 1 мая 1818 года Эйхштедт получил прошение от студентов круга Коллара, в котором говорилось об их желании столоваться отдельно от немцев и трансильванцев: "Мы все-таки венгры и не хотели бы окончательно утратить на чужбине дух своего Отечества"⁷.

После переезда в Пешт Коллар становится в духовную оппозицию и венгерской и немецкой культурам – здесь он особенно сильно ощущает себя словаком, пастырем (в широком и узком смысле слова) словацкого меньшинства. Но эту свою миссию он не мог бы осуществлять как без посредничества немецкого и венгерского языков и культур, так и без своих личных немецко-венгерских связей.

Довольно типична в этом отношении фигура Лайоша Шедиуса – преподавателя Пештского университета, реформатора евангелической школы и немецкоязычного венгерского патриота. В 1802 году Шедиус основал "Zeitschrift von und für Ungarn", основной задачей которого была апология венгерского патриотизма. Издание на немецком языке преследовало сразу две цели: объединение культурных людей всех национальностей в Габсбургской монархии и

пропаганда культур малых народов, населяющих Дунайскую империю, за рубежом. Характерно для общекультурного направления этого журнала то, что здесь в 1804 году публиковались отрывки из гердеровских "Идей к философии и истории человечества", в том числе глава о славянах, которая именно после этой публикации стала популярна, «примеру, в Сербии и Хорватии⁸.

Позиция Коллара была противоположной – он не одобрял подобной просветительской деятельности Шедиуса, Руми, Пиркера на немецком языке, настаивая на необходимости развития самостоятельных языков и культур малых народов. Тем не менее именно Шедиус давал ему советы по составлению прошений в Вену в защиту словацкого языка⁹. Коллар же, который во время своей жизни в Пеште всячески сопротивлялся насаждению немецкой культуры и языка, называл Германию не иначе как "завистливой Тевтонией" и в труде "О литературной взаимности" утверждал, что японцы и китайцы лучше ценят и больше ценят славян, нежели немцы, – этот Коллар воскликнул в 1847 году: "Не только Юнгманн, Шедиус тоже умер!" – поставив тем самым немецкоязычного венгерского патриота в один ряд с обновителем чешского языка¹⁰.

Можно приводить достаточно много примеров личной дружбы и сотрудничества Коллара с немцами и венграми, которые помогали ему в борьбе против мадьяризации, за права словацкого народа, защищали вместе с ним словацкую школу и церковь. Для нас же сейчас особенно важно, что посредничество немецкого и венгерского языков способствовало популяризации трудов Коллара во всей Европе. Его проповеди и отдельные сонеты из "Дочери Славы" переводили на венгерский и немецкий М. Эстергайи, Д. Шароши, К. Руми и В. Венциг. Опубликованные в 1827 году в "Monatschrift" восемь сонетов Коллара в переводе Венцига получили высокую оценку самого Гете¹¹.

Таким образом, в первой половине XIX века в Европе начинала сбываться мечта Гердера об универсальной гармонии, составляющими которой должны быть национальные культуры.

Малые народы Дунайской империи взаимно обогащали друг друга сокровищами своей истории и культуры. Труды

собирателей народной поэзии постоянно пересекались. Барон Лайош Меднянски, считавший себя венгерским патриотом и гордо называвший себя по-немецки славянином ("Ich bin Slave und bin stolz darauf")¹², помогал Коллару собирать материал для его "Народных песен". Венгерский собиратель фольклора и предметов народного быта Миклош Янкович состоял в переписке с Колларом и в 1825 году получил личную благодарность епископа Я. Себерини за его деятельность по примирению евангелистов разных национальностей в Пеште и Буде.

Пр всем стремлении этих фольклористов к сбору народного творчества именно своего народа нередкими были в их изданиях случаи языкового смешения, как, например, у Коллара: "Ej, Ištenem, Ištenem, čože si ja vystanem"¹³.

Деятельность фольклористов оказывала подобный же "пересекающий" эффект на авторскую поэзию – тем более, согласно теории Гердера собственно народная поэзия не отделялась существенным образом от авторских стилизаций. Так, долгое время не могли установить факт перевода Хааном на чешский язык "Песни Зрини" Ференца Кёльчей, так как замена всего лишь имени Арпад на имя Святоплук привела к тому, что все это произведение зазвучало в переводе как подражание Коллару¹⁴.

Нахождение в этом поле пересечения одних и тех же вдохновляющих идей, теорий и сходные пути развития венгерской и словацкой литератур приводили к таким удивительным совпадениям как выход в 1824 году "Дочери Славы" Коллара, а в 1825 – гээмы "Бегство Залана" М. Вёррёшмарти – произведений явно самостоятельных, но обладающих таким количеством созвпадений, что литературоведы до сих пор ищут общий источник их происхождения.

Приводя все эти достаточно разнородные факты биографии и творчества Яна Коллара, мы хотели показать, что его деятельность оказалась в центре общего центральноевропейского процесса возрождения малых народов, питалась не только чешскими и словацкими (и вообще славянскими) источниками и оказывала влияние далеко не только на славян.

Именно такое положение дало ему возможность и право со всей убедительностью написать в своем трактате

"О литературной взаимности славян" слова, звучавшие актуально до сих пор: "Берегитесь тупого, нетерпимого патриотизма... мы отнюдь не хотим проклясть любовь к родине, а желаем только, чтобы она перестала носить античный характер и приняла характер гуманный... Насмотрение среди наций сейчас таково, что скорее горячая любовь к родине оказывается грехом против человечества, нежели свободные гражданские убеждения грехом против родины"15.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Sziklai L. Együttélés és többnyelvűség az irodalomban. Budapest, 1981, 51. o.
2. Гейне Г. Собрание сочинений. М., 1936. Т. VI. С. 211.
3. Nikola Ivančin. Herder und der Illyrismus. — In: Johann Gottfried Herder. Zur Herder-Rezeption... Berlin, 1978.
4. Steiger G., Köhler O. Unbekannte Dokumenten der Völkerfreundschaft der Universität Jena. Jena, 1970. S. 13.
5. См. н-р, Fenyő J. Nemzet, nép, irodalom. Budapest, 1973. Horváth J. A magyar irodalmi népiesség Faluditól Petőfiiig. Budapest, 1978.
6. Зайцева А. А. Проблемы эволюции поэтического творчества Я. Коллара. Автографат диссертации. С. 10.
7. Unbekannte Dokumenten... S. 18.
8. Horváth J. A magyar irodalmi népiesség. Budapest, 1978. 142. o.
9. Sziklai L. Szomszédainkról. Budapest, 1974. 127. o.
10. Там же.
11. Jähnichen M. Zwischen Diffamierung und Widerhall. Berlin, 1967. S. 20.
12. Sziklai L. Szomszédainkról. 139. o.
13. Там же. С. 187.
14. Sziklai L. Vísszhangok. Bratislava, 1977. 126. o.
15. Коллар Я. О литературной взаимности славян. — В: Антология чешской и словацкой философии.

**ЯН КОЛЛАР
И
"ПЕШТИ ХИРЛАП"**

2 января 1841 года в типографии Л. Ландерера в Пеште был отпечатан первый номер "Пештского вестника" ("Пешти хирлап"), выходившего до января 1849 года сначала два, затем три раза в неделю, а после начала революции 15 марта 1848 года ежедневно. За первые три года своего существования газета стала одной из наиболее читаемых и влиятельных: ее тираж возрос с 60 до 5200 экземпляров¹, больше, чем у любой другой газеты. Выход "Пешти хирлап", которую с 1841 по 1844 год редактировал Л. Кошут, знаменовал собой появление новой прессы, ориентированной на отражение политических интересов различных социальных слоев и групп². "Пешти хирлап", способствовавшая консолидации дворянской либеральной оппозиции и ставшая выразительницей ее идей, отражала интересы венгерского среднепоместного дворянства. В публикациях газеты по вопросам развития экономики, социальных отношений, культуры настойчиво проводилась главная программная установка либеральной оппозиции – необходимость создания национального государства посредством социально-экономических и политических реформ. Не остались без внимания на страницах газеты и проблемы национальных движений невенгерских народов, а также концепция славянской общности, сформулированная Я. Колларом. Ниже речь пойдет о том, как была воспринята эта концепция авторами статей "Пештского вестника", каким содержанием было наполнено колларовское понятие славянской взаимности в венгерском общественном сознании, о том, какие факторы обусловили неадекватное восприятие идей Коллара венгерской общественностью.

"Пешти хирлап" в своих публикациях и Коллар в своих сочинениях отразили два разных подхода к пониманию нации. Венгерский подход сочетал в себе государственно-территориальную (французскую) и культурно-языковую

(немецкую) концепции нации³. Нация определялась как общность людей, объединенная государственными институтами, общей историей и языком. В № 10 за 1842 год "Пешти хирлап" писала, что "чтобы народ имел национальность, необходимо, чтобы члены его были связаны узами общей конституции, общей потребностью прогресса и развития и общими переживаниями о вместе пережитом славном прошлом". Словакский народ, исходя из этого, лишался права называться нацией, это не существующая и не существовавшая нация – писала "Пешти хирлап" в том же году⁴. Нация так же определялась как общность людей, живущих на исторически сложившейся территории (землях "святой короны") вне зависимости от их этнической принадлежности. Инонациональное население рассматривалось, соответственно, как венгры, говорящие на других языках, что создавало основу политики мадьяризации – средства создания национального государства. Однако активные проводники этой политики, как, например, К. Зай, генеральный инспектор лютеранских школ в Венгрии, поддержаный Л. Кошутом и его газетой, делали упор на добровольное признание инонациональным населением необходимости изучать венгерский язык, язык свободы⁵.

Процесс развития венгерского национального сознания сопровождался активизацией "мы" – чувства, во многом под влиянием складывания в обществе этнически разнонаправленных систем ценностей⁶. Это выразилось в стремлении подчеркнуть достоинства своей нации, ее исключительность за счет выделения недостатков других наций. Славяне рисуются в газетных публикациях 40-х гг. как нецивилизованные варвары, в свою очередь историческая судьба Венгрии, ее историческое предназначение быть форпостом западной цивилизации в борьбе с варварским Востоком⁷. Тем не менее, имеются многочисленные примеры уважительного отношения представителей венгерской интеллигенции к истории и культуре славянских народов⁸.

Концепция славянской солидарности Коллара была, по мнению современного исследователя М. Пишута, своеобразной компенсацией комплекса национальной неполночленности⁹, возникшего вследствие неразвитости социаль-

ной структуры словацкого общества и проводимой политики мадьяризации¹⁰. История и культура словацкого народа осмысливаются Колларом как приобщенные к славной и богатой истории и культуре славянства в целом. Опорой развивающейся нации становятся, таким образом, не традиции самостоятельной государственности, а общность культуры различных славянских народов. Это навлекает на Коллара обвинения в отсутствии патриотизма – вместо нации ему больше нравится писать о единой славянской нации и единой для всех славян родине, – писал 2 октября 1842 года в "Пешти хирлап" Ф. Пульски, представитель дворянской либеральной оппозиции¹¹. Коллар характеризуется в печати не иначе как подстрекатель духовенства пештского словацкого прихода¹², в его работах усматриваются ярко выраженные антивенгерские мотивы. В каждой строке колларовского трактата "О литературной взаимности между различными племенами и диалектами славянской нации", по мнению Пульски, проглядывают ненависть к венграм и панславизму¹³.

В вышеупомянутом трактате Коллар ссылается на Я. Геркеля, который впервые употребил термин "панславизм" для обозначения славянского языкового единства. "Согласно Геркелю, – пишет Пульски, – панславизм – это не более, чем *uplo in literatura*, в другом месте, однако – это то, что касается и интересует каждого славянина...; но трудно поверить, что каждого славянина касается и интересует только литература"¹⁴. Схожесть взглядов Коллара и Геркеля (последний оказал большое влияние на формирование взглядов Коллара) создала основу для использования понятия "панславизм" для характеристики содержания идей Коллара. Тесное переплетение проблем развития культуры с политикой, характерное для венгерской общественной жизни, влияет на то, что понятие "панславизм" наполняется в общественном сознании политическим содержанием и включает в себя национальное движение словаков, культурные связи между славянскими народами, а так же планы политического объединения славянских земель. Национальное движение словаков, таким образом, соотносится в венгерском общественном сознании с развитием связей между ним и Россией. Бросается в глаза силь-

ная эмоциональная окрашенность понятия "панславизм" – его предсталяют в Венгрии (как и в Европе) явлением, несущим угрозу государству и европейской цивилизации. Россия, самая большая из славянских стран, представляла, как считали многие в Венгрии, наибольшую опасность: она всегда "направляла политику таким образом, чтобы придать славянскому движению форму панславизма"¹⁵. В газетах о России писали как о северном чудовище, стоглавой гидре, северном Бриарее¹⁶. Антируssские настроения подогревались во многом польскими эмигрантами, оказавшимися вне пределов своей страны после разгрома восстания 1838–31 гг. Многие поляки оказались в Венгрии, отношение к ним там было весьма сочувственное. "полонофильство в начале 30-х гг. было даже в моде"¹⁷. Антипатии к русскому самодержавию проявлялись в Венгрии вплоть до конца эпохи реформ, вследствие развития национальных движений эти антипатии укреплялись, препятствуя углублению культурных связей с Россией¹⁸, что, однако, отнюдь не свидетельствует об отсутствии интереса к России и ее культуре в венгерской печати. Венгерская общественность имела возможность знакомиться с переводами из русской литературы, публиковавшихся на страницах журналов, имена русских деятелей культуры довольно часто появлялись в периодических изданиях¹⁹. Тем не менее, колларовская идея о том, что величавая Россия – голова славянского движения²⁰, не встретила понимания. "По Коллару, – пишет Пульски, – большая часть Венгрии может считаться принадлежащей России... Мы, бедные венгры, не понимаем и не знаем, какое великое счастье принадлежать к русским"²¹. Угроза венгерскому национальному движению, как явствует из публикаций "Пешти хирлап", исходила не только от возможного участия России в борьбе славян, но и от возможности достижения согласия между венским двором и представителями словаков. Отправка словацкой петиции в Вену в 1842 г. вызвала критику в венгерской печати.

Термин "панславизм" активно использовался на страницах "Пешти хирлап" и в тех случаях, когда речь шла о внутриполитической борьбе. Употребление этого термина должно было подчеркнуть отсутствие патриотизма у того

или иного политического деятеля, в основном у представителей аристократии. Так, например, И. Сечени, давший толчок движению за реформы в Венгрии, выступавший против мадьяризации, заслужил в свой адрес обвинения в недооценке опасности панславизма, в том, что любезный граф своими речами настраивает славян против венгров²³. "Будь я иллиром или славянином - пишет Пульски 1 января 1843 г. в "Пешти хирлап" по поводу речи Сечени в Академии наук, где граф говорил о нечелесообразности и невозможности мадьяризации, - слова графа произвели бы на меня мрачное впечатление. Они убедили бы меня в том, что против моей родной речи венгры составили заговор"²⁴.

Восприятие представителя либеральной дворянской оппозиции идей славянской взаимности Коллара было обусловлено социально-психологическими особенностями процесса развития национального сознания, а так же традициями венгерского дворянского сознания. Концепция Коллара характеризуется как панславизм. Это понятие наполнено различным содержанием и выполняет консолидирующую функцию, подчеркивая принадлежность к политической партии, определенной культуре, нации, европейской цивилизации в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Emlékkönyv Kossuth Lajos. Születének 150 evfordulójára. Br., 1952. K. I. 18.
2. A magyar sajtó története. K. I. Br., 1979. 670.
3. Арато Э. Венгеро-славянские культурные отношения в первой половине XIX в. // Славянские культуры в эпоху формирования и развития наций. М., 1978. С. 345–346.
4. Arato E. A magyarországi nemzetiségek nemzeti ideologiája. Br., 1983. 128.
5. Rapant D. Slovenský prestolný prosbopis z roku 1842. Bratislava, 1943. D. I. 29.
6. Хорева О. А. Актуальные вопросы изучения культуры Чехии середины XIX века // Советское славяноведение. 1991, № 4. С. 35.
7. Эти представления были обусловлены во многом присущим венгерскому сознанию элементом, характеризующим расположение страны между Востоком и Западом. См.: Ortutay Gy. Between East and West // Europa et Hungaria. Br., 1965. 265.
8. Арато Э. Указ. соч. С. 347.
9. Plšut M. Die Slowaken und die Idee der slawischen Wechselseitigkeit in den Zwaniger und Dreissiger Jahren des 19 Jahrhunderts // L'udovit Štúr und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava, 1969. 15.

10. См. подробнее: Rapant D. Illegálina magyarizácia. Bratislava, 1947.
11. Rapant D. Slovenský prestolný prosbopis... D. 2, 411.
12. Pulcsky F. Életem es korom. Bp., 1958. K. I. 176.
13. Ibid.
14. Rapant D. Slovenský prestolný prosbopis... D. 2. 411.
15. Pulcsky F. Op. cit., 175.
16. Meszaros J. Magyaren und Slowaken. Zuf Frage des Panslavizmus in der Formärzzeit // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1967. B. 15, H. 3. 412.
17. Fenyo I. Az orosz Irodalom fogadtatása a reformkorú magyar hírlapokban // Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből. Bp., 1961. K. I. 212.
18. Ibid.
19. См., например: Куренная Н., Майер Р. Русская литература в венгерской периодической печати 1-й половины XIX века // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XIX вв. М., 1990.
20. Коллар Я. Сто сонетов. М., 1973. С. 127.
22. Rapant D. Slovenský prestolný prosbopis... D. 2. 411.
23. Kossuth Lajos Irátait 1843–1848 októberig megjelent hírlapi cikkek. Bp., 191. 4, 5.
24. Meszaros J. Op. cit. 494. .

СОДЕРЖАНИЕ

С. В. Никольский. Ян Коллар – поэт и культурный деятель.....	3
С. А. Шерлаимова. Ян Коллар и Карел Гавличек-Боровский. Две концепции возрожденческого гуманизма	13
Л. Н. Смирнов. Ян Коллар и формирование литературного словацкого языка	25
Ю. Е. Стемковская. Лексика Я. Коллара в "Чешско-немецком словаре" Й. Юнгмана.....	42
В. В. Усачева. Фольклорные интересы Яна Коллара	53
Н. Б. Шведова. "Сто сонетов" Яна Коллара как русский вариант "Дочери Славы".....	63
Л. П. Лаптева. Неопубликованные письма Я. Коллара в Центральном государственном историческом архиве России в Санкт-Петербурге.....	74
Г. В. Рокина. Идея славянской взаимности в России	87
М. Ю. Досталь. Ян Коллар и ранние славянофилы (40-е – 50-е гг. XIX в.)	98
Л. С. Кипкин. Русская периодика о Яне Колларе (первая половина XIX в.).....	111
Т. М. Исламов. Коллар, славянская идея, Венгрия.....	125
Е. Н. Масленникова. Деятельность Яна Коллара и общий процесс возрождения малых народов в Центральной Европе	134
И. В. Попова. Ян Коллар и "Пешти хирлал"	141

ЯН КОЛЛАР - ПОЭТ, ПАТРИОТ, ГУМАНИСТ

К 200-летию со дня рождения

**Сборник подготовлен
в редакционно-издательской группе
Института славяноведения и балканистики РАН**

**Ответственный редактор
С. В. Никольский**

Подписано в печать 12.07.93. Формат бумаги 60 х 90 1/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9.0. Тираж 300 экз.
Заказ № . Цена договорная.

Отпечатано на ротатпринте акционерного общества
"Телеком"

0493RUa